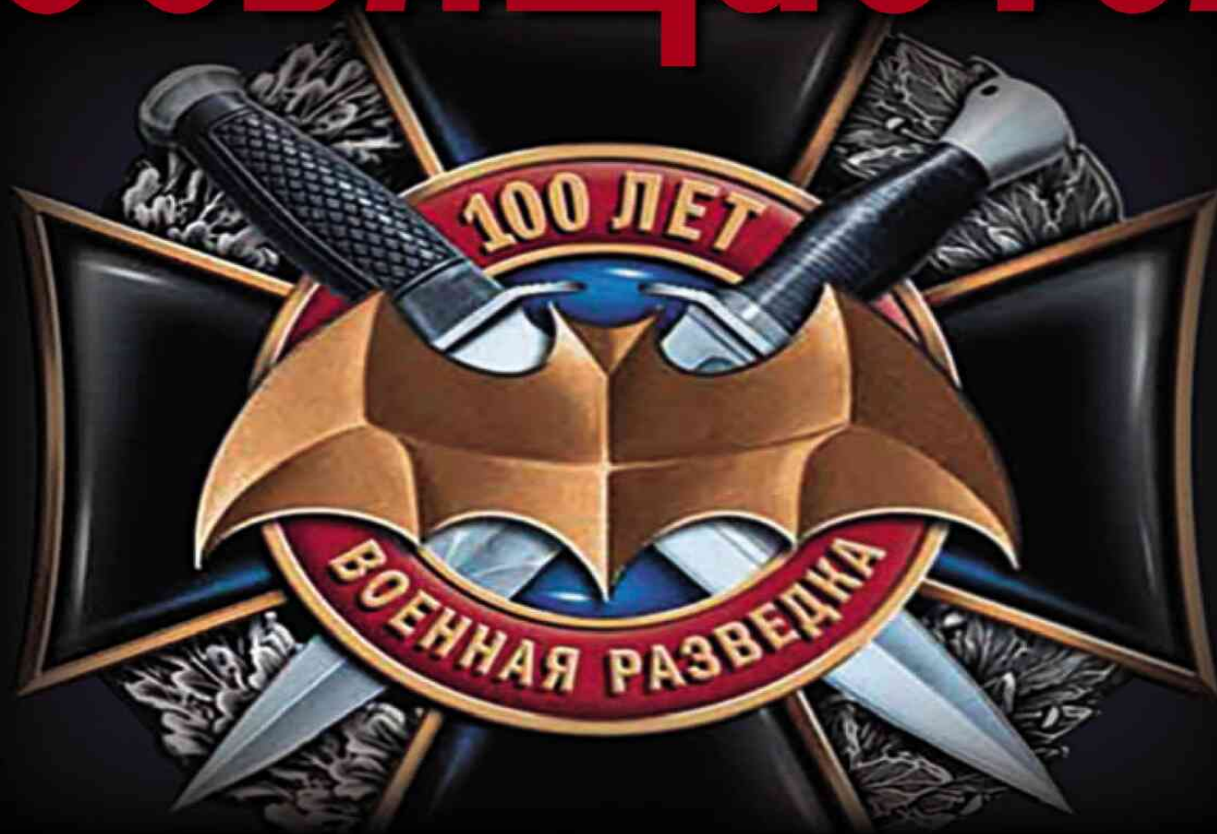

Анатолий
Терещенко

СМЕРШ и ГРУ посвящается

М
И
Р

Ш
П
И
О
Н
А
Ж
А

СОЦИАЛЬНО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛ

www.argumenti.ru • выходит по четвергам

Annotation

В 2018 году Россия отмечает 100-летние юбилеи двух важных подразделений в системе государственной безопасности — военной разведки (ВР) — ГРУ Генштаба Вооруженных сил и Департамента военной контрразведки (ВКР) ФСБ РФ. Всегда считалось, что военная разведка — это глаза и уши армии, а военная контрразведка — ее ангел-хранитель. Если ВР — добывающий информацию орган, то ВКР защищает армию от агентурного проникновения в среду ее личного состава. Книга посвящена некоторым сторонам в истории совместной борьбы военных разведчиков и контрразведчиков во время Великой Отечественной войны и в годы холодной экспансии стран США и блока НАТО — в войне после войны.

- [Анатолий Терещенко](#)
  - [Предисловие](#)
  - [Часть 1](#)
    - [«Черный монах» в служении](#)
    - [О судьбе Проскурова](#)
    - [«Красный оркестр» играет](#)
    - [Полковой разведчик](#)
    - [Разведчица-радистка](#)
    - [Три ли лица у Рихарда Зорге?](#)
    - [Легендарная «Мэйси»](#)
    - [Голый министр](#)
    - [Похищение ракеты](#)
    - [Бригадный генерал](#)
    - [Эпоха Ивашутина](#)
  - [Часть 2](#)
    -

- [О судьбе Михеева](#)
  - [Рождение Смерша](#)
  - [Они сражались вместе](#)
  - [В поисках своих нелегалов](#)
  - [Листовки с неба](#)
  - [Упразднение абвера](#)
  - [Дети-диверсанты](#)
  - [Жуков сдался...](#)
  - [В абвергруппе-102](#)
  - [Схватка с диверсантами](#)
  - [Сталинский фаворит](#)
  - [Месть за победу — война](#)
  - [Герой Днепра и его сын](#)
  - [Нюрнберг под взглядом оперативника](#)
  - [Смертники...](#)
  - [Часть 3](#)
    - [Кривая дорога «Грейспейса»](#)
    - [Янус в трех лицах](#)
    - [Опаснейший «крот»](#)
  - [Послесловие](#)
  - [Библиография](#)
-

Анатолий Терещенко

Смерш и ГРУ посвящается

*К 100-летию образования военной
разведки (5 ноября 1918) и военной
контрразведки (19 декабря 1918)*

Предисловие

Когда ему сказали: «Афиняне осудили тебя на смерть», Сократ ответил: «А природа осудила их самих»..

Диоген Лаэртский

Из оперативного фольклора многим известен такой афоризм, ставший истиной в том, что если военная разведка — это глаза и уши армии, то военная контрразведка — ее ангел-хранитель. Эти два важных государственных инструмента как сообщающиеся сосуды были, есть и останутся, пока против России будут вестись тайные войны холодного или горячего приготовления на кухнях Запада.

В 2018 году эти два государственных ведомства — военная разведка Министерства обороны и военная контрразведка Федеральной службы безопасности Российской Федерации — отмечают 100-летний юбилей, с одной стороны, в условиях крайне напряженной международной обстановки, а с другой — воссозданием порушенных лихими 90-ми многих структурных звеньев в наших Вооруженных силах.

Наконец-то нашлись деньги на быстрое восстановление обороны страны через осознание того, что в однополярном мире международное право — это блеф и о нем вспоминают лишь тогда, когда нужно ограничить в чем-то Россию. Так жить в дальнейшем было нельзя, а поэтому вспомнили о роли армии и флота в государстве, а с ними и военных разведки и контрразведки.

Сегодня россияне проходят через судьбоносные годы возобновления новой фазы холодной войны с

массированным обстрелом самоуверенного Запада наших хрупких экономических бастионов, к великому сожалению, не выстроенных в нужных направлениях державной целесообразности по известным каждому трезвомыслящему и любящему Отчизну человеку причинам.

Продолжается вакханалия: богатеют богатые, нищают простые граждане из-за тяжелейших инфляционных процессов, рожденных отсутствием достаточных инвестиций в развитие современного промышленного производства; постоянных колебаний стоимостных уровней нефти и газа; галопирования цен, особенно на продовольственные товары; космического роста оплаты услуг ЖКХ; правового нигилизма; безработицы из-за отсутствия рабочих мест и перспективной, понятной людям национальной идеи.

Как писал Джордж Оруэлл, *«...мы живем в сумасшедшем мире, о котором противоположности постоянно переходят друг в друга, в котором пацифисты вдруг начинают обожать Гитлера, социалисты становятся националистами, патриоты превращаются в Квислингов, буддисты молятся за победы японской армии, а на бирже поднимается курс акций, когда русские переходят в наступление...»*

Куда мы идем? Что делать? Кто виноват? Почему за всех отдувается только президент? Его одни винят, другие хвалят. Правомерно возникают вопросы: почему многотысячные легионы звездного чиновничества вкупе с заживевшим олигархатом ведут себя боязливо и как-то отстраненно из-за «геополитического одиночества», в какое попала страна, по оценке одного из советников президента? Какова роль в этом экономическом хаосе исполнительной власти? Все чаще и чаще эти мысли обжигают умы пока еще только на кухнях простых граждан.

Лето 2017 года в России выдалось холодным, дождливым и ветреным, и у фермеров и огородников возникала тревога за урожай. Несмотря на природные катаклизмы, мы выплыли, хотя и появлялась у многих нетипичная русская истерика. Неужели нельзя страдать, стиснув зубы, без стонов и воплей, на фоне того, что происходит в мире, где право сильного заменило международное право. А уж если действительно невтерпех, плюнуть этому дикому миру в лицо за подчеркнутые неуважение, ложь, угрозы и ответить русофобам — врагам России смело и решительно или гордо и спокойно пасть на свой меч, как последний римлянин. Ведь Россия — это Третий Рим. Сколько можно ее унижать, а нам утираться от плевков?! Пора уже адекватно и отвечать!

Залпы неприятельских «санкционных батарей» лупят по нашим невозстановленным производственным силам, задевая прямо или косвенно и силовые структуры. Приятно воспринимать процессы с постепенным возрождением армии и флота. Плохо, что в том числе и за счет туго затягивающих пояса налогоплательщиков. Но этого требует грозное время, созданное ненавистниками России и нашими головотяпами.

Не отстают от политиканов-русофобов США и Евросоюза с их агрессивной битой и спецслужбы недоброжелателей России, которые были для нас в разные времена вовсе не партнерами, напарниками или соучастниками, какими хотели их наивно видеть некоторые политики из числа предателей 80- 90-х годов прошлого столетия. Это они призывали помириться с соперниками, прекратить наши разведывательные и контрразведывательные устремления и операции на незримых фронтах. Но противники России, особенно англосаксы, не

приостанавливали ни на минуту свою тайную и коварную деятельность.

В последнее время ощущается возрастание открытости в нашем обществе. Недавно Министерство обороны и ФСБ РФ рассекретили уникальные архивные документы с отчетами из горячих и незримых фронтов борьбы советских военных разведчиков и контрразведчиков периода Гражданской и Великой Отечественной войн. За время 100-летнего этапа этих ведомств было немало героических дел, совершенных солдатами невидимого фронта отдельно и при тесном взаимодействии друг с другом, что позволило подключиться к ним творческих деятелей для создания литературных произведений с патриотической парадигмой.

Широкий круг читателей получил возможность познакомиться через Интернет посредством художественных произведений и публицистики с ранее неизвестными событиями, в том числе эпизодами тайных операций профессиональной деятельности спецслужб, особенно военного времени.

Военные разведчики и контрразведчики в сражениях Великой Отечественной войны делали одно дело — специфическими формами, методами и инструментами воевали на невидимых фронтах, а также с оружием в руках на полях сражений против ненавистного врага, вторгнувшегося в просторы Отчизны.

Перед обеими спецслужбами стояла главная задача — сохранить армию и ее боеспособность к сопротивлению, особенно в первые, самые тяжелые месяцы войны с непредвиденным отступлением перед огненным навалом массовой брони вермахта. Это было время, по воспоминаниям оставшихся в живых, когда сослуживцы очередного пополнения погибали, не успев даже познакомиться.

На плечи военных разведчиков и контрразведчиков легли задачи сохранения боеспособности армии для защиты Отечества, и они достойно, мужественно и авторитетно их решали и решили.

Это было тяжелейшее время не только для РККА, но и для разведывательных и контрразведывательных подразделений госбезопасности НКВД, а потом ГУКР Смерш НКО СССР и Разведывательного управления Генштаба ВС СССР, прошедших через страшное чистилище ежовских репрессий.

И оттого горше, когда приходится читать ложь о деятельности военных разведки и контрразведки в годы минувшей войны с воплями: «недоглядели, не раздобыли, проворонили, отсиделись в тылах». Да, нередко победы приписываются таланту полководцев, а поражения сиротливо вешались на разведку и контрразведку, в том числе и самими полководцами.

В книге Арсена Мартиросяна «Сталин и разведка накануне войны» есть такие слова о том, что в деятельности разведки и контрразведки СССР был, конечно, не только позитив, но и негатив. Были ошибки и промахи — оспаривать это бессмысленно. Но бывает, что негативные явления — неизменные спутники активной разведывательной деятельности... Любая послевоенная ложь о любой минувшей войне начинается со лжи в адрес разведки... История Великой Отечественной войны, прежде всего ее кровавое трагическое начало, — не исключение...

Родоначальниками несносной хулы, лжи и клеветы в адрес советской разведки (безотносительно к ведомственной принадлежности той или иной разведывательной службы) стали маршалы и генералы предвоенной и военной поры. Именно они, за редчайшим исключением, спровоцировали до сих пор не прекращающуюся вакханалию, скажем просто, по-мужски, очень подлых, особо оскорбительных нападок в

адрес отечественных разведывательных служб... К возможному удивлению многих, в подобных делах не принимали участия только два маршала: Великий Маршал Великой Победы — честнейший и благороднейший К.К. Рокоссовский и выдающийся летчик-ас, главный маршал авиации, основатель советской Авиации дальнего действия, верный рыцарь Сталина — А.Е. Голованов. Это говорил эксперт по этой теме А. Мартиросян.

Так уж повелось — у победы тысячи отцов, а поражение — всегда сирота, и ею нередко становились спецслужбы.

На информацию о конкретных военных разведчиках и их агентуре за рубежом в Советском Союзе было наложено табу. Обычному исследователю лучше было не касаться этой щекотливой темы. Правда, издавались книги о нашей разведке, вышедшие за рубежом, одним издательством — «Прогресс». Они давались или продавались только избранным. Понятно, о ком идет речь. Потом стали писать приближенные к руководителям ПГУ и ГРУ. Сами работники практически не писали. И только в последние годы об этих проблемах стали говорить смелее. В первую очередь хотелось отметить шеститомную серию «Очерков истории российской внешней разведки», «Энциклопедию секретных служб России», «Энциклопедию военной разведки России», «ГРУ. Уникальная энциклопедия», «Ликвидаторы КГБ», двухтомник «Империя ГРУ» и др.

Обеспечивая государственную безопасность для плодотворной работы военных разведчиков, сотрудники военной контрразведки в 70-80-е годы XX века вытащили не одну «занозу» из здорового в целом организма ГРУ.

Стараниями наследников Смерша, оперативных работников центрального аппарата 3-го Управления

КГБ СССР в вышеупомянутые годы были обезврежены такие агенты ЦРУ США, как майор Филатов, подполковник Сметанин с супругой, старший лейтенант Иванов, полковник Васильев, служащий Чернов, генерал-майор Поляков, полковник Баранов и др.

Разоблачение вышеперечисленной вражеской агентуры позволило военным контрразведчикам получить огромное удовлетворение от проделанной работы, но не успокаиваться. Кроме того, хотелось бы напомнить и о судьбах некоторых военных разведчиков и их агентуре, в работе с которой снят гриф секретности, и они, выйдя из тени оберегаемой тайны, обрели зримость. Поэтому есть смысл показать степень опасности предательства в разведке на конкретных примерах.

Надо сразу заметить, что в оказании помощи при проведении многих операций против этих антигероев прямо или косвенно участвовал и наш главный герой книги — начальник ГРУ генерал армии Петр Иванович Ивашутин...

С началом войны легальные резидентуры в Германии, ее союзницах и оккупированных странах практически прекратили активную работу, так как всем сотрудникам было приказано любыми способами добираться до СССР. Штабы внешней разведки, как политической, так и военной, теряли связь с разведчиками, даже нелегалами. Большинство агентов из числа советских граждан и иностранцев находились на свободе, но, не имея никаких конкретных заданий, указаний и приказов, были не боеспособны, бездействовали, а некоторые решались через самостраховку и вовсе залечь на дно.

Слабость работы разведок субъективного и объективного характера привела к тому, что в первые же недели войны были фактически уничтожены соединения отходящих с кровопролитными боями

приграничных 5-й, 6-й и 9-й армий Юго-Западного фронта (ЮЗФ), 3-й и 10-й армий Западного фронта (ЗФ).

Командующий ЮЗФ генерал-полковник Кирпонос погиб, выходя из окружения, а фронтовой руководитель ЗФ генерал армии Павлов был вскоре арестован и расстрелян. Оба являлись Героями Советского Союза. В том, в чем их обвиняли Генштаб и сам Сталин, было много несправедливого. Вопрос о том, как вермахту удалось летом 1941 года нанести внезапный массированный удар по нашим войскам западных военных округов, до сих пор будоражит сознание современников.

Взвихренное время быстро нарастающих негативных событий заставило властей предержащих действовать именно так, а не иначе, скрывая, естественно, и свои просчеты, и ошибки, ставшие, по существу, преступлениями. Политическое руководство СССР принимало дезинформационные действия Берлина за истину: демонстрация приверженности Германии советско-германскому пакту о ненападении, отсутствие спорных территорий и, наконец, подготовка к наступательным действиям против Великобритании. Для этого было много ширм: массово печатались карты Англии, в войсках множились переводчики английского языка, открыто демонстрировалось «оцепление» некоторых районов на побережьях проливов Ла-Манш и Па-де-Кале, в открытой прессе проскакивала информация о мнимом авиадесантном корпусе с высадкой на Британских островах.

Сосредоточение войску новой германо-советской границы Берлин объяснял отвлекающим маневром, «отдыхом» войск перед броском на Туманный Альбион и даже походом на Индию через территорию Советской России. Под прикрытием этой всеобъемлющей дезинформации Германия продолжала официально заявлять о положительном развитии советско-

германских отношений. На самом деле наши разведчики докладывали информацию, полученную от агентуры из числа немецких граждан, совершенно иного плана.

И как результат — немецкие «танковые клинья» атаковали именно там, где их ударов совсем не ожидали, и часто это приводило к отсутствию должного сопротивления немецким войскам, хотя взводы, роты и батальоны и особенно пограничники «дрались как львы». Именно это образное словосочетание стало своеобразным брендом мужества и стойкости, жестоким испытанием силы духа и воли того или иного воина, целого воинского подразделения и всего нашего народа.

Уже через месяц после начала Великой Отечественной войны стало ясно, что военная доктрина Советского Союза, отраженная в Боевом уставе РККА — бить врага на его территории, — оказалась мифом. Танковые и моторизованные части и соединения вермахта стремительно наступали и уже к началу осени приблизились на опасное расстояние к Москве.

С началом войны на качество работы наших разведчиков из бывших нелегальных резидентур влияло, как уже говорилось выше, главное — отсутствие качественной связи. По воспоминаниям участников тех событий, радиостанции были громоздкими. Часто выходили со строя, а еще чаще возникали проблемы с их энергопитанием: батареи садились быстро, а новых не было возможности приобрести из-за форсмажорных обстоятельств.

Также одной из главных проблем были действия немецкой контрразведки, в техническом плане более обеспеченной, которая особенно активизировалась после начала войны. Немцы масштабно использовали радиопеленгацию-определение направления на источник радиоизлучения. В городе, где был получен

сигнал радиовыстрела в эфир, появлялось несколько грузовиков с радиопеленгаторным оборудованием. Патрулируя улицы, они могли с точностью до дома определить местонахождение радиоаппаратуры. Радист, попавший в радиоловушку, считался обреченным.

Множество примеров совместного сотрудничества на благо Красной армии показывали также руководители и сотрудники советских военных контрразведки и разведки на Дальнем Востоке в борьбе с японскими спецслужбами как на протяжении боевых действий в завершающий период Великой Отечественной войны с нацистской Германией, так и в противоборстве СССР с Японией в тридцатых годах прошлого века.

Сегодня эти два ведомства совместно делают то же самое на незримых полях тайных сражений. Высшей формой симбиоза, квинтэссенцией взаимодействия, боевого сотрудничества военных контрразведчиков и разведчиков за годы минувших войн, больших и малых, были совместные операции против спецслужб противника.

5 ноября и 19 декабря 2018 года — 100-летние юбилеи военных разведки и контрразведки. Мы воздаем по справедливости дань уважения за героические дела и подвиги их сотрудникам.

Автор этих строк, отдавший две трети своей контрразведывательной практики обеспечению защиты подразделений военной разведки от агентурного проникновения спецслужб противника, решил поделиться некоторыми историческими вехами их становления и эпизодами совместной борьбы по защите нашего Отечества на полях невидимых фронтов.

Часть 1

Военная разведка

Без разведки армия и страна — слепы...

Петр Ивашутин

Прежде чем говорить о военной разведке, есть смысл вспомнить о ее генезисе. Структурная лесенка ее была такова:

- отдел 2-го генерал-квартирмейстера ГУГШ (ноябрь 1917-май 1918);

- отдел агитации и разведки революционного Полевого штаба при Ставке Верховного главнокомандующего (ноябрь 1917- март 1918);

- разведывательное отделение Оперативного управления Высшего военного совета (март 1918 — сентябрь 1918);

- разведывательное отделение Оперативного отдела (Оперода) Народного комиссариата по военным делам (Наркомвоен) (май 1918 — сентябрь 1918);

- военно-статистический отдел Оперативного управления Всероссийского главного штаба (Всеголавштаб) (май 1918- сентябрь 1918);

- разведывательный отдел Штаба РВСР (сентябрь — октябрь 1918);

- регистрационное управление Полевого штаба РВСР (ноябрь 1918 — апрель 1921);

- разведывательное отделение (часть) Оперативного управления Полевого штаба РВСР (ноябрь 1918- февраль 1921);

- разведывательное управление Штаба РККА (апрель 1921 — ноябрь 1922);

- разведывательный отдел Управления 1-го помощника начальника Штаба РККА (ноябрь 1922 — апрель 1924);
- разведывательное управление Штаба РККА (1924–1926);
- четвертое управление Штаба РККА (1926 — август 1934);
- информационно-статистическое управление РККА (август — ноябрь 1934);
- разведывательное управление РККА (ноябрь 1934 — май 1939);
- 5-е управление НКО (май 1939 — июнь 1940);
- разведывательное управление Генерального штаба КА (июнь 1940 — февраль 1942);
- Главное разведывательное управление Генерального штаба КА (февраль — сентябрь 1942);
- Управление войсковой разведки Генерального штаба КА (сентябрь 1942 — февраль 1943);
- разведывательное управление Генерального штаба КА (февраль 1943 — июнь 1945);
- Главное разведывательное управление КА (ГРУ НКО);
- Главное разведывательное управление ГШ КА (июнь 1945–1946);
- Главное разведывательное управление ГШ Вооруженных сил (ВС) (1946–1947);
- Комитет информации (КИ) при СМ СССР (1947–1949);
- Главное разведывательное управление ГШ ВС (1949–1950);
- Главное разведывательное управление ГШ СА (1950–1955);
- Главное разведывательное управление ГШ ВС СССР (1955–1991);
- Главное разведывательное управление (ГРУ) ГШ ВС РФ (1991 — по настоящее время).

Профессия военного разведчика считается одной из древнейших в мире и в нашей стране. Еще в период Ладожской, Новгородской и Киевской Руси разведка считалась делом княжеской, а потом и государственной важности. Собирать разведывательную информацию поручалось послам, гонцам, купцам, жителям пограничных областей и воинским отрядам.

Во время правления царя Ивана Грозного в 1549 году был создан Посольский приказ, который стал первой в России государственной структурой, занимавшейся как вопросами внешней политики, так и разведкой. Политическую разведку при царе возглавлял дьяк и руководитель Посольского приказа Иван Висковатый, прославившийся как талантливый разработчик и руководитель множества разведопераций. Правда, в конечном счете он был обвинен в измене и казнен. К сожалению, традиции грозного царя продолжили свое шествие и через столетия.

При втором русском царе Алексее Михайловиче Тишайшем (1629–1676) из династии Романовых в 1654 году был основан Приказ тайных дел. Это был, по существу, прообраз разведывательного управления того времени.

У наших противников, с которыми довелось воевать России, тоже действовали солидные силы разведывательного аппарата. Молодой и умный генерал Наполеон Бонапарт быстро понял необходимость собственной разведслужбы и уже в мае 1796 года создал т. н. Секретное бюро (СБ) под руководством командира кавалерийского полка Жана Ландрэ. В обязанности бюро входили разведка и контрразведка. Услуги секретных агентов хорошо оплачивались. В

операциях СБ участвовал и министр иностранных дел Франции Талейран.

После переворота 18 брюмера 1799 года (9 ноября по григорианскому календарю. — *Авт.*), став первым консулом — фактически диктатором, Наполеон нашел в разведслужбе своего боевого и тайного помощника. Он срочно создает более усовершенствованный разведорган в системе министерства полиции под руководством Фуше.

Через сто с небольшим лет британский военачальник, основатель скаутского движения лорд Баден-Пауэлл признается, что «для каждого, кто устал от жизни, шпионаж будет лучшим развлечением». Забыл он добавить одно коварное слово — опасным. Жан Ландрэ был отодвинут в сторону — он слишком много знал и уже не пользовался доверием императора. Но и за самим Фуше наблюдало бюро префекта парижской полиции Дюбуа... Это была целая система, завязанная в узел с целью получения политической и военной информации о противнике.

После Англии в стратегических планах полководца Великой армии Наполеона было вторжение в Россию. Но он колебался — разведка и его аналитический склад ума подсказывали: восточный противник не хилый. А.С. Пушкин по этому поводу отмечал, что «гроза двенадцатого года еще спала... Еще Наполеон не испытал великого народа, еще грозил и колебался он...» Потом он поймет, «что значит русский бой удалый, Наш рукопашный бой!..»

Хотя нужно отметить, что с каждым месяцем уверенность в необходимости обуздать Россию росла и крепла по мере его блистательных побед в Европе. В том числе и над австророссийскими войсками 2 декабря 1805 года в битве под Аустерлицем, 8 февраля 1807 года и 14 июня того же года под Фриндландом. После этих неудач во время личного свидания в г. Тильзите

царь Александр I заключил с Наполеоном этот «позорный мир». Русский император понимал, что его армия недовольна соглашением, по которому Наполеон заставил царя примкнуть к «континентальной блокаде» Англии. Русские землевладельцы и купцы пострадали от этих кабальных договоренностей.

Как все похоже на современность в отношениях с США с их ошалевшими амбициями.

Наполеон Бонапарт прекрасно понимал, что разведка-бог всякой войны, а контрразведка — ангел-хранитель. В одном из признаний после блестящих побед в 1805 и 1807 годах над австрийцами, пруссаками и русскими соответственно под Ульмой, Аустерлицем и Фриндландом он в беседе со своими маршалами заметил: *«Верьте мне, анализируя исходы военных баталий, невольно пришел к выводу, что не столько храбрость пехоты или отвага кавалерии и артиллерии решали судьбы многих сражений, сколько это проклятое и невидимое оружие, называемое шпионами».*

Эти слова были произнесены не философом, раздумывающим в тиши кабинета о роли личности в истории; не правительственным чиновником, считающим армию нахлебницей народа; не писателем-миротворцем, не знающим, для чего в государстве живет особой жизнью армия, а великим дирижером полков и дивизий в их военной игре. И Наполеон это сказал не в укор своим прославленным героям полевых баталий, а ради понимания высочайшей роли военных разведки и контрразведки в армии, влияющих на исход боевых сражений.

Полководец прекрасно понимал, что без пронырливости и ловкости таких людей, как Карл Людвиг Шульмейстер и ему подобных, он не одержал бы больших побед. Дивизионный генерал и один из руководителей военной разведки армии Наполеона

Савари — участник походов против Австрии, Пруссии и России в 1805 году, так характеризовал в письме к Наполеону главного агента в Вене, внедренного в австрийский генштаб, — «вот, Ваше Величество, человек, составленный сплошь из мозгов, без сердца».

Не дремала и российская военная мысль. Еще в январе 1810 года отечественный полководец генерал-фельдмаршал Барклай-де-Толли в беседе с Александром I поднял вопрос о необходимости организации стратегической военной разведки за границей через направление в русские посольства специальных военных агентов, с тем чтобы собирать сведения *«о числе войск, об устройстве, вооружении и духе их, о состоянии крепостей и запасов, способностях и достоинствах лучших генералов, а также о благосостоянии, характере и духе народа, о местоположении и произведениях земли, о внутренних источниках держав или средствах к продолжению войны и о разных выводах, предоставляемых к оборонительным и наступательным действиям»*.

Император согласился с предложением Барклая-де-Толли. Без особых промедлений в столицы и крупные города Европы были направлены офицеры А.И. Чернышев, Р.Е. Ренни, Г.Ф. Орлов, В.А. Прендель, П.Х. Граббе и П.И. Брозин, которые своей деятельностью доказали правильность идей властей.

К разведчикам всех времен любая власть предъявляла самые жесткие требования. Обязательными качествами кандидатов для нужд т. н. добывающих органов должны были быть: хорошая память, сильный характер, находчивость, хладнокровие, ловкость, наблюдательность, умение читать мысли собеседника, скрывать собственные чувства и мысли, способность не проявлять излишнего любопытства, убедительно лгать, точно и ясно излагать

суть любой проблемы, уметь пить, не пьянея, и многое другое. Разведчиков всегда учили и учат:

БДИТЕЛЬНОСТИ:

— никогда не думать о людях так, как рыбак о пескарях;

— помни, что тобой будут заниматься специалисты, умеющие МЫСЛИТЬ;

— цена свободы — вечная бдительность;

— если будешь считать себя умнее их — обязательно проиграешь...

Чарльз Россель в лекциях, собранных и прочитанных зимой 1924 года в Нью-Йорке на курсах офицеров запаса армии США на основе своей книги «Разведка и контрразведка», знакомил своих слушателей и читателей с техникой и методами агентурной работы. По теме бдительности он так высказался:

«Нельзя недооценивать противника. Он может казаться глупым и ограниченным, но, когда речь идет о разведке, оценивайте его как умнейшего из смертных. Не обольщайте себя надеждами на глупость противника, ибо ставка в этой игре — ваша собственная жизнь. Один чрезвычайно умный, но тупой на вид агент разведки был под подозрением. Он попался в приготовленную для него ловушку только потому, что у него засверкали глаза и его лицо приняло довольное выражение, когда ему внезапно сообщили новость о крупной победе войск его страны».

Дальше раскрутить оплошавшего разведчика контрразведке никакого труда не составило. Ярким примером может служить поведение неопытного горе-разведчика, капитана, ставшего предателем, Владимира Резуна в Швейцарии при знакомстве и встречах с редактором английского журнала «Международное военное обозрение» Рональдом Фурлонгом. В ходе изучения Резуна Фурлонг

безошибочно определил, что Владимир только «крышует» должность международного чиновника в Постпредстве СССР при ООН в Женеве, а на самом деле является сотрудником ГРУ. К этому выводу он пришел сразу, так как русский проявлял явно повышенный интерес к военной тематике. И он стал его подкармливать военной периодикой, за что советский дипломат вручал томми соответствующие подарки. На этот крючок англичанина попался Резун из-за потери элементарной бдительности.

САМООБЛАДАНИЮ:

- самообладание — ключ к обладанию;
- если человек иногда не владеет своими чувствами, то должен всегда владеть своими выражениями;
- кто умеет владеть собою, тот может повелевать людьми;
- власть над собой — самая высшая власть; порабощенность своими страстями — самое страшное рабство...

По этому поводу о самообладании разведчика глубоко высказался французский писатель Жозеф Кессель:

«Угроза, что его в любой момент схватят, преследует по пятам. Боязнь не выдержать пыток, страх выдать явки и имена стали у многих болезненным наваждением. Люди боятся не столько мучений и пыток, сколько собственной слабости. Никто не знает заранее, что способен выдержать. И люди дрожат при мысли, что обрекли товарищей на смерть (Резун не боялся), провалили организацию, предали дело, которое для них дороже жизни. У иных это опасение превратилось в навязчивую идею. С нею они ложатся, с нею встают. По сто раз в день проверяют, при них ли ампула с ядом. И кончают с собой еще до того, как

исчерпаны все шансы. Ибо шанс выжить таит для них опасность заговорить и предать».

НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТИ:

— способность замечать мелкие, ускользающие от других факты и подробности, умение полностью и точно фиксировать их в своей памяти, а затем складывать из таких кусочков целостную картину;

— ничто не поверхностно для глубокого наблюдения! В мелочах выдает себя характер;

— в делах человеческих разбирается не тот, кто больше прожил, а тот, кто больше наблюдал;

— нередко вы видите, но не наблюдаете...

Наблюдательность — это психическое свойство, базирующееся на ощущении и восприятии. Благодаря наблюдательности человек различает признаки и объекты, имеющие незначительные отличия, замечает различия в сходном, видит их при быстром движении, при изменившемся ракурсе, имеет возможность сократить до минимума время восприятия признака, объекта, процесса.

Английский историк Г. Бокль, автор «Истории цивилизации Англии», чьи демократические взгляды были серьезно подмочены премьер-министром Терезой Мэй в связи с «отравлением» предателя России бывшего российского разведчика Сергея Скрипаля, писал:

«На одного человека, умеющего мыслить, приходится по крайней мере сто людей, которые могут наблюдать. Человек с острой наблюдательностью, конечно, редко встречается, но гораздо реже — человек с острым мышлением».

УМЕНИЮ ЖДАТЬ:

— многие разведчики не только упускали чрезвычайно удобные случаи, но и теряли жизнь в погоне за сведениями, пренебрегая в спешке какой-

нибудь незначительной предосторожностью, которая могла обеспечить им безопасность. Не торопитесь!

— Отношения живут, когда каждый дает другому то, что может, и умирают, когда каждый ждет то, что тот не может дать;

— если «ждать у моря погоды», неплохо было бы хоть лодку купить...

— скорость нужна, а поспешность вредна;

— кто способен многое перетерпеть, тому дано на все дерзнуть...

— как теплая одежда защищает от стужи, так выдержка защищает от всякой неожиданности с возможными печальными последствиями. Умножай терпение, и спокойствие духа придет...

Римский мимический поэт эпохи Цезаря и Августа Публий Сир как-то заметил, что запомнилась соотечественникам и стала поучительной фраза, дошедшая до наших времен: «Кто многое терпит, дождется того, чего он не сможет терпеть».

ДОСТОВЕРНОСТИ:

— это умение не выделяться из окружающей среды, соответствовать своей «легенде», своему второму «я»;

— малейшее несоответствие ответов с имеющимися документами или уже известными деталями новой биографии равносильно смертельному приговору;

— надо знать наизусть не только свое «новое» прошлое, помнить все относящееся к жизни десятков людей, ставших твоими родственниками, но еще уметь с фотографической точностью рассказывать о местах, где никогда не бывал. (Характерным примером может служить «исповедь-воспоминание» советского разведчика Н.И. Кузнецова перед «земляком» гауляйтером Украины Эрихом Кохом о Восточной Пруссии.);

— высшим классом разведчика является умение приспособить «легенду» к себе, а не себя к «легенде»;

— достоверность бывает сказана к месту и ко времени, когда она служит осуществлению или продвижению дела;

— правда выше жалости;

— в современном мире очень важно понять одну истину: изобилие информации не гарантирует ее достоверности;

— чем недостовернее история, тем сильнее ее воздействие...

Английский разведчик и контрразведчик подполковник Орест Пинто вспоминал в своих мемуарах случай с английской разведчицей, которая собралась перейти дорогу в одном из французских городов. Она инстинктивно посмотрела сначала направо, как это делают в Англии, так как там левостороннее движение. Она забыла, что на континенте при пересечении улицы нужно смотреть сначала налево. Наблюдательный человек из наружного наблюдения заметил ее ошибку, и в итоге эта мелочь положила конец ее деятельности как разведчицы.

УНИВЕРСАЛЬНОСТИ:

— понятие «универсальности» в разведке — это прежде всего всесторонняя подготовленность и разносторонность, нужные в тайной профессии;

— нередко разведчик должен совмещать в своем лице функции аналитика, связника и вербовщика, а также шифровальщика, фотографа, шофера, радиста и ряда других профессий;

— разведчику надо уметь быстро перевоплощаться, переходить от одной роли к другой, играя каждую с максимальными достоверностью и убедительностью;

— но бывает так, что универсальность правил — в исключениях;

— универсальность — это когда всего по чуть-чуть, а в конкретном случае недостаточно. В разведке несколько другие правила в силу как специфики взаимоотношений с людьми, так и работы на конечный результат...

Английский историк и социолог Генри Томас Бокль об универсальности и многосторонности писал, что *«...В поисках социальных истин мы подвергаемся немалой опасности исковеркать собственный дух. Направляя свое внимание исключительно в одну точку, мы легко можем ограничить нашу способность схватывать вещи и никогда не достигнем той дальнзоркости, которую дает нам широкий, хотя, быть может, и менее точный взгляд»*.

КОНСПИРАЦИИ:

- кто живет один — тот живет дольше;
- самое надежное хранилище секретов — собственная голова;
- нашу тайну редко выдает тот, кто ее знает, а чаще тот, кто ее угадывает;
- часто по секрету говорят ложь, чтобы узнать правду;
- разведчику не нужен архив, он обязан полагаться только на память;
- если полученная информация требует фиксации на бумаге, то после передачи немедленно уничтожить ее вместе с черновиком...

Как-то в беседе с автором в конце 80-х годов XX века контр-адмирал Анатолий Римский заметил, что если говорить о конспирации в группе, то ее можно сравнить с экипажем подводной лодки. Работающие в одном отсеке не знают, что делается в другом, хотя вся команда работает на то, чтобы субмарина выполняла свою главную боевую задачу.

АНАЛИТИЧЕСКОМУ МЫШЛЕНИЮ:

— начинали учить с тривиального, казалось бы, изречения Рене Декарта — *Cogito ergo sum* (лат.) — «Я мыслю, следовательно, я существую», пока оно накрепко не впитывалось в сознание;

— чтобы мыслить ясно, нужно приложить большие усилия. И это того стоит, потому что так можно свернуть горы;

— аналитическое мышление — это новое сотворение мира;

— не мыслям офицеры-педагоги учили разведчиков — учили мыслить;

— кто не обладает глубокими умом и знаниями, того противник обманет, ослепит и начнет эксплуатировать. Только тот, кто способен аналитически мыслить, свободен и самостоятелен...

Известный американский разведчик Томас Джонсон, считал, что существуют определенные «мирные» профессии, которые вырабатывают в человеке именно те качества, которые необходимы в разведке: историки, археологи, юристы, журналисты, маклеры. Дело в том, как считал он, разведчик — прежде всего исследователь. Он должен видеть взаимосвязи частного и общего, уметь обобщать отдельные явления, чтобы предвидеть возможность наступления вытекающих из них событий.

Полковник советской разведки Владимир Пещерский в своей книге «Красная капелла». Советская разведка против абвера и гестапо» писал, что ценность источника информации для любой разведки *«... определяется его служебным положением, близостью к правительственным кругам и иным государственным сферам, умением находить актуальные сведения и проверять их достоверность, наконец, элементарной порядочностью».*

Армейские добывающие органы, как видит читатель, имеют глубокие исторические корни, но цель книги — исследовать всего лишь столетний этап их развития и становления. Военные разведка и контрразведка настолько едины в служении армии и стране, что неслучайно из уст гуру советских спецслужб Героя Советского Союза генерала армии Петра Ивановича Ивашутина сошли эти мудрые слова, ставшие своеобразным афоризмом для двух ведомств, делающих полезную для Родины работу — добыть и разоблачить, упредить вражеские планы и обезопасить разведчиков от провалов: «Без разведки армия слепа, а без контрразведки — беззащитна!» И случайностей тут не могло быть, потому что свою полувековую службу Отечеству генерал разделил поровну: первые четверть века он отдал госбезопасности, в основном связанной с армейской контрразведкой, а вторую часть посвятил военной разведке. Поэтому Петр Иванович хорошо знал, о чем говорил.

В разное время военная разведка и военная контрразведка то соединялись в одно ведомство, то разъединялись. Самым удачным профессиональным симбиозом было соединение двух ведомств под эгидой Наркомата обороны СССР, когда Разведывательное управление Генштаба и Главное управление контрразведки (ГУКР) Смерш находились под единым зонтиком военного министерства — Наркомата обороны СССР, которым руководил И.В. Сталин. Такого единства потребовали обстоятельства военного времени, а в мирной обстановке слияние двух ведомств теряло бы всякий смысл.

Октябрь 1917 года практически полностью разрушил государственную систему Российской империи. Не избежала этой участи и военная разведка, о чем объективно поведал в своих чудом уцелевших дневниках выпускник Академии Генерального штаба

штабс-капитан, начальник штаба дивизии в Первую мировую войну Василий Михайлович Цейтлин (1888–1933). После революции он руководил Разведотделом штаба Московского военного округа, был консультантом Региструпра революционного Военного совета республики (РВСР) и преподавал на курсах разведки и военного контроля в Военной академии РККА. Это он, подчеркивая сложность той обстановки, признался, что после «корниловских дней» солдатская масса в буквальном смысле возненавидела офицеров. В записи от 2 сентября 1917 года им отмечалось:

«Армия до корниловского выступления уже дошла до пределов развала и держалась по инерции на плечах офицеров, о сейчас и эта последняя опора выбито. Надо сознаться, что настал физический конец войне, воевать с немцами никто больше не будет, нет такой силы, которая бы заставило солдат идти на смерть. За что?.. За кого?.. Надо заставить союзников мириться, пока мы все же числимся армией с таким-то количеством корпусов, чем дольше, тем будет хуже».

Действительно, захватившие в октябре (ст. стиль. — Авт.) 1917 года большевики власть в России получили от своих предшественников полностью дезорганизованную страну, в которой было развалено все, в том числе и Российская императорская армия. Когда читаешь тяжелую фотографическую прозу тех лет — Ивана Бунина, особенно «Окаянные дни», или публицистичную поэзию затворника из Коктебеля Максимилиана Волошина, понимаешь всю глубину распада России и разложения ее армии. Солдаты, понявшие и принявшие лозунг большевиков «Долой войну!», воплощали его в жизнь, дезертируя с фронтов целыми подразделениями и даже войсковыми частями и нередко жестоко и кроваво расправляясь со своими командирами.

После подписания Брестского мира благодаря ликвидации всех штабов разведывательная служба прекратилась совершенно. И хотя всевозможные партизанские и красногвардейские отряды и вели разведку, но ее никто не объединял и разрозненные сведения не обобщались.

Для руководства боевыми действиями в марте 1918 года создается Высший военный совет — первый высший военный орган стратегического руководства вооруженными силами Советской Республики (РККА). Он просуществовал с 3 марта по 2 сентября 1918 года. Со 2 сентября 1918 года по 20 июня 1934 года был создан и действовал Революционный военный совет республики, Революционный военный совет СССР — высший коллегиальный орган управления и политического руководства Вооруженными силами РСФСР и СССР, подчинявшийся ЦИК СССР.

5 ноября 1918 года в Петрограде в составе Полевого штаба Красной армии было образовано Регистрационное управление для координации усилий всех разведывательных органов армии, ставшее прообразом легендарного ныне действующего Главного разведывательного управления (ГРУ) Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации.

В структуре Полевого штаба значилось Регистрационное управление, впервые объединившее все органы военной агентурной разведки, которые существовали в то время. В состав Региструпра входило два отдела: агентурный (разведывательный) и военного контроля (контрразведывательный). Специалистов не было, пришлось собирать людей «разных и нужных». Естественно, в подразделения Региструпра просачивались и контрреволюционеры, откровенные враги советской власти.

Вот один из примеров. Под видом лидера анархистов, поддерживающих Ленина, в Региструпр

проник некий Бирзе, на самом деле латышский полковник А.И. Эрдман, один из руководителей савинковского «Союза защиты Родины и свободы». Он втерся в доверие к Ф.Э. Дзержинскому и был назначен даже одним из руководителей зарождающейся военной разведки. Это он спровоцировал муравьевский мятеж, повлиял на раскол большевиков с левыми эсерами. Разоблачен он был как матерый враг советской власти только в 20-е годы прошлого века.

Первым начальником Региструпра был назначен Семен Иванович Аралов (1880–1969), большевик из числа ветеранов разведки русской армии времен Первой мировой войны. Его считают создателем ГРУ. Он принимал участие в Гражданской войне на Украине и сражениях на полях Великой Отечественной войны.

К началу 1921 года в комсоставе Региструпра служили опытные военные разведчики: Я.Д. Ленцман, Я.К. Берзин, Ф.И. Буш, Н.И. Никольский, Я.Я. Бренгман, О.П. Дзенис, Э.П. Пучин, Р.В. Лонгва, С.Р. Будкевич, В.Я. Закис, П.Б. Озолин, Я.М. Мартинсон и др.

В преклонном возрасте С.И. Аралов в 1941 году в качестве добровольца вступил в ряды 21-й стрелковой дивизии народного ополчения. Сначала служил рядовым, а потом был назначен помощником начальника оперативного отдела штаба дивизии. 1945–1946 годы — командир 23-й отдельной бригады по сбору трофейного оружия.

С апреля 1921 года Региструпр был преобразован в Разведывательное управление штаба РККА и, согласно «Положения», стал «центральной организацией военной разведки как в военное, так и в мирное время». С 1926 года Разведупр именовался IV Управлением штаба РККА.

Тридцатые годы прошлого века ознаменовались трагедией и для военной разведки. Генерал армии П.И. Ивашутин в статье «Докладывала точно...» писал, что уровень развития и состояния разведки, достигнутый к

1933 году, позволял ей решать задачи, поставленные партией, правительством и руководством Наркомата обороны. Однако репрессии против руководящего состава Красной армии нанесли тяжелый удар с невосполнимыми потерями во всех звеньях и по военной разведке.

С 1938 по 1940 год были арестованы и уничтожены начальники разведывательного управления Я.К. Берзин, С.П. Урицкий, И.И. Проскуров, почти все заместители начальника управления, в том числе С.Г. Гендин, А.Г. Орлов, В.В. Давыдов, Е.А. Никонов, а также многие начальники отделов и другие должностные лица центрального аппарата и разведорганов на периферии. В 1940 году начальник РУ комдив И.И. Проскуров докладывал Сталину, что в управлении было репрессировано больше половины личного состава.

О масштабах репрессий можно судить еще по одному его докладу 25 мая 1940 года наркому обороны и комиссии ЦК ВКП(б):

«Последние два года были периодом чистки агентурных управлений и разведорганов от чуждых и враждебных элементов. За эти годы органами ННВД арестовано свыше 200 человек, заменен весь руководящий состав до начальников отделов включительно. За время моего командования только из центрального аппарата и подчиненных ему частей отчислено по различным политическим причинам и деловым соображениям 365 человек. Приняты вновь 326 человек, абсолютное большинство из которых без разведывательной подготовки».

Решением Сталина при активном участии Ежова, а затем и Берию была ликвидирована значительная часть зарубежной разведывательной сети — резидентур, создававшихся годами. Такие же удары испытала на себе и внешняя — политическая разведка. Несмотря на эти тяжелые потери, военная разведка продолжала

работать и получать тревожную информацию еще в 1938–1939 годы о подготовке фашистской Германии к войне против СССР и лицемерной политике правящих кругов других западных стран.

Еще до начала войны военные разведчики получили признание одного немецкого офицера, текст которого дословно был отправлен в Центр, как и сообщение нашего военного атташе:

«Мы полностью изменили наш план. Мы направляемся на восток, на СССР. Мы заберем у СССР хлеб, уголь, нефть. Тогда мы будем непобедимыми и можем продолжать войну с Англией и Америкой».

Военный атташе в Берлине полковник Н.Д. Скорняков сообщал:

«Начало военных действий против СССР следует ожидать между 15 мая и 15 июня 1941 года».

Однако новый начальник военной разведки генерал Ф.И. Голиков, по-видимому в угоду мнению верхов, сделал совершенно другой вывод:

«Наиболее возможным сроком начала действий против СССР будет являться момент после победы над Англией и после заключения с ней почетного для Гитлера мира».

И возникает вопрос — почему же внезапность стала возможной? Можно только догадываться о том, что для Сталина данные разведки казались неубедительными. О том, что нападение случится, знали все в Кремле, но не сумели глубоко проанализировать все детали обстановки в сороковые, роковые, а еще был соблазн предотвратить боевые действия и выиграть больше времени для подготовки страны к отражению агрессии.

Сыграло роковую роль и письмо Гитлера Сталину от 14 мая 1941 года с заверениями в дружбе и предложением атаковать Англию за месяц до войны. Но война началась без предупреждения, «ровно в четыре часа Киев бомбили, нам объявили...», как пелось в

песне, — 22 июня 1941 года и продлилась она 1418 дней и ночей. По оценке Ставки, в конце войны военные разведчики достойно зарекомендовали себя на огненных полях и в невидимых сражениях. О их героических делах написаны сотни книг и созданы десятки фильмов, на которых молодежь училась патриотизму.

В феврале 1942 года Разведуправление было реорганизовано в Главное разведывательное управление (ГРУ), которое с 1947 года стало называться Вторым Главным управлением Комитета информации при Совете министров СССР, а с 1949 года оно возвратило себе прежнее название — ГРУ Генерального штаба Вооруженных сил СССР и РФ.

В соответствии с приказом Министра обороны РФ № 490 от 12.10.2000 и указом президента РФ № 549 от 31 мая 2006 года — День военного разведчика отмечается 5 ноября.

За мужество и героизм, проявленные при выполнении специальных заданий по обеспечению национальной безопасности, более 700 военных разведчиков удостоены высоких званий Героев Советского Союза и Российской Федерации.

Не обошлось, как и во всяком большом и важном деле, без проколов — предательств отдельных изменников Родины, о коварстве которых в биографическом справочнике «ГРУ: дела и люди», подготовленном В.М. Лурье и В.Я. Кочиком и вышедшем в Санкт-Петербурге благодаря Издательскому дому «Нева» и в Москве издательству «ОЛМА-ПРЕСС» в 2003 году, говорится подробно. Вот некоторые из них — Ахметов, Гузенко, Кривицкий, Пеньковский, Поляков, Попов, Рейсс, Резун. Были, к сожалению, и другие. Кстати, такой справочник по ряду причин издался в нашей стране впервые.

Говорят, предательство, как и коррупция, не убиенны, но с ними надо бороться, и органы военной контрразведки, оберегая боеспособность военной разведки, успешно боролись и борются. В 100-летний юбилей военной разведки и военной контрразведки автор вправе признаться:

*Наша служба была, паи молитва,
И о ней в юбилей я пою.
Мы по битвам прошли, как по бритвам,
Защищая разведку свою!*

Последний нашумевший случай с предателем в среде военных разведчиков, агентом британской разведки МИ-6 Сергеем Скрипалем, якобы отравленном спецслужбами России вместе с дочерью Юлией 4 марта 2018 года в Великобритании, со всей очевидностью показал, что сценарий этого спектакля написан заранее для дискредитации России. Кто же такой Скрипаль?

Арестованный 15 декабря 2004 года моими коллегами военными контрразведчиками ФСБ РФ «крот» Сергей Скрипаль — бывший полковник ГРУ из корыстных побуждений пошел на предательство, установив преступную связь с МИ-6 в 1995 году, будучи военным атташе РФ в Испании. Являясь сотрудником Главного разведывательного управления Вооруженных сил РФ, он в течение девяти лет снабжал англичан секретной информацией. Но сколько веревочке ни виться, а конец будет.

Московский окружной военный суд 9 августа 2006 года вынес предателю обвинительный вердикт, осудив его на 13 лет лишения свободы в колонии строгого режима. Но 9 июля 2010 года президент России подписал указ — о помиловании четырех граждан России, в том числе и Скрипаля. Акт помилования

осужденных произведен был в рамках операции по обмену четырех граждан России на десятерых агентов российских спецслужб, задержанных в США в июне 2010 года. После освобождения Скрипаль обосновался вместе с семьей на юго-западе Великобритании в небольшом городке Солсбери в купленном за предательские 350 тысяч фунтов доме. Он читал лекции о российской военной разведке в МИ-6 и курсантам военных академий. Предательство продолжалось...

И вот случилось «отравление», в котором засомневалась не только Россия, но и специалисты других стран, в том числе в США и крупных европейских столицах. Премьер-министр Туманного Альбиона Тереза Мэй напустила столько тумана по этому поводу, что даже англичане согласны с таким вызовом по поводу обнаруженного российского следа «отравления» Сергея Скрипаля и его дочери Юлии. Да, «обидно, когда ты — Иуда, а тебя продают, как Христа». Как говорится, не уверен — не предавай. Он предавал, будучи уверенным в своей безнаказанности. Карма подстерегает негодяев. Есть все основания предположить, что выжатый лимон выбрасывается. Англосаксы крайне прижимисты, они умеют считать деньги. Никому из властей предержавших в Лондоне не хочется кормить целый выводок бездельников. Избавлялись даже от российских нуворишей в момент их безденежья. Трагические примеры с Литвиненко (отравлен), Березовским (повешен на шарфе), Глушковым (удавлен поводком) и другими — от них избавлялись томми по сценариям сериала «Чисто английское убийство».

Ну а пока не будем о грустном. Поговорим об удачах военных разведчиков на невидимых фронтах разного времени.

«Черный монах» в служении

Основу разведки и контрразведки всегда составляла агентура. О чем думает противник, что и как он намерен предпринять, можно узнать только с помощью глубоко внедренного тайного агента.

Станислав Лекарев

В начале 50-х годов теперь уже прошлого столетия мы, пацаны послевоенных лет, увлекались спортом: гирями, штангой, легкой атлетикой, гимнастикой, футболом и, конечно же, борьбой, в том числе и самбо... Запомнилась тогда небольшая книжечка, сегодня уже не помню ее название, в которой говорилось об отечественных основоположниках борьбы дзюдо и самбо Василии Сергеевиче Ощепкове (1893–1937) и Анатолии Аркадьевиче Харлампиеве (1906–1979).

Прошло много-много времени, и автору, посвятившему жизнь в органах ГБ в тесном соприкосновении с ведомством Генштаба ГРУ, довелось прикоснуться к другой стороне деятельности незаурядной личности известного дзюдоиста В.С. Ощепкова, ставшего переводчиком японского языка, а затем негласным помощником военных разведок императорской России — разведывательного отдела штаба

Заамурского военного округа, а после Октябрьской революции 1917 года — агентом красных спецслужб под псевдонимами «Японец», «Д.Д.» (от слова «дзюдо». — Авт.) и «Черный монах». С этими оперативными кличками по заданию только что

родившейся военной разведки страны он провел десятки опасных ходок, встреч, поездок, операций в разных местах на Дальнем Востоке, в Маньчжурии, Китае и Японии для получения оперативной информации о планах противников. Что интересно, судьбы агента и его руководителя в конечном счете поразному переплетались в системах армейской разведки и госбезопасности.

Родился наш герой на Сахалине в городе Александровске (сейчас Александровск-Сахалинский. — Авт.) 7 января 1893 года. Отец — Сергей Захарович Плисак, столяр, мать Мария Семеновна Ощепкова — ссыльная каторжанка. После смерти отца в 1902 году, а через два года и матери, его опекуном стал земляк отца из Киевской губернии Е.Е. Владыко. По окончании реального училища на средства опекуна, а потом за казенный кошт он поступает и учится в Токийской духовной семинарии, где с увлечением занимается в секции японской борьбы дзюдо. По совету своего тренера он успешно сдает испытания и 29 октября 1911 года поступает в знаменитый центр дзюдо Кодокан.

Михаил Николаевич Лукашев (1926–2014) — журналист, историк боевых и спортивных единоборств, убедительно описал, как русскому семинаристу Ощепкову приходилось осваивать тайны японской борьбы:

«...Даже в наши дни японские специалисты считают, что практикуемая в Японии тренировка дзюдоистов непосильна для европейцев. Тогда же система обучения была особенно жестокой и совершенно безжалостной, к тому же это было время, когда еще чувствовались отзвуки недавней Русско-японской войны, и русского парня особенно охотно выбирали в качестве партнера. В нем видели не условно спортивного, а реального противника...»

Эти тренировки россиянина в Кодокане стали школой смелости и мужества. Они закалили его, вырабатывали цельность натуры и жизненную дисциплинированность. Вот почему уже в 1913 году Василий Ощепков выиграл в школе весенние состязания и подпоясал свое кимоно черным поясом, завоевав почетное право быть мастером дзюдо. Известный исследователь военной разведки России журналист и писатель В.И. Лота обнародовал факт о том, что в одном из японских журналов тех лет была опубликована статья об Ощепкове. В ней говорилось, что «...русский медведь добился своей цели».

Возвратившись после учебы в Россию, оперативники из разведывательного отдела штаба Заамурского военного округа, зная его языковую и спортивную подготовки, пригласили к себе на работу в качестве переводчика. В 1914 году Ощепков инициативно организовал первую спортивную секцию дзюдоистов во Владивостоке. Октябрь семнадцатого года планы многих россиян радикально изменил. Не обошли стороной эти события и Василия.

Старая власть стремительно распадалась. Штаб Заамурского военного округа скоро был расформирован, а через год началась японская интервенция. На плечах самураев в Советскую Россию на Дальнем Востоке ворвались агрессивные янки и англичане. Японская интервенция на Дальнем Востоке нашей страны охватила Приморскую, Амурскую, Забайкальскую области и Северный Сахалин и была составной частью дальневосточной военной интервенции против РСФСР государств Антанты. В ней кроме Японии с 1918 по 1925 год участвовали войска Англии, США, Франции, Италии и Канады. Это была не только самая длительная интервенция, но и самая ущербная в экономическом плане для нашей страны.

Именно в это время, а точнее в 1918 году, Ощепков был привлечен к негласной работе сотрудником разведывательного отдела (РО) штаба Народно-революционной армии Дальневосточной республики — бывшим, по одним данным, господином унтер-офицером, по другим — штабс-капитаном императорской армии, ставшим после Красного Октября пролетарским товарищем Леонидом Яковлевичем Бурлаковым — «Аркадием», перешедшим на сторону большевиков. Путь в военную разведку у него был извилист. В 1916 году был призван в армию. Служил в качестве рядового саперного батальона. Летом 1917 года он оказался в Петрограде, проходя службу в Свеаборгском крепостном минометном батальоне. Здесь же познакомился с большевистскими агитаторами.

В результате ломки убеждений Леонид вливается в подпольную работу в Петрограде. По партийной разнарядке Бурлаков в 1918 году направляется в родные пенаты — Владивосток, где бесчинствовали японцы, американцы и белогвардейцы. Он вступает в красногвардейский отряд союза горняков, принимает участие в национализации приисков, партизанит против японских захватчиков, работает на Хабаровском арсенале до его захвата колчаковцами.

По решению подпольной партийной организации он вступил в белую армию с целью сбора разведданных и «разложения беляков изнутри». Определили его в 7-ю роту унтер-офицерского батальона. Видно, он поработал слишком активно — батальон забастовал и вышел из подчинения командования. Началось следствие. Активистов, в том числе и Бурлакова, приговорили к расстрелу. Но в свои двадцать два года

он бесславно погибать не собирался. Выбрав удобный момент во время прогулки, Леонид сбежал. Спасли его, как ни странно, мятежные чехи.

В дальнейшем ему приходилось бороться и против колчаковцев, и против семеновцев, и конечно же, против японцев. Став сотрудником, а потом начальником осведомительного (разведывательного) отдела штаба Народно-революционной армии, он успешно организовал процесс агентурного проникновения «на объекты оперативной заинтересованности». В штабах войск Колчака, Семенова и самурая Отани у Бурлакова были свои бескорыстные люди, которые передавали через связников по оперативно-тайной цепочке ценные сведения о местах дислокации вражеских частей, их вооружении и планах.

В феврале 1922 года красные освободили Хабаровск, а в это же время во Владивостоке Земский собор избрал главой Приамурского края генерал-лейтенанта Дитерихса, бывшего короткое время — всего четверо суток — начальником штаба исполняющего обязанности верховного главнокомандующего русской армией генерал-лейтенанта Духонина. А потом он стал начштаба чехословацкого корпуса. Служил он и у адмирала Колчака. Кстати, «главный правитель России» назначил его 17 января 1919 года руководить комиссией по расследованию убийства царской семьи. Так вот своим агентурным аппаратом Бурлаков доставал и людей с важными секретами Дитерихса.

В октябре 1922 года войска Приамурского земского края потерпели поражение, и Дитерихс был вынужден эмигрировать в Китай, где обосновался в Шанхае. В 1930 году стал председателем Дальневосточного отдела Русского обще-воинского союза (РОВС). Скончался в 1937 году. Похоронили его в Шанхае на

кладбище Локавей, которое было уничтожено в годы «культурной революции» под руководством председателя Мао. Этот вандализм совершили хунвейбины, которых в народе прозывали «красными охранниками».

Бурлаков через свои связи вышел на кандидата для вербовки в качестве негласного помощника на Ощепкова, которого многие из окружения знали как знатока японского языка. По всей вероятности, прежде чем установить с ним доверительные отношения, Бурлаков проверил кандидата в числе других лиц через возможности армейских контрразведчиков. Никакого компромата он на Василия Сергеевича не получил.

Во все времена и при любых властях привлеченные спецслужбами граждане для работы на негласной основе пишут подписки о согласии стать такими помощниками и обязуются не разглашать факт сотрудничества с ними. В документе разведотдела штаба Сибирского военного округа появилась подписка с таким текстом:

«Я, нижеподписавшийся, Василий Сергеевич Ощепков, поступивший в Отдел агентурной разведки 5-й армии, даю постоянную подписку В ТОМ, ЧТО:

1. Все возложенные на меня обязанности я обязуюсь точно и скоро выполнять.

2. Не разглашать никаких полученных сведений.

3. Все сведения после тщательной проверки обязуюсь передавать моему начальству или лицу, указанному им.

4. Не выдавать товарищей — сотрудников и служащих Отдела агентурной разведки хотя бы под угрозой смерти.

5. Не разглашать сведений о деятельности отдела, а также о штате служащих вообще и не произносить слов «агентурная разведка».

6. Признаю только советскую власть и буду работать только на укрепление добытой кровью трудового народа Революции.

7. Мне объявлено, что в случае неисполнения указанного в подписке моя семья будет преследоваться наравне с семьями белогвардейцев и контрреволюционеров.

8. Требую смертного приговора для себя... если разглашу какие-либо сведения и буду действовать во вред советской власти, о чем и подписываюсь.

Подпись: Ощепков».

Так Ощепков, которому ставилось Бурлаковым задание по сбору информации о японских оккупационных подразделениях и частях на Сахалине, принял присягу на верность советской военной разведке и согласился выполнять ее задания. Такие люди, как правило, проникнуты чувством глубокого понимания ответственности за порученное дело. Это и есть те патриоты, которые бескорыстно вручают себя реальной опасности «ради безопасности страны». Родина для них — СВЯТОЕ. Большинство таких людей трудятся и сегодня в военных разведке и контрразведке, оберегая внутреннюю и внешнюю безопасность героев армейских добывающих органов.

* * *

Итак, первый псевдоним Василия Ощепкова «Японец», необходимый для конспирации при изучении кандидата, прекратил свое существование. Теперь после вербовки, инструктажа и получения конкретного задания он должен оказаться в родном Александровске-Сахалинском и легализоваться под видом киномеханика с новым негласным именем «Д.Д.», которое знали

только трое: сам Ощепков, Бурлаков и его начальник по РО. Главная задача — сбор развединформации через приобретенных преданных людей и расспросов втемную. Он понял — убывает на задание в качестве резидента. Когда прощались, Бурлаков одобрительно, с улыбкой заметил:

— Были бы кости, а мясо нарастет! У тебя складная фигура, недурен лицом, знаешь язык противника...

По прибытии на Сахалин со временем получил разрешение от японских властей на проживание в родном городе Александровске. Вскоре он приобрел кинопроектор «Пауэрс», создал киноматографическую фирму, став ее генеральным директором. Через некоторое время Ощепкова пригласил к себе начальник Военно-административного управления острова Сахалин генерал-майор Токасу Сюнзи, который предложил кинопрокатчику устраивать демонстрации своих фильмов по льготной цене для японских солдат, в том числе с выездом в гарнизоны.

«А не провокация ли это со стороны японских спецслужб?» — спросил сам себя «Д.Д.». Поэтому он медлил с ответом, словно прикидывая возможные потери в бизнесе. Такая линия поведения была вполне логична и объяснима. Поколебавшись, потом дал согласие, понимая, что отказ может сузить его возможности в предпринимательстве и разведывательной работе. А еще он знал самурайскую напыщенность, тем более в образе генерала, который не мог принять отказ от какого-то русского киношника.

Вот таким образом резидент «Д.Д.» приступил к работе. Советский разведчик получил право посещать японские гарнизоны на Сахалине, а генерал добился, чтобы россиянин развлекал его утомленных войной солдат. Контактность, словоохотливость, доброжелательность и ум позволили ему быстро

«обрасти мясом» — агентурой, от которой поступали добротные оперативные материалы.

Разведотдел стал получать его первые секретные донесения: «Положение на Северном Сахалине со времени его оккупации японскими войсками», «Места дислокации японских частей», «Структура штабов отдельных воинских частей», «Характеристики японских военачальников», «Описание организационной структуры канцелярии Военно-административного управления японцев на Сахалине», «Справка-характеристика генерала Такасу Сюнзи и его фотографии» и другие. Эти материалы он передавал через связников-курьеров, прибывавших на судах.

Писатель и журналист, можно сказать без натяжек, эксперт по ГРУ В.И. Лота в своей книге «За гранью возможного...» писал, что с высоты сегодняшних возможностей разведки, которым посвящены сотни книг современных авторов, трудно себе вообразить, как же резидент «Д.Д.» осуществлял связь с разведывательным отделом, который руководил его работой. Стоит вспомнить только одно — в то время не существовало агентурной радиосвязи, примитивной была техника подготовки тайнописных донесений, использовалась даже голубиная почта. Скудной была и финансовая поддержка разведкой своего резидента и его кинопрокатной фирмы. Для расширения дела ему нужны были дополнительные средства, новый кинопроектор и новые кинокартины. 17 октября 1923 года «Д.Д.» докладывал в разведывательный отдел:

«...Письмо от 28 сентября получил, зимою без картин оставаться на Сахалине не могу. Вынужден буду искать службу вне Сахалина»...

Не дремала и японская контрразведка. По выставленным и нарушенным маячкам в своем директорском офисе он понял, что противник стал им интересоваться. Но разведчик делал все, чтобы нигде

не оставить следов своей нелегальной работы. И в то же время росли задачи — появлялись все новые и новые конкретные задания по воинскому контингенту Страны восходящего солнца.

Часть из шестидесяти восьми вопросов, поставленных разведотделом, он успешно выполнил. Слабым звеном в работе была курьерская связь с приходом в порт российских кораблей. За каждым моряком с Большой земли, сходящим на берег, японцами велось плотное наружное наблюдение. В одном из аналитических донесений в РО он писал о необходимости улучшения процесса обучения на местах курьеров вопросам конспирации. В частности, в пункте «в» своего донесения он отмечал, что «...курьеру, явившемуся в пьяном виде, информацию передавать не буду».

Видно, были и такие вопиющие случаи, крайне опасные в разведке. РО среагировал моментально — в очередной раз в качестве курьера был направлен на связь с «Д.Д.» кадровый разведчик по фамилии Иванов, что вселило уверенность резидента в работе. Нарушение конспирации на канале связи могло привести к возможному проколу. Ощепков понимал, что благодаря грамотному руководству со стороны своего «опекуна» Бурлакова и активности его самого удалось, используя свои связи, получить в Сахалинском жандармском управлении японский паспорт и свидетельство о том, что он является кинопрокатчиком и политически благонадежным россиянином...

* * *

Агент разведотдела 17-го Приморского корпуса Сибирского военного округа «Д.Д.» созрел для расширения географии своей негласной деятельности.

Теперь масштабы Сахалина его сковывали, а задачи росли. И он предложил «Аркадию» свою идею — перебраться в Японию, где можно было на основе продолжения кинопрокатного дела в какой-то степени натурализоваться и больше принести пользы Родине и РККА. Но сразу же возникли финансовые трудности, необходимость серьезной дополнительной подготовки, продуманности надежного канала связи в условиях отсутствия в то время дипломатических отношений между Японией и СССР. А ведь в цепи разведработы главное звено — связь. Отсутствие таковой или хотя бы прерывисто ненадежного канала делало бы сведения, полученные агентом, устаревшими и потерявшими свою оперативную ценность...

Как говорят ирландцы, когда Бог создавал время, он создал его достаточно. Соблазн заиметь в Токио надежный источник заставил РО использовать время, которого было действительно достаточно, чтобы качественно подготовиться к операции по выводу резидента в Японию, где у него были знакомые по учебе в Токийской духовной семинарии и центре дзюдо Кодокан.

В конце 1924 года «Д.Д.» стал «Черным монахом» и был успешно внедрен в японский город Кобз. Так начиналось тайное единоборство Ощепкова с противником на его территории. И вел он этот бой с соблюдением правил самообладания, осторожности, наблюдательности, умения ждать, достоверности, универсальности, конспирации, используя в работе самое главное — аналитическое мышление. Здесь Василий нашел знакомых. Он понимал, что наградой ему в этой незримой борьбе непременно будут не громкая слава побед разведчика, а осознанная причастность к советской военной разведке и помощь РККА.

Из Кобэ он со второй женой Марией Георгиевной вскоре перебрался в Токио, где встретил несколько старых друзей: офицера японской армии Абэ, доктора Клейне и других. Именно последний предложил занять должность управляющего германской кинофирмы «Вести». Связь с оперативниками РО осуществлялась через Харбин.

За время работы в Японии РО получил от него несколько емких разведдонесений: «О политике Японии в Маньчжурии», «Материалы о японской авиации», «О маневрах японской армии в Маньчжурии», «О совещании командиров дивизий японской армии», «Об использовании ядовитых газов и принципах применения их японской армией» и другие.

Ощепков расширял поле своей деятельности: установил интересные связи в МИДе, МВД, среди военных, познакомился с атаманом Семеновым... и вдруг он получил условный сигнал из РО — прибыть во Владивосток. На пароходе «Качимару» 19 марта 1926 года он прибыл в столицу Приморья и сразу же направился в РО штаба корпуса, где ему предложили написать подробный отчет о проделанной работе. Беседовал с ним сотрудник РО Шестаков, который обвинил разведчика в растрате бюджетных средств при поощрении контактного лица Абэ в ходе его изучения, не получив от него расписки. Шестаков в докладной записке на имя начальника РО по поводу работы «Черного монаха» сделал вывод — предать Ощепкова военному трибуналу.

Однако здравый смысл восторжествовал — дело вскоре закрыли. Но в Японию Василий больше не поехал — оперативная работа агента «Черный монах» завершилась, но его оставили в отделе переводчиком японского языка. Вскоре во Владивосток прибыла жена. Через несколько месяцев у Марии Георгиевны открылся туберкулез. Она с каждым днем угасала. Денег на

приобретение дорогих лекарств катастрофически не хватало. Пришлось Ощепкову устроиться тренером. Он стал тренировать командиров Красной армии, сотрудников ОГПУ и милиции. Практически все средства Ощепкова уходили на лечение больной жены. Он стал добиваться перевода его в Москву или Ленинград, для того чтобы обеспечить ей более действенную лечебную помощь. В 1929 году его усилия по смене места жительства увенчались успехом — он был вызван в Москву, но жену спасти не удалось. К этому моменту Мария Георгиевна скончалась.

В 1929 году Ощепков становится преподавателем Государственного центрального института физической культуры. Здесь он создал прикладную форму борьбы, которая впоследствии получила название самбо. В ночь с 1 на 2 октября 1937 года Василий Ощепков, страдающий сердечной недостаточностью, по ложному доносу был арестован и через восемь дней скончался, по официальным данным, от сердечного приступа в камере Бутырской тюрьмы. В последующем он был реабилитирован. В честь самбиста Василия Ощепкова в Москве названа одна из улиц на территории жилого комплекса «Москвичка»...

О судьбе Проскурова

Нужно пожертвовать многим, чтобы спасти все.

Тадеуш Костюшко

Так уж повелось, и в этом есть своя логика, что и в военную разведку, и военную контрразведку на руководящие посты набирали людей с достаточно высоким уровнем знания военного дела. Особенно это практиковалось перед началом Великой Отечественной войны, в сороковые, роковые, когда нужны были люди, умеющие разбираться в армейских делах, по-военному мыслить в ответственную эпоху жизни или даже смерти для Советского государства, во главе которого стояли вождь и единственная партия — «честь и совесть» той же самой эпохи. Когда-то Томас Манн писал, что война — всего лишь трусливое бегство от проблем мирного времени. Осторожность — хорошая вещь, но даже черепаха не сделает ни одного шага, если не высунет голову из панциря. Эта мысль мною вставлена в главу о Проскурове не случайно, и, думаю, читатель поймет, почему автор выбрал такой образ.

В 1939 году на должность начальника Разведывательного управления (Разведупра) и по совместительству заместителем наркома обороны был назначен комбриг Иван Иосифович

Проскуров (1907–1941), военный летчик, героически воевавший в Испании сначала командиром скоростной бомбардировочной авиабригады, затем возглавивший 2-ю авиационную армию особого назначения. 21 июня 1937 года военлету Поскурову И.И. было присвоено

звание Героя Советского Союза с вручением медали «Золотая Звезда» под № 33.

Кстати, была в его судьбе еще одна интересная история. В сентябре 1936 года, являясь командиром отряда 89-й тяжелобомбардировочной авиационной эскадрильи, дислоцированной в Монино, он совершил по заданию правительства перелет Москва — Хабаровск за 29 часов 47 минут, установив тем самым рекорд перелета на столь протяженном маршруте. Этим рейсом из Москвы в Хабаровск была доставлена группа авиаспециалистов и запчастей для ремонта самолета В.П. Чкалова, который был поврежден при посадке на острове Удд.

По возвращении из Испании 14 апреля 1939 года молодого командира, ему исполнилось всего 31 год, неожиданно назначают начальником Разведывательного управления (Разведупра) Генштаба НКО СССР. Как говорится, в молодости мы горы сворачиваем, а потом пытаемся выбраться из-под их обломков и обвалов.

Нечто подобное случилось и с Иваном Проскуровым. Но в такой стремительной карьере были и свои плюсы — молодой руководитель еще не успел обрасти негативом высокомерия, гонора и пренебрежения к подчиненным, как иногда случается с большими начальниками, возомнившими себя непогрешимыми арбитрами и даже богоподобными существами. Он же стремился не к карьерному росту, а пытался врать в суть новых, неведомых ему должностей и профессий, которым его в летном училище не учили. Вот как характеризовала службу своего начальника известная военная разведчица подполковник Мария Иосифовна Полякова (1908–1995):

«...он из всех сил старался вникнуть в дело. Никогда никого не обрывал, всех выслушивал и каждую минуту учился. И не боялся начальства. Это было самое

главное. Когда Сталин попытался взвалить вину за неудачи в финской войне на разведку, Проскуров на совещании возразил ему очень резко и представил документы, из которых было видно, что разведка (военная. — Авт.) о последствиях этой войны предупреждала Генштаб своевременно».

Постепенно приходило понимание того, что ежовщина коверкала общество, но следует признать, что и после деятельности «кровавого карлика» продолжалась череда репрессий. Он знал о трагической судьбе своих предшественников по Разведупру: Берзина Яна Карловича, Урицкого Семена Петровича, Гендина Семена Григорьевича и Орлова Александра Григорьевича, а также уловил тонкость с кровавым оттенком в разворачивающейся чехарде поголовного отзыва резидентов военной разведки в СССР и их внезапного исчезновения. То же самое происходило и в отношении руководителей резидентур ИНО НКВД. Поэтому он очень берег зарубежных агентов и резидентов, по мере сил спасая их от отзыва в Советский Союз.

Как писал Александр Колпакиди в книге «ГРУ. Уникальная энциклопедия», *«...так, он всячески препятствовал возвращению на Родину Рихарда Зорге, других резидентов. Но в целом работой в разведке он тяготился. Ему не по душе были интриги, «внутренняя дипломатия», неприглядные дела нового наркома внутренних дел Берии и странные карьерные игры наркома обороны Тимошенко».*

Кстати, с Тимошенко у Проскурова возник конфликт, когда тот командовал Северо-Западным фронтом в Советско-финской войне 1939–1940 годов, войска которого осуществляли лобовой прорыв «линии Маннергейма». Он не только упрекал Проскурова за якобы слабую работу фронтовой разведки, но в одном

из приказов резко раскритиковал в целом военных разведчиков РККА.

После назначения 7 мая 1940 года С.М. Тимошенко наркомом обороны СССР и одновременным присвоением ему звания маршала Советского Союза отношения их не улучшились. Убедившись в том, что нарком обороны выгораживает себя, искажая разведданные, передаваемые Сталину, молодой ершистый начальник Разведупра стал докладывать генсеку напрямую, что, конечно, обидело старого, еще с периода Гражданской войны, рубаку.

В июне 1940 года в РККА постановлением советского правительства ввели генеральские звания. И.И. Проскурову было присвоено звание генерал-лейтенанта авиации. И вдруг 27 июля 1940 года Иван Иосифович по непонятной причине был снят с должности начальника Разведупра и отправлен в распоряжение наркома обороны. После непродолжительного пребывания в «отстойнике» его направляют командующим ВВС Дальневосточным фронтом, а в октябре назначают с большим понижением помощником начальника Главного управления ВВС РККА по Дальнебомбардировочной авиации.

Это был нехороший признак, который отмечался многими попавшими под жернова власти. Он понимал это на примере других подобных акций в отношении своих коллег со стороны Кремля и НКВД. 27 июня 1941 года он был арестован по так называемому «делу авиаторов». По одной из версий, ему было предъявлено обвинение о якобы участии «в антисоветской заговорщической организации».

По мнению летчиков-фронтовиков, в частности, заместителя главкома ВВС СССР генерал-полковника авиации Василия Самсоновича Логинова, с которым автору довелось общаться в «столице летунов» Монино, «дело авиаторов» возникло так. После одного из

совещаний, проходившего 9 апреля 1941 года в присутствии членов Политбюро ЦК ВКП(б), отдельных руководителей СНК СССР и руководящего состава Наркомата обороны во главе со Сталиным по вопросам укрепления дисциплины в авиации, возникла перепалка.

На вопрос Сталина о причинах высокой аварийности 30-летний начальник Главного управления ВВС РККА (главком. — Авт.) генерал-лейтенант авиации Павел Васильевич Рычагов ответил несколько дерзко вождю:

— Аварийность и будет большой, потому что вы заставляете нас летать на гробах!

В протоколе заседания указывалось:

«Ежедневно в среднем терпят крушение... при авариях и катастрофах 2-3 самолета, что составляет в год 600-900 самолетов...»

По воспоминанию присутствовавшего на совещании адмирала И.С. Исакова, *«...несомненно, эта реплика Рычагова в такой форме прозвучало для него (Сталина. — Авт.) личным оскорблением, и это все понимали...»*

Вынув трубку изо рта, Сталин несколько раз прошелся вдоль стола и низким спокойным голосом дважды повторил:

— Вы не должны были так сказать, — и, сделав крошечную паузу, добавил: — Заседание закрывается...

И первым вышел из комнаты.

27 июня 1941 года П.В. Рычагов был арестован вместе с группой военных, среди которых были генералы Локтионов, Штерн, Арженухин, Проскуров, Смушкевич, Володин, Каюков, Савченко и другие.

Наверное, Сталин хорошо усвоил мудрые советы о том, что, забравшись на крышу, не отбрасывай лестницу, и о том, что стариков, которые по каждому случаю тянут: «Вот в наше время...» — порицают, и

справедливо. Но еще хуже, когда молодежь бубнит то же самое о современности.

Проскуров в Разведупре Генштаба ВС СССР сменил Филипп Иванович Голиков. Вот какую оценку дала ему уже упоминаемая выше Мария Полякова:

«Это был неплохой вояка, но совершенно не понимающий специфики нашей работы. Сталина он очень боялся. Работать стало трудно. Мнение Сталина для начальника разведки значило больше, чем донесения собственной агентуры. Когда Кегель (наш человек в немецком посольстве в Москве) за несколько часов до войны в очередной раз подтвердил точную дату нападения немцев, Голиков собственной рукой написал на этом донесении: «Видимо, дезинформация...»

Через несколько часов по приказу Гитлера самолеты люфтваффе обрушили сотни тонн бомб на советские города, гарнизоны и промышленные предприятия, а танковые клинья, рожденные мыслями Гудериана, вместе с моторизованной пехотой победоносно устремились в просторы Советской России. Несмотря на невероятные героизм и мужество, проявленные советским солдатом на полях жесточайшей брани, гражданское население оставалось в недоумении оттого, что Красная армия, которая «всех сильнее...», массово и стремительно отступает, а на запад потекли многотысячные колонны наших пленных.

В своих же воспоминаниях бывший врио начальника информационного отдела Разведуправления в предвоенные годы Василий Новобранец об этом времени написал более подробно:

«На одном из заседаний Политбюро и Военного совета обсуждались итоги Советско-финской войны 1939-1940 годов. Неподготовленность нашей армии, огромные потери, двухмесячное позорное топтание перед «линией Маннергейма» и многое другое стали

известны всему народу. Об этом в полный голос заговорили за рубежом.

Сталину и его приближенным надо было спасти свое лицо — реноме вождя. Этому и было посвящено заседание Политбюро и Военного совета. После бурных прений решили, что причина всех наших бед в Советско-финской войне — плохая работа разведки. Это мнение всяческими способами внедрялось и в армии. Свалить все на разведку — не очень оригинальный прием. Никогда еще ни одно правительство, ни один министр обороны или командующий не признали за собой вины за поражение.

Сталин в этом не был оригинален. Он тоже решил отыгаться на разведке и лично на начальнике Разведуправления генерал-лейтенанте Проскурове. Тот не стерпел возведенной напраслины. Он знал, что все необходимые данные о «линии Маннергейма» в войсках имелись, что причина неудач в другом, и смело вступил в пререкания со Сталиным и назвал все действительные причины неудач.

За это он поплатился жизнью».

По известным данным, Проскурова и Рычагова расстреляли в один день — 28 октября 1941 года без суда в Куйбышеве.

«Красный оркестр» играет

«Красная капелла» первоначально имела антинацистскую окраску, но затем превратилась в «организацию по снабжению информацией Красной армии».

Аллен Даллес

Лето 1970 года. Армейская служба автора — полкового военного контрразведчика столкнула его, не побоюсь этого выражения, с великим патриотом советско-венгерской дружбы, партизаном, разведчиком, диверсантом, подпольщиком, бывшим подполковником МВД Венгерской Народной Республики (ВНР), советским орденоносцем Шандором Ференци. «Шани бачи» («дядя Саша») — так его величали в нашем гарнизоне. Последняя должность «Шани бачи» — начальник Шопронского подотдела МВД ВНР. О судьбе Шандора Ференци и его боевой деятельности в годы войны автор описал в книге «Я служил с ними...».

Однажды он пригласил меня в гости в приграничный с Австрией город Шопрон, где проживал в одиночестве — жена умерла несколько лет назад. За мной он приехал на латаном и не единожды крашенном «Трабанте», которого называл «чудо-авто» за приличную скорость, экономию топлива, легкую в управлении и относительно дешевую в цене автомашину, производимую в ГДР. Почти вся она была из пластика, поэтому нечему было ржаветь.

Помню, как сегодня, мы сидели в уютной и прохладной столовой частного дома. Он угощал домашним вином. Пили френч — вино с содовой водой.

Из беседы выяснилось, что недавно в городе открыт памятник венгерскому антифашисту, разведчику, в далекие двадцатые годы возглавлявшему войска ВЧК и ГПУ, Ференцу Владиславовичу Патаки (1892–1944). Шандор срезал несколько роз со своей клумбы, и мы пешком отправились к мраморному мемориалу, посвященному Ференцу Патаки, на котором, как выяснилось, на двух плитах на венгерском и русском языках было высечено имя героя...

Прошло полдесяток лет, и мне на новом месте службы в Москве довелось познакомиться с сыном героя Владиславом Ференцовичем Патаки — капитаном 1-го ранга, военным историком, от которого удалось много чего почерпнуть о деятельности «Красной капеллы», степени участия в антифашистском движении его отца на территории Закарпатья и Венгрии, о встречах с Шандором Радо и резидентуре «Дора»...

Одной из самых известных советских разведывательных организаций, действовавших в Западной Европе во время Второй мировой войны, была так называемая «Красная капелла». Часть наших резидентур была подчинена НКГБ СССР, часть — РУ Генштаба ВС СССР.

Гестапо, не зная точное название организации антифашистов, разведчиков и негласных помощников советской разведки, тоже дало ей кодовое наименование — Rote Kapelle — «Красная капелла». Патриоты и противники нацизма выступили единым фронтом против гитлеровской клики и специальных органов фашистской Германии, создав, по оценке специалистов, достаточно разветвленную сеть самой эффективной нелегальной резидентуры XX века.

Военная разведка по-своему готовилась к войне. Внедряла свою агентуру в зарубежные объекты интереса РККА, разворачивала резидентские сети. Как

ни вспомнить о деятельности отважных антифашистов, разведчиков, агентов из резидентур «Красной капеллы» Анатолия Гуревича, Леопольда Треппера, Харро Шульце-Бойзена, Арвида Харнака, Курта Шумахера, Ильзу Штёбе, Шандора Радо, Рудольфа фон Шелиа, Альберта Хесслера, Курта Шульце, Элизабеты Шумахер...

Деятельность групп сопротивления фашизму «Красного оркестра» (еще так называли их в гестапо и абвере. — Авт.), по мнению историков из числа профессионалов, была более эффективной, чем работа официальных спецслужб любой страны во время Второй мировой войны. Адмирал Канарис по поводу ущерба, нанесенного нацистской Германии агентурой внешней и военной разведок, писал: *«Красный оркестр» стоил Г?рмании 200 тысяч солдатских жизней!*» А скольким советским воинам «Красная капелла» спасла жизнь! Надо думать, не меньшему числу. Вот уж действительно, кто предупрежден, тот вооружен!

* * *

Говоря о деятельности «Красной капеллы», нужно иметь в виду, что это название первоначально использовалось тайной государственной полицией (гестапо), с 1939 года — IV Управлением под названием «Борьба с противником-гестапо». Организационно оно входило в состав Главного управления имперской безопасности (RSHA) — (РСХА).

Главной целью гитлеровских спецслужб с приходом к власти нацистов начиная с 1933 года — накануне войны и во время боевых действий вплоть до разгрома Третьего рейха было обнаружение и ликвидация нелегальных передатчиков, работающих в Германии, на

оккупированных ею государствах и территориях «нейтральных» стран типа Швейцарии.

РСХА установило и выделило при помощи хорошо поставленной в рейхе радиопеленгации три независимые шпионские сети «эфирных красных оркестров» (по-немецки — «капелл»), какими впоследствии оказались: группы Арвида Хорнака и Харро Шульце-Бойзена в Берлине, «Красной тройки» в Швейцарии и резидентуры Леопольда Треппера в Германии, Франции и Бельгии. Радистов этих групп в оперативных документах нацисты называли «музыкантами», «пианистами». Радиопеленгаторные службы Германии определили, что «музыканты» ориентировали свои передачи на Москву. Поэтому «капелла» в документах операций нацистских спецслужб по борьбе с агентурой советской разведки в Германии и ряде европейских стран получила соответствующую «красную» окраску.

Октябрьская революция 1917 года в России всколыхнула народные массы Германии. Люди не только пассивно ждали перемен, но и стали активно выступать, проводить демонстрации, митинги, забастовки против монархии. Особенно сильные по накалу политические выступления с социальной направленностью проходили в Мюнхене осенью восемнадцатого года.

После победы социал-демократов и коммунистов в Мюнхене 6 апреля 1919 года была провозглашена Баварская Советская Республика (БСР). Это было кратковременное государственное образование, высшим органом которого являлся Баварский съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Премьер-министром и министром иностранных дел стал член Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ) Курт Эйснер, который объявил короля Людвига III низложенным.

Однако 21 февраля 1919 года революционер Эйснер был убит монархистом Антоном фон Арко ауф Валлей. И уже 1 мая этого же года правительственные войска и части Фрайкора (добровольческий корпус полувоенных патриотических формирований. — *Авт.*) взяли Мюнхен. Контрреволюция использовала тот факт, что среди руководящего состава БСР было много евреев, в том числе и из России. Молодой Гитлер взял за основу своей внутренней политики этот тезис, доведя градус кипения в борьбе с еврейством до холокоста. И действительно, вползавший постепенно в большую политику в том же Мюнхене, Адольф Гитлер удачно сыграл идеологическую партию на «злодеяниях красных евреев», виновных в поражении Германии в Первой мировой войне и появлении «красной чумы» в среде баварцев.

С завершением этой войны и приходом к власти нацистов не останавливалась борьба в том числе и красной оппозиции против и в периоды Веймарской республики, а также Третьего рейха посредством митингов, саботажей, подполья и даже тайной помощи Советской России, которую считали образцом демократии и интернационализма. Вот так постепенно зарождалось сопротивление новым властям не только в Германии, но и в других странах Европы — сателлитах фюрера, против мифических ариев с их «новым порядком».

Многие участники борьбы с нацизмом не проводили различий между антифашистским Сопротивлением и участием групп в разведывательных операциях, считая, что то и другое является частью общей борьбы с гитлеровским режимом. Они отвергали заявления некоторых политических деятелей, что нацизм — это временное поветрие и гитлеровцы не посмеют развязать войну против России и тем более на два фронта.

Уже накануне прихода Гитлера к власти рейхсканцлер и министр обороны Германского государства (2.12.1932-28.1.1933) генерал Курт фон Шлейхер и командование рейхсвера считали момент для интервенции против СССР назревшим в связи с голодом в России и просчетами Сталина в экономике. Но, как известно, инициативу перехватил Гитлер, по приказу которого генерал был застрелен во время «Ночи длинных ножей». Трупы родителей на вилле Шлейхеров обнаружила 16-летняя дочь. Свидетель события — повариха рассказала, что к вилле подошли двое в гражданском и сообщили, что их вызывал хозяин дома. Она провела неизвестных к нему в кабинет. Один из них спросил:

— Вы генерал фон Шлейхер?

— Да, а что?

Услышав утвердительный ответ, он быстро достал из кармана пистолет и застрелил генерала. Услышав выстрел, из соседней комнаты выбежала жена, которая тоже была убита...

После устранения генерала Гитлер и другие организаторы «Ночи длинных ножей» испугались мести со стороны военных. Но страхи развеял автор присяги новому рейхсканцлеру

Гитлеру один из организаторов вермахта, будущий генерал-фельдмаршал и командующий группой армий «Юг» Вальтер фон Рейхенау в изданном коммюнике:

«За последние недели было установлено, что бывший военный министр генерал в отставке фон Шлейхер поддерживал контакты с враждебными государству кругами штурмовиков и иностранными державами. Было доказано, что он своими высказываниями и действиями выступал против нашего государства и его руководства. Этот факт определил необходимость его ареста в ходе проводившейся чистки. В момент задержания сотрудниками уголовной

полиции Шлейхер попытался оказать сопротивление, применив оружие. В ходе возникшей перестрелки генерал в отставке и его вмешавшаяся жена были смертельно ранены».

Закончил жизненный путь бесславно — 14 января 1942 года у Рейхенау во время пробежки по 40-градусному морозу у него произошло кровоизлияние в мозг, а 17 января он умер в воздухе, перелетая из Полтавы в Лейпциг на лечение. Самолет с его телом при промежуточной посадке во Львове потерпел авиакатастрофу, врезавшись в одно из аэродромных строений...

В 30-е годы прошлого века в посольстве СССР и других советских учреждениях в Берлине работали сотни немецких граждан. Одни были дружелюбно настроены по отношению к Советскому Союзу, строящему, как они считали, свободное социалистическое государство, другие действовали как агенты германских спецслужб. С приходом Гитлера к власти и крутой перемены политического курса начались аресты коммунистов, работавших в поспредстве и торговом представительстве СССР.

И сразу же перед внешней и военной разведками встали две задачи с корректировками планов действий в направлениях: во-первых, приобретения надежных людей на случай чрезвычайных обстоятельств, а во-вторых, вербовка агентуры в нацистской партии, секретных службах и армии — вермахте. На третий план отходила борьба с белогвардейскими и националистическими организациями и движениями.

По воспоминаниям разведчиков берлинской резидентуры В.М. Зарубина, А.М. Короткова, В.П. Рощина и других, германская столица того времени представляла собой бурлящий котел. Политиков раздирала жажда реванша.

Патриоты, реалисты и сторонники дружбы и сотрудничества с СССР Рейнгольд Вулле, Курт фон Поссанер, Карл Ренер, Вилли Леман, Эрнст Кур, Эрих Такке, Адольф Майснер, Вальтер Мария Стеннес, Арвид Хорнак, Адам Кукхоф, Рихард Зорге и др. надеялись создать германский легион антифашистов, способный вместе с союзными странами принять участие в борьбе против гитлеровского режима. Вместе с советскими разведчиками они его создали, но на войне, в том числе и тайной, как на войне, многие из них погибли.

Были среди тех, кто информировал Кремль, и выдающиеся ученые. Примером может служить старший правительственный советник министерства экономики, доктор юридических наук и философии Арвид Хорнак, работавший под псевдонимом «Корсиканец». Во главе министерства стоял Ялмар Шахт — проныра, ловкач и мошенник, сделавший ставку на нацистах. Он своими манипуляциями дал возможность Гитлеру финансировать гигантскую программу перевооружения.

Хорнак вступил в контакт с советской разведкой, видя в ней союзника в деле свержения власти нацистов во главе с Гитлером. Кроме того, Арвид был сторонником мирных отношений между Германией и СССР и часто исследовал причины экономического бума недавно отсталой России в 1930-х годах. Он их нашел в создании в СССР плановой экономики для преодоления хаоса рынка и обнищания населения. Более того, в 1931-1933 годах он являлся заместителем председателя «Рабочего кружка по изучению проблем плановой экономики Советской России (АРПЛАН), который возглавлял известный ученый профессор Ф. Ленц.

Как руководитель «Красной капеллы», Хорнак боролся не только против национал-социализма, но и связывал возрождение Германии с растущей духовной

силой России. Нельзя исключать того, что он тогда уже увидел абрис Русского мира, споткнувшегося в 1990-е годы о выбоину внутреннего предательства. Но этот мир — не убиенный!

Длительное время поддерживал контакт с «Корсиканцем» сотрудник постпредства СССР А.В. Гиршфельд — кадровый военный разведчик Разведупра Генштаба ВС СССР. Это «Корсиканец» первым в сентябре 1940 года получил данные через свою связь в руководстве вермахта о том, что в начале следующего года Германия намерена начать войну против СССР. Эту информацию получил и отправил в Центр на Лубянку в НКГБ разведчик А.М. Коротков своему руководителю П.М. Фитину до внезапного откомандирования в Москву.

В дальнейшем, а точнее в январе 1941 года, Москва узнала от «Корсиканца», что Геринг склоняется к заключению мирного соглашения с Англией и США против СССР, об отданном распоряжении в штабе авиации о проведении широкомасштабных разведывательных полетов над советской территорией с целью аэрофотосъемки всей пограничной полосы Советского Союза, о получении хозотделом имперского статистического управления указания верховного командования вооруженными силами Германии составить карту размещения промышленных объектов Советского Союза.

О попытках сговора Гесса с англичанами наша разведка получила конкретную информацию от агента «Стюарта» — это был Ким Филби. Добыл он данные через своего источника — от двух фельдмаршалов о том, что выступление Германии против СССР намечено на весну сорок первого года, а конкретно, на 1 мая с расчетом на то, что русские не смогут поджечь при отступлении еще зеленый хлеб и немцы воспользуются урожаем.

Хорнак до конца своих дней был верен своим идейным принципам. Нацистским судьям, решавшим его судьбу в декабре 1942 года, он бросил в лицо:

«Моей целью было уничтожение гитлеровского государство любыми средствами. Я был твердо убежден, что идеалы Советского Союза принесут миру спасение».

Его приговорили к смертной казни, и 22 декабря 1942 года он был повешен в тюрьме Плётцензее. Его жену Милдред поначалу приговорили к шести годам заключения, но 16 января 1943 года по указанию Гитлера этот приговор заменили на смертную казнь. 16 февраля 1943 года она была гильотирована в той же тюрьме, где казнили ее мужа.

После окончания войны на Западе появились ядовитые статейки о причинах провала «Корсиканца» из-за поспешности при руководстве им советской разведкой. Эту гаденькую идейку следователи гестапо донесли до обессиленного истязаниями германского патриота и советского резидента перед казнью. Но он на пути к бессмертию исповедовал другой принцип: «не верь, не бойся, не проси!»

Вместе с Арвидом Хорнаком в «Красной капелле» берлинской резидентуры работал и другой корифей советской разведки, антифашист в офицерском звании обер-лейтенанта люфтваффе Харро Шульце-Бойзен — внучатый племянник гросс-адмирала Альфреда фон Тирпица, личного друга кайзера Вильгельма II и создателя доктрины германского военно-морского флота. В 1935 году он женился на красавице Либертас Хаас-Хайе. Мать невесты проживала по соседству с виллой Германа Геринга, который стал свидетелем со стороны невесты на свадьбе Харро и Либертас.

Благодаря покровительству Геринга Шульце приняли на службу в министерство авиации без обычной проверки гестапо на политическую лояльность.

С 1935 года он собрал вокруг себя круг антифашистов левой ориентации, распространявший прокламации против нацизма и лично Гитлера, который, как они утверждали, приведет Германию к катастрофе.

К этому времени Харро познакомился с Арвидом Хорнаком, через которого начал передавать собранную информацию. Вскоре с ним был установлен оперативный контакт с проведением последующей вербовки. Так Шульце-Бойзен получил псевдоним — «Старшина». В декабре 1940 года он собрал важнейшую информацию о подготовке Германии к нападению на Советский Союз, а 16 июня 1941 года предупредил своего куратора, что война может начаться в любую минуту. Эту информацию немедленно доложили Сталину и Молотову. В докладной записке говорилось:

«Источник, работающий в штабе германской авиации, сообщает:

Все военные приготовления Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время...

Объектами налетов германской авиации в первую очередь являются: электростанция «Свирь-3», московские заводы, производящие отдельные части к самолетам, а также авторемонтные мастерские.

В военных действиях на стороне Германии активное участие примет Венгрия. Часть германских самолетов, главным образом истребителей, находится уже на венгерских аэродромах...

Источник в Министерстве хозяйства Германии сообщает, что произведено назначение начальников военно-хозяйственных управлений «будущих округов» оккупированной территории СССР...

На собрании хозяйственников, предназначенных для «оккупированной территории» СССР, выступил также Розенберг, который заявил, что понятие «Советский Союз» должно быть стерто с географической карты».

Но от него стали поступать каждый день интереснейшие для разведки материалы. Как писал Владимир Мещерский, владеющий глубокими данными по «Красной капелле», в Центре обратили внимание на вызывающе смелое поведение «Старшины» и дали указание в Берлин, чтобы Степанов — (псевдоним разведчика Александра Михайловича Короткова. — Авт.) опросил более подробно агента по этому вопросу.

16 июня 1941 года «Старшина» на вопрос Степанова, когда можно ждать «день X», недвусмысленно отвечает: «Война разразится со дня на день». Он установил, что в руководящих кругах германского министерства авиации утверждают, что вопрос о нападении на Советский Союз окончательно решен. Главная штаб-квартира Геринга переносится из Берлина предположительно в Румынию. 18 июня Геринг должен выехать в новую штаб-квартиру.

Не знаю, вспомнил ли Сталин прогнозы в конкретных документальных материалах «Старшины» о готовящемся «изо дня на день нападении на СССР» утром 22 июля 1941 года? Чиновники высокого уровня, к сожалению, боятся признавать свои ошибки, порой перерастающие в преступления, которые практически подставили РККА в первые месяцы войны.

17 июня 1941 года Сталин вызвал в Кремль наркома ГБ В.Н. Меркулова и начальника внешней разведки НКГБ П.М. Фитина. Вождь интересовался мельчайшими подробностями о берлинских источниках — «Корсиканце» и «Старшине», особенно последнем. Послушаем пояснение о встрече с вождем самого Фитина:

«16 июня 1941 года из нашей берлинской резидентуры пришло срочное сообщение о том, что Гитлер принял окончательное решение напасть на СССР 22 июня 1941 года. Эти данные тотчас были доложены в соответствующие инстанции.»

Поздно ночью с 16 на 17 июня меня вызвал нарком и сказал, что в час дня его и меня приглашает к себе И.В. Сталин. Многие пришлось в ту ночь и утром 17 июня передумать. Однако была уверенность, что этот вызов связан с информацией нашей берлинской резидентуры, которую он получил. Я не сомневался в правдивости поступившего донесения, так как хорошо знал человека, сообщившего нам об этом...»

Вождь встретил их спокойно. Фитин среди бумаг на его столе заметил шифровку из Берлина.

«...Мы молчали, — вспоминал Фитин, — ведь всего три дня назад, 14 июня, газеты опубликовали заявление ТАСС, в котором говорилось, что Германия столь же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз».

И вот тут начальник внешней разведки понял одну непреложную истину о том, что практически материал его источника противоречит линии партии. В его голове пронеслось, что и за меньшие «огрехи» его коллег ставили к стенке, а тут вопрос касается жизни или смерти целой страны. В кабинете стояла зловещая тишина. Сталин прошелся, казалось бы, в состоянии отстраненности вдоль стола несколько раз, уставившись не на гостей, а в окно. И вдруг чекисты услышали его сиплый голос. Он задал коварный вопрос:

— Что за человек сообщил вам эти сведения?

Меркулов молчал. Пришлось пояснять ситуацию Фитину.

Выслушав начальника 1-го Управления НКГБ, Сталин подошел к столу, взглянул на шифровку и, резко обернувшись к подчиненным, проговорил скрипучим ГОЛОСОМ:

— Дезинформация! Можете быть свободны. А потом, постояв в раздумье, добавил: — Идите, все уточните, еще раз проверьте эти сведения и доложите мне...

Надо отметить, что накануне войны шел бурный поток информации от добывающих органов. Военная разведка тоже подтверждала решение Гитлера на войну с Советской Россией. Но Кремль все еще сомневался. Все это напоминало сказку Льва Толстого «Мальчик и волки». Мальчонка так часто кричал: «Волки!», что к этому привыкли. Поэтому, когда действительно появился хищник, мальчику уже никто не поверил и не откликнулся на его крик о помощи. Вальтер Шелленберг в своих мемуарах так охарактеризовал Шульце-Бойзена:

«... Этот фанатик являлся движущей силой всей шпионской организации в Германии. Он не только поставлял секретную информацию для русских, но и развернул активную деятельность в качестве пропагандиста. Так, например, однажды в пять часов утра на одной из улиц произошла следующая сцена: Шульце-Бойзен в полной военной форме угрожал застрелить из пистолета одного из своих агентов за то, что тот не выполнил пропагандистского задания на одном из заводов».

Шульце-Бойзен, прежде чем покинуть камеру внутренней тюрьмы гестапо, перед отправкой в «дом смерти» Плётцензее написал прощальное стихотворение и спрятал его в щель стены. Об этом он сказал сокамернику, тоже смертнику. Тот, в свою очередь, сообщил о записке перед своей казнью соседу... Этот человек остался жив. После войны он пришел к руинам здания на Принц-Альбрехтштрассе и отыскал предсмертное послание истинного патриота Германии, антифашиста и друга Советской России, работавшего на тайном фронте под псевдонимом «Старшина»:

Да, жизнь была прекрасна...
За горло смерть берет,

Но смерти неподвластно,
Что нас влекло вперед.
Не убеждают правых
Топор, петля и кнут.
А вы, слепые судьи, —
Вы не Всевышний суд.

Если бы он узнал, что СССР сдали в угоду США и НАТО советские предатели-партийцы, наверное, перевернулся бы в безымянной могиле.

* * *

Второй резидентурой РУ Генштаба в годы Второй мировой войны, работающей с территории Швейцарии против фашистской Германии, была группа антифашистского Сопротивления. Руководил разведгруппой под названием «Дора» (перестановка слогов фамилии Радо) венгерский коммунист Шандор Радо.

Он был активным участником революции 1919 года в Венгрии. В период учебы на географическом факультете в Йенском университете участвовал в революционных событиях в Германии 1923 года. После подавления гамбургского восстания с группой активистов эмигрировал в Москву, где работал картографом, секретарем Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР и старшим сотрудником коммунистической академии. До прихода Гитлера к власти жил в Германии, в 1933 году эмигрировал в Париж, где на него вышла наша военная разведка...

В 1935 году Ш. Радо по приглашению редакции «Большого советского атласа» приехал в Москву. Здесь

у него состоялась встреча с заместителем начальника Разведупра НКО А.Х. Артузовым, который предложил ему перейти на работу в военную разведку. После четкого инструктажа начальником РУ С.П. Урицким Шандор Радо был выведен в Швейцарию. С началом Второй мировой войны эта страна наглухо закрыла свои границы, и поэтому контакт агента с Центром прервался.

В марте 1940 года в Женеву из Брюсселя приехал Анатолий Гуревич — «Кент», который привез Радо шифр, кодовую книгу, программу связи и провел с ним подробный инструктаж. А вот денег не привез из-за боязни быть арестованным на границе за контрабанду. Пришлось Радо все вопросы финансового кризиса на непродолжительное время взять на себя. Центр вскоре урегулировал денежную проблему и приказал Радо установить контакт с резидентурой Р. Дюбендорфера — «Сиси». Через некоторое время эти две группы слились, образовав резидентуру «Дора» под руководством Шандора Радо.

Группа «Дора» действовала под прикрытием агентства «Геопресс», а ее основная агентура, естественно, находилась в Германии. Первую скрипку в оркестре «Красной тройки», так швейцарскую группу назовет гестапо, играл Рудольф Рёсслер — псевдоним «Люци», которого называют одним из самых лучших агентов Второй мировой войны.

Как активный противник нацизма с началом войны он эмигрировал из Германии в Швейцарию. Его друзья, занимая видные посты в штабе вермахта и системе МИД Германии, делились режимными сведениями о планах вермахта и дислокации войск германской армии на Восточном фронте. Познакомившись с Шандором Радо, «Люци» стал передавать полученную развединформацию советскому резиденту. Из-за увеличения объема передаваемых в Москву сведений

Радо привлек к работе в качестве радистов супругов Эдмонда — «Эдуард» и Ольгу — «Мауд» Хамель, а также молодую антифашистку Маргариту Болли — «Роза». Активно работали опытные радисты Леон Бёртон и Александр Фут.

Итак, в Швейцарии устойчиво заработали три радиоточки, которые не давали покоя гитлеровцам, ищущим «Красную тройку». Резидентура «Дора» насчитывала более семидесяти человек. Из них действовали: в Женеве — 19 человек, в Берне — 15, в Цюрихе — 9, в других городах Швейцарии — 27. Существовали и активно работали «доровцы» и в других странах: в Германии — 17, в Италии — 2, в Австрии — 3 и во Франции — 5 человек.

Как и другие руководители европейских резидентур Разведупра НКО накануне войны, так и Шандор Радо постоянно докладывал в Центр о готовящемся в мае-июне нападении Германии на Советский Союз. После нападения фашистской Германии на СССР Центр передал Радо следующее указание:

«1.7.41. Доре.

Все внимание — получению информации о немецкой армии.

Внимательно следите и регулярно сообщайте о перебросках немецких войск на Восток из Франции и других западных районов.

Директор»

Особенно полезные сведения РУ получало накануне битв под Москвой, Сталинградом и на Курской дуге. Вскоре после курского поражения Берлин убедил швейцарские власти в необходимости положить конец деятельности «Красной тройки». Точно установить принадлежность «Красной тройки» к советской разведке зондеркоманда смогла только после ареста в

ноябре 1942 года А. Гуревича и Л. Треппера — руководителей резидентуры РУ в Бельгии. С помощью захваченных шифров гестапо удалось прочесть часть радиোগрамм «Доры». Гестаповцы были поражены — через Швейцарию шла утечка секретной информации из высшего военного командования вермахта.

В провале резидентуры «Дора» часть вины падает и на Маргариту Болли. К «Розе» по заданию руководителя резидентуры немцев VI управления РСХА, которой руководил Ганс Мейснер, числившийся генеральным консулом Германии в Берне, подвел своего агента Ганса Петерса. Немец сумел влюбить в себя 23-летнюю девушку. Самое страшное в том, что Маргарита не поставила в известность Радо о появлении нового знакомства. Так гестапо проникло в агентурную сеть «Доры» и получило возможность частично наблюдать ее деятельность изнутри...

Операции по ликвидации «Красной тройки» в Берлине придавали особое значение. Для координации работы по ликвидации советской группы на встречу с начальником спецслужб Швейцарской Конфедерации бригадным полковником Массоном и комиссаром полиции Швейцарии Мауерером выезжал начальник VI управления РСХА В. Шелленберг.

Операция началась в сентябре 1943 года, а уже в октябре радиоразведка пеленгаторами установила точное место выхода радиопередатчика в эфир — небольшой, отдельно стоящий домик на шоссе Флориссан... 14 октября 1943 года во время передачи были арестованы Эдмонд и Ольга Хамели.

При активной деятельности швейцарской полиции, которая вышла на след подпольщиков и разведчиков, были арестованы практически все члены советской резидентуры. Сам Шандор Радо, спасаясь от ареста, из Швейцарии перебрался во Францию. Там он вышел на представителей советской разведки. Он понимал, что

провал резидентуры «Дора» советская контрразведка поставит ему в вину.

В начале 1945 года он самолетом был отправлен в Москву. Опасаясь ареста, как он считал, по необоснованному обвинению, он при промежуточной остановке в Египте под вымышленной фамилией попросил политического убежища в Великобритании. Однако англичане ответили на просьбу отказом. Тогда он попытался покончить с собой и попал в госпиталь. Продолжительное время лечился. На предложение советского посольства в Каире выдать россиянина местные власти не торопились исполнить просьбу посла. Пришлось подключаться НКВД, подготовившего справку о совершенном гражданином Шандором Радо уголовном преступлении.

2 августа 1945 года он был доставлен в Москву и арестован. Особым совещанием при МГБ СССР его осудили на 15 лет лишения свободы по обвинению в шпионаже. Освобожден после смерти Сталина в 1954 году и сразу же убыл в Венгрию. Реабилитирован решением Военной коллегии Верховного суда СССР 27 июня 1956 года. В Будапеште стал профессором, заведующим кафедрой картографии Университета экономических наук им. Карла Маркса. С 1955 года руководил картографической службой ВНР. В 1971 году под руководством Радо был издан полнейший атлас Венгрии.

В 1954 году специальная комиссия ГРУ, занимавшаяся пересмотром дел арестованных разведчиков, доказала необоснованность всех обвинений Шандора Радо. Он был награжден советскими орденами Отечественной войны 1-й степени и Дружбы народов.

* * *

Третья группа «Красной капеллы» под руководством Леопольда Треппера (1904-1982) действовала на территориях Германии, Франции и Бельгии. Родился он 23 февраля 1904 года в Австро-Венгерской империи в городе Новы-Тарг в еврейской семье. В 1924 году репатриировал в Палестину, где стал одним из руководителей коммунистической партии. За свою деятельность против английской администрации в 1929 году был выслан из Палестины. До 1932 года находился во Франции, где трудился сотрудником газеты на идише «Дэр моргн» — («Утро»).

В 1932 году он прибыл в Москву и поступил на факультет журналистики Коммунистического университета национальных меньшинств Запада, который закончил в 1935 году. Непродолжительное время работал в центральном аппарате Коминтерна, а оттуда был направлен в Иностранный отдел (ИНО) ГУГБНКВД СССР.

В 1936 году под впечатлением беседы с начальником РУ РККА Яном Карловичем Берзиным почувствовал, что войны с Германией не избежать, а потому надо готовиться к созданию широко разветвленной агентурной сети на территории очередного рейха. Ему предложили работу. Но после ареста Берзина 27 ноября 1937 года отправка Треппера за рубеж задержалась. В декабре 1938 года кандидата для работы за границей вызвал новый начальник РУ Генштаба А.Г. Орлов и предложил по согласованию с его прежним руководством отправиться в Бельгию, где жил в Брюсселе его друг еще по Палестине Лео Гроссфогель, для создания разветвленной разведывательной сети. Леопольд получил паспорт на имя канадского фабриканта Адама Миклера.

В 1939 году в Бельгию РУ НКО направило в качестве нелегального резидента хорошо подготовленного

офицера капитана Константина Ефремова — псевдоним «Паскаль».

К 1940 году, когда связь с Центром по почтовым каналам и через курьеров стала затруднительной, из СССР на помощь Трепперу прибыли офицеры военной разведки: бывший летчик старший лейтенант Михаил Макаров, он же «Хемниц», по паспорту уругвайский гражданин Карлос Аламо, и Анатолий Гуревич, ставший Винсентом Сьерра. В РУ НКО ему дали псевдоним «Кент». Готовился в Москве как шифровальщик и радист. Оба разведчика еще с Москвы получили фальшивые паспорта с находящимися рядом порядковыми номерами, но разным временем их выдачи. Уже этот факт предопределял их возможный провал — не-продуманность и спешка налицо.

Как летчик, в Испании Макаров был востребован — сражался геройски. По возвращении в СССР Макарову предложили работу в РУ НКО и направили в спецшколу. В Брюсселе, куда его направило РУ, ему порекомендовали поучиться в местном университете, но студенческая аудитория — не его сфера деятельности, и он забросил учебу. Резидент Треппер, видя, что такое праздное времяпрепровождение может привлечь внимание спецслужб, потребовал заняться торговлей и посодействовал приобретению в Остенде небольшой лавчонки. Это «Хемница» вполне устраивало, т. к. он проводил все свободное время в кафе. Потом он разбил служебную автомашину. Возник вопрос о его откомандировании на родину ввиду неполного служебного соответствия. Но за него заступился Треппер. Москва согласилась с выводами резидента пока оставить Макарова в Брюсселе. Он продолжал работать радистом. Материалов группа получала много, поэтому радисту приходилось подолгу висеть в эфире на одном и том же месте, что грозило быть запеленгованным. Любой разведчик знает, что

каждая лишняя минута работы в эфире — это дополнительная возможность обнаружения рации противником.

Была и другая причина для беспокойства. Приобретенная Треппером двухэтажная вилла с высоким чердаком, предназначенная для оперативных целей (радиосеансов. — *Авт.*), располагалась в пригороде Брюсселя по улице Атребат, № 101 и постепенно превращалась в «общежитие». Вилу арендовала голландка по имени Рита Арну, презиравшая фашистов.

Вскоре Треппер привлек к работе свою знакомую по Палестине польскую еврейку Софи Познанскую и поселил ее в радиоквартире (РК), где работал и Макаров. Там с разрешения резидента стали проживать еще несколько агентов. Но верхом возможной расконспирации стало безобразное поведение радиста «Хемница» (Макарова). Он начал привозить с собой на сеансы радиосвязи с Москвой случайных знакомых и дам легкого поведения. С ними он все чаще задерживался на вилле. «Кент», как заместитель резидента, предупредил «Отто» (была и такая кличка у Треппера), что такое поведение радиста чревато провалом.

— Если не предпримите мер, я буду вынужден доложить о безобразиях Центру, — смело бросил угрозу в лицо резиденту его двадцатисемилетний заместитель.

— Ты еще молод, чтобы меня учить. Может, хочешь выслужиться перед Центром? Тогда докладывай. Я не боюсь, потому что честно работаю на Отчизну, — высокопарно заявил «Отто»...

В ночь на 10 мая 1940 года «Отто» и «Кент» работали допоздна в квартире последнего над составлением очередного сообщения. Оба проснулись от рева авиационных моторов — Германия напала на

Бельгию. Центр приказал всем евреям из резидентуры, в том числе и Трепперу, срочно покинуть страну и выехать во Францию. «Кент» остался практически руководителем группы. «Отто» изредка появлялся в Брюсселе, поэтому вся тяжесть руководства группы и акционерного общества «Симэкс» легла на плечи «Кента». Дело в том, что Москва в первые месяцы войны не могла переводить деньги на содержание резидентуры. Поэтому, по существу, вся советская разведсеть в Европе кормилась за счет прибылей «Симэкса». В этом большая заслуга «Кента».

Когда после начала войны служба радиоперехвата Германии зафиксировала сигналы неизвестных радиопередатчиков не только в Бельгии, Голландии, Франции, Югославии, Швейцарии, но и в Берлине, Гитлер был взбешен. Десятки передатчиков часами вели радиосеансы... на Москву. Последовал грозный приказ фюрера: собрать всех лучших сыщиков и специалистов радиододела в одну зондеркоманду и в кратчайший срок ликвидировать советскую радиосеть. 10 октября 1941 года «Кент» получил из Центра телеграмму с пометкой «лично». Но такую же депешу получил и «Отто»:

«Немедленно отправляйтесь в Берлин по трем указанным адресам и выясните причины неполадок радиосвязи. Если перерывы возобновятся, возьмите на себя обеспечение передач. Работа трех берлинских групп и передача сведений имеет важнейшее значение...

Директор»

У него зашевелились волосы. Он был в ужасе — в одной телеграмме сообщались адреса трех лучших агентов в Берлине. «Они с ума сошли, — так, очевидно, размышлял «Кент», — это же вопиющая ошибка, нет —

должностное преступление. Кто заставил Директора выложить секретнейшие данные, на кого надеялись эти неучи? На то, что телеграмма никогда не будет расшифрована? Кто убедил руководителя в непогрешимости шифровки?»

Две разведки, внешняя и военная, вещь целесообразная: соперничество стимулирует активность, творческий подход. Они, когда было нужно, помогали друг другу. В данном случае: внешняя разведка НКГБ не имела возможности связаться с группой Хорнака — Харро Шульце-Бойзена — обратились к военной, и «Кент» получил задание отправиться в самое логово врага. Оборудованные для связи с «Корсиканцем» в районе Бреста и Минска приемно-передающие станции перестали существовать в первые дни войны. Наши станции максимум работали на расстояние около 600-1000 километров. Немецкие перекрывали рубеж до 2000 километров. Быстрое отступление РККА постоянно корректировало оперативную обстановку.

«Кент» благополучно добрался до Берлина и выполнил задание, встретившись на квартире с «Корсиканцем», который передал важную информацию о планах вермахта на боевые действия следующего года. Шифровки в Центр, с которыми знакомился Сталин, давший высокую оценку собранной информации, отправил «Кент».

Анатолий Маркович (Арон Мордкович) Гуревич — «Кент» родился в 1913 году в Харькове в еврейской семье. После окончания школы учился в Институте железнодорожного транспорта, а затем в Институте интуриста по специальности «работа с иностранцами». Добровольцем сражался на стороне республиканцев в Испании.

В мае 1940 года Бельгия была оккупирована немцами. Пришлось менять документы и

подстраиваться под требования новой легенды и линии поведения. Теперь Треппер стал Жаном Жильбером. 13 января 1941 года для прикрытия подпольной деятельности группы в Париже была создана торговая фирма «Симекс», а в Брюсселе — «Симекс К» под руководством «Кента».

Группа Треппера — Гуревича сразу же приступила к основной работе. В Москву полетели шифровки с собранной информацией о реальной подготовке Германии к нападению на Советский Союз: массовой переброске войск к советской границе, стремительном росте военных заказов — «накачке стальных мускулов», прямых угрозах новой фазы войны, завершении строительства первого этапа Фюрербункера, начатого в 1936 году, подтягивании самолетного парка на полевых аэродромах к линии соприкосновения Германии и СССР по подписанному пакту 1939 года.

Вскоре после захвата Польши Гитлер созвал военачальников в новую рейхсканцелярию в Берлине и выступил с трехчасовой речью, в которой подверг резкой критике тех, кому его агрессия казалась неразумной. *«Ни военный, ни штатский человек не могут меня заменить, — сказал Гитлер. — Я убежден в силе своего интеллекта и решения. Никто никогда не достигнет того, чего достиг я. Я веду немецкий народ к огромным высотам... Я ни от чего не дрогну, я уничтожу любого, кто будет мне препятствовать... Я не прошу генералов понимать мои приказы, но только выполнять их».*

Каких высот фюрер добился для немецких граждан, сегодня знают многие народы мира. В борьбе с этим мракобесом, нацеленным вермахтом на Советский Союз, и действовали наша армия и разведка. Кстати, здание рейхсканцелярии было снесено 5 декабря 1947 года.

Образовавшийся пустырь стал преобразоваться с конца восьмидесятых. Сейчас там стоят жилые корпуса.

Но вернемся к группе Треппера — Гуревича.

До «Отто» дошло, что надо принимать меры. Но пока он думал, как разрядить обстановку, зондеркоманда «Роте капелле» приближалась к цели, находясь недалеко от виллы. Вот как описал этот эпизод Владимир Пещерский:

«Шеф команды уточнял детали, какой из трех подозрительных домов является пристанищем «пианистов». С наступлением вечера и отключением электроэнергии команда заметила, что после минутного перерыва в подаче электричества передатчик замолчал. Несомненно, это была вилла номер 101. Гестаповцы ворвались в дом, перепугав до смерти хозяйку, уже легшую спать. На втором этаже Софи Познанская занималась дешифрованием, она на мгновение повернулась к двери. Этой секунды ей не хватило, чтобы полностью сжечь в камине радиограмму...»

На вилле 13 декабря 1941 года были задержаны и другие обитатели «общежития», а также резидент Треппер и радист Макаров... Правда, Треппер чудом спасся и скоро оказался на свободе. Это был провал с глубокими последствиями. Руководство резидентуры о ЧП доложило в Центр только через полтора месяца.

Один из радистов, не выдержав пыток, раскрыл шифр, которым пользовался. Немцы стали читать радиограммы, и с изумлением прочли адреса Шульце-Бойзена и других подпольщиков в Берлине. «Красную капеллу» обложили красными флажками...

Резидентура «Паскаля» оказалась единственно уцелевшей нелегальной резидентурой в Бельгии. Но противник следовал по пятам разведчиков. Радист Венцель — «Герман» из разгромленной резидентуры Треппера полностью перешел в подчинение «Паскаля». 15 июля 1942 года последний с большим трудом и

риском передал в Центр информацию о том, что в ночь с 29 на 30 июня «Герман» был взят с поличным во время ведения радиосеанса. Радиоконтрразведчики с точностью до метра запеленговали нашего радиста. Гестаповцы подкрались к работающему радисту в шерстяных носках, надетых поверх сапог, чтобы не были слышны их шаги. Они появились за спиной «Германа» как привидения.

Скоро был задержан и «Паскаль», а 10 ноября 1942 года французская полиция арестовала в Марселе «Кента» и его гражданскую жену Маргарет Барча и передали гестапо. Итак, оставшиеся в живых руководители «Красной капеллы» Леопольд Треппер, Анатолий Гуревич и Шандор Радо были арестованы советской контрразведкой по подозрению в предательстве. И.А. Дамаскин в книге «Сто великих разведчиков» пишет:

«Большинство участников бельгийской «Красной капеллы» после пыток было казнено. Но самое страшное, что на многих легло незаслуженное пятно предательства как, например, на Н. Ефремова и М. Макарова. Велика в этом «заслуга» Л. Треппера, оговорившего в своих послевоенных показаниях и в книге «Большая игра» Гуревича, Ефремова, Макарова и некоторых других».

А потом для всех арестованных МГБ СССР началась борьба с доказательствами своей прямой невиновности в развале «Красной капеллы». Но это уже другая история, в которой были вскрыты ложь и правда, замешанные в один ком тяжелейшей и ответственной борьбы в подполье. Время показало, что все они были патриотами и солдатами справедливого тайного сражения Советского Союза с немецко-фашистскими поработителями.

Спустя полстолетия разведчик, умнейший человек в органах госбезопасности, написавший целую книгу

афоризмов и одни сутки исполнявший пост председателя КГБ СССР в лихое время девяностых, генерал-лейтенант Леонид Шебаршин скажет по этому поводу»: «В демократическом обществе правда и ложь имеют одинаковые права».

Полковой разведчик

*В разведслужбе средства
оправдываются результатом.*

Джон Ле Карре

Эта история из далеких 1950-х годов. Пришедший солдат с фронта в звании старшего сержанта обосновался в маленьком городке Сарны рядом с большой узловой железнодорожной станцией, что на украинском Полесье. Кстати, в этом лесистом крае полещуков с топкими болотами, обширными торфяниками и малярийными комарами жил и работал некоторое время русский писатель Александр Иванович Куприн. Здесь родился и замысел повести «Олеся», который он довольно-таки быстро реализовал, написав произведение, принесшее писателю славу, а полесскому захолустью известность.

Сюжет повести взят из реальной жизни, подтверждением тому является встреча автора почти через сто лет с далеким потомком — прапраправнучкой... той настоящей Олеси, жившей в одном из сел близ населенного пункта Степань.

Но это другая история, описанная мною в одной из книг...

Автор же решил разбудить воспоминания по теме настоящей книги. Так вот остановился солдат по соседству с нашим домом и стал искать приложение своим силам. Обратился к моему отцу — машинисту-инструктору железнодорожного депо. Разговорились — приглянулся боец силой физической, жизненным подходом, не балагурной, а дельной общительностью, и предложил отец ему место кочегара товарного

паровоза ТЭ 45-66, на котором он с бригадой бил всеююзные рекорды по вождению тяжеловесных поездов. Солдат, звали его Владимир Соболев, согласился пойти в такой «экипаж». Скоро он нашел по соседству комнату в покинутом в 1939 году поляками доме. Хозяйкой была местная жительница — украинка. И вдруг однажды он обратился к отцу с неожиданной просьбой:

— Степан Петрович, у вас добротный сараюшка, не разрешите поставить моего коня? — с улыбкой проговорил бывший солдат.

— Кого-кого?..

— Коня, он много места не займет и вдобавок молчалив, корма не попросит, кроме бензина.

— Ставь, какой вопрос, — последовал ответ отца, понявшего, какого коня тот хочет пристроить в его дровяной сарай.

И дядя Володя приволок мощный мотоцикл повышенной проходимости BMW, правда, без коляски. Он часто на нем выезжал на рыбалку, за грибами и так прокатывался по полесскому бездорожью. Мне, подростку, он тоже доверил несколько раз проехать на нем. Какое это было счастье промчаться, ловя ветер глазами, впервые на моторе!!!

Чуть позже бывший боец-победитель пояснил отцу, что прихватил его у немцев в боях под Берлином в качестве трофея и доставил в Сарны. Часто после поездки он заходил к нам отдохнуть, прихватив бутылку «Московской». Запомнились зеленая этикетка на стеклянной посудине и сургучная пробка. Беседы велись на разные темы...

Но вот что уловил острый слух любопытного пацана, желавшего услышать что-либо «про войну», «про фрицев» и «про его подвиги». Отец тоже воевал, но паровозником, отступая эшелонами с личным составом и боевой техникой до Сталинграда и наступая до Сарн,

где железнодорожное начальство оставило его в 1944 году восстанавливать порушенное войной местное локомотивное депо. Фронтовики много чего рассказывали о том «марафоне» длиной в 1418 дней и ночей...

Оказалось, дядя Володя был полковым разведчиком. То, что запомнили еще эластичные извилины в детстве, долго остается в памяти. Это сейчас, в преклонном возрасте, понимаешь весь трагизм положения — только прочитал и уже забыл. Казалось, положил очки на знакомое место, потом ищешь их полдня. А память детская, она цепкая. И хотя в ней каждый из нас художник: каждый творит, рисуя и слагая.

Попытаюсь обойтись без мифотворчества, потому что действительно рассказы старшего сержанта ложились в своеобразную исповедь. Конечно, вчерашний солдат, ведь прошло каких-то 5–7 лет после войны, не говорил, а может, и говорил, в каких полках, дивизиях, армиях и фронтах приходилось служить, где пришлось воевать, но номера и названия тогда не воспринимались, больше хотелось пацану, дитятке войны, получить натуры...

Автору, почти с двадцатилетним стажем оперативного обслуживания центрального аппарата ГРУ, не нужно было искать ответа на вопрос, кто же такой полковой разведчик. Для читателя скажу — это представитель войсковой или тактической разведки. Это та часть военной разведки, которая обеспечивает боевые действия войск в тактическом звене (дивизия, часть и подразделение), находящихся в соприкосновении с противником. Она выявляет данные о боевых возможностях противника, включая его планы и уязвимые места в районе боевых действий.

Любому командиру для успешного ведения боя надо знать дислокацию или позиции полевой артиллерии, сосредоточение танков, зенитных средств, огневые

позиции пулеметов, наблюдательных постов и пунктов управления противника, а также характер и степень инженерного оборудования.

Разведывательные сведения добывались в войну разными путями: опросом местных жителей, допросом плененных и перебежчиков, радиоперехватом, изучением захваченных у противника штабных документов, техники и вооружения.

Способами ведения наземной тактической разведки являлись и являются до сих пор: наблюдение, подслушивание, поиск, налет, засада, допрос, разведка боем.

* * *

Но так случилось, что после окончания чекистского вуза мне довелось служить в конце шестидесятых во Львове, и я мог иногда навещать родителей на Полесье и уже со знанием дела общаться не с кочегаром дядей Володей, а с машинистом паровоза Владимиром Ивановичем Соболевым. Вот некоторые истории, рассказанные фронтовым разведчиком.

— Война застала меня после окончания горного техникума на Урале. Родился я в семье промысловика-охотника, так что с оружием дружил и метко стрелял. Правда, белку в глаз не поражал, но другого зверья помогал добывать отцу.

В сорок первом по мобилизации попал в пехоту. И напрямик в эшелоне в сторону запада. Оказался на Украине. Учебки как таковой не было — передовая учила качественно. Свой первый бой провел под Киевом в качестве стрелка в стрелковом отделении. Палили по вражеской пехоте из окопов винтовками. На танки шли со связками гранат. Отечественных противотанковых ружей еще не было, иногда обходились трофейными.

Командир отделения похвалил меня за меткую стрельбу. Бывало в день и до десятка фрицев укладывал.

Страх божий как не любил ботинки и обмотки. Из-за ненависти к ним попал в разведвзвод стрелкового полка — многие ребята в нем почему-то носили сапоги. Вот там я и нашел свою стихию. А силенок было не занимать. Мог легко и долго ходить — даже в жару ноги не потели и не ныли. Дыхалки хватало и на бег с препятствиями, и с полной выкладкой. Благодаря специфике полкового разведчика как-то быстро усвоил немецкий язык — он нам, окопным добытчикам, нужен был позарез.

Первое задание в разведке помню во всех подробностях. Наша группа из трех человек отправилась по приказу командира полка провести наблюдение за движением танковых колонн противника. Был пасмурный день с низкой облачностью — авиация не работала ни наша, ни немецкая.

Ранним утром мы просочились где-то на стыке двух немецких дивизий — сплошной линии фронта ведь не существовало, как это было в Первую мировую войну — к достаточно высокому взлобку, поросшему ольховым подлеском. Расположились на опушке этого лесочка. Долина внизу просматривалась как на ладони. И вдруг мы услышали дружный танковый хор: загудели моторы, залязгали гусеницы броневых черепах, которые медленно направились по проселочной дороге в сторону небольшого населенного пункта, в обороне которого были задействованы, как выяснилось потом, слабые наши силы, а с позиций стратегических надо было удерживать городок. За этим городком находились неэвакуированные склады ГСМ, вещевого имущества и продовольствия. Выполнив приказ командира взвода разведки стрелкового полка по отслеживанию направления движения танковой колонны, мы

возвратились в окоп. Через некоторое время, примерно часов пять прошло, мы услышали грохот артиллерийской стрельбы — это была крупнокалиберная артиллерия с закрытых огневых позиций.

Нам пояснили позже: наши «боги войны» накрыли «нашу» танковую колонну и расколошматили ее всю. Нам троим выразили благодарность перед строем...

* * *

В войну и немцы, и мы широко использовали для управления войсками на поле боя не только радиосредства, но и телефонную связь. А для нее нужны провода, стоит только подключиться, и слушай, и записывай планы и приказы противника.

Вот в такой вояж меня с группой вместе с переводчиком направили однажды под Сталинград. Лето, даже конец его — август, было не то что жаркое, — а душно-знойное. Как говорится, «бои, бои сегодня, завтра, снова...». Только ночь приносила ожидаемую прохладу. Наши «дневные» разведчики нашли телефонные «жилы», вот с них мы и должны были надоить «информационной кровушки».

— Получилось?

— А как же, мы еле оторвали нашего «немца»-переводчика от проводов. Присосался, как вампир. И все писал и писал в блокнот, ругаясь, когда его отвлекал кто-то по пустякам. Разговаривать мы не имели права — только шепотком и знаками общались. Ушли с места разведки только под утро. Говорили в «окопных курилках», что командир дивизии остался довольным вылазкой разведчиков, потому что сразу по приказу комполка наши подразделения срочно поменяли позиции... Успели. На следующий день на те

места, где мы недавно стояли, обрушились в ходе артподготовки тонны снарядов. А потом пошли и танки с пехотой. Пройдя с десятков километров по пустырям, противник выдохся — тылы не успевали догонять ударную группу, а мы ударили по ней с флангов...

* * *

— Скажите, Владимир Иванович, а доводилось ли вам брать языка?

— О, мил человек, выковырял я их с друзьями из окопных щелей и в их тылах немало. Уже выветрились из памяти цифры, а вот эпизоды подготовки к операциям, тропинки, по которым шли к цели, конкретные планы действий и перепуганные рожи «заарканенных» фрицев стоят перед глазами. Походы за ними оставили мне на память семнадцать дырок на теле от брошенных вдогонку гранат, от коварства минного поля и поножовщины с фрицами в окопах. Персоналка-финка у каждого разведчика была своя. Ее брали на такие вылазки вместо штатного холодного оружия. Умельцы и на войне не переводились и делали их на любой вкус.

Первый язык запомнился особо — первый есть первый! Помню эту ходку в неглубокий немецкий тыл. Задание было четкое — пленить немца из числа артиллеристов. Это было под Оршей. Как раз прибыл неприятельский эшелон с орудиями больших калибров. Командир взвода разведки полка поставил задачу не только разведать их позиции после разгрузки, но и прихватить кого-либо из орудийного расчета. Помню, полыхал июнь сорок четвертого. «Коричневую скотину» мы уже упрямо гнали на Запад. Но немец еще довольно зло огрызался.

Что касается операции, то она удалась. Без особого шума сняли «присевшего в кустах» дородного, почти стокилограммового ефрейтора, которого мы называли не языком, а «язычаром». Быстро «спеленать» его помогли спущенные фрицем брюки, поэтому он не мог быстро подхватиться и убежать.

— Не орал?

— Кляпы всегда были с нами, но мы обошлись его пилоткой.

— А как переходили линию фронта?

— До вечера отлежались в овраге, удалившись на приличное расстояние от места проведения захвата, а ночью доставили живой груз до места назначения — в штаб полка. Много было забавных случаев. Были и неудачи, когда мы зазнавались и легко относились к заповеди разведчика, что среди ненавистных качеств врага не последнее место занимают его достоинства. Фронт — это живая, пульсирующая каждодневно и даже ежечасно кипучая жизнь. А еще я понял, что война не может быть справедливой, потому что воевать справедливо нельзя, даже если воюешь за справедливость. Фюрер тоже орал, что мы воюем несправедливо из-за участия в боевых действиях партизан. На то был, есть и будет на Руси он — всенародный отпор супостату. Только тронь — соберутся все, даже ворчащие вчера на власть, и будут колошматить сообща агрессора, кто в армии, кто в партизанах.

За этот поиск языка меня наградили медалью «За отвагу». Если бы за каждого плененного нами фрица давали по медали — места бы на груди не хватило...

А вообще Соболев медалей не носил, только по колодке-иконостасу на груди я понял, что воевал он доблестно...

* * *

Под Ковелем, что на Западной Украине — в соседней Волынской области, в зиму сорок четвертого группе разведчиков, усиленной взводом автоматчиков, приказали с целью завладения войсковой документацией совершить налет на блиндаж готовящегося к отступлению противника. Отправились ночью по глубокому снегу. Слава богу, луну спрятали тучи. После разгулявшейся днем метели мела поземка, которая, казалось, забиралась под нательное белье, обжигая холодными языками и доставая даже поясницу. Но через полчаса нам стало уже жарко от быстрой ходьбы. А когда подползали к блиндажу, от волнения и физического напряжения страх нарастал, просто мы его удачно обходили. Врут писарчуки о бесстрашии на войне. Каждый боялся нелепой смерти, тем более в конце войны. Часовых мы сняли персональными финками, а когда ворвались в сам блиндаж, то увидели такую картину: офицер и солдат при двух электрических фонарях, подвешенных к потолку накатника, торопливо набивали огромный кожаный портфель, похожий на сумку, какими-то документами, очевидно, штабными. Выходило, что они должны были вот-вот покинуть боевое укрытие. Пришлось солдата оставить «сторожить» блиндаж, а щупленького офицера — обер-лейтенанта и портфель прихватили с собой. За этот налет на немецкий блиндаж, похожий на небольшой штаб, я получил орден Красной Звезды...

* * *

Помню от военных контрразведчиков, как стало известно позже, командование получило данные, что в

конкретном лесистом районе на окраине Луцка немцы готовятся выбросить десант — разведывательно-диверсионную группу. Мы их называли «эрдэгэшками». Нам дали отмашку — готовиться. Когда точно определились с датой и временем выброски небесных гостей, началась скрытая операция по организации засады. Небольшой отряд из военных контрразведчиков и взвода автоматчиков, в который входили и полковые разведчики, расположился в заданном районе. Вскоре послышался далекий гул самолета. Шел он на приличной высоте. Мы его не видели. А потом вдруг отчетливо заметили «мыльные пузыри» — купола парашютов, несущих бандитов к земле. Приземлились все шестеро кучно, почти в круг нашего оцепления. Видать, опытные были диверсанты.

Когда они, после того как погасили и смотали стропы с шелковыми куполами, собрались вместе, из рупора послышалась команда: «Сдавайтесь, бросьте оружие, вы окружены!» Для острастки и предупреждения, что шутить не намерены, мы дали несколько автоматных очередей. Пятеро «красноармейцев», побросав автоматы ППШ в снег, подняли руки, шестой застрелился — видать, был матерый. Захваченных доставили в штаб полка — допрашивали. А потом приехали товарищи из дивизии и забрали у нас диверсантов. Говорили, все они из местных, прошедшие «бандеровский вышкол». После окончания германской разведшколы их выбросили в наш тыл. Судьба предателей мне не известна...

* * *

Это случилось на территории Германии. Война заканчивалась нашим победоносным движением к Берлину. Но немец все еще сопротивлялся с

фанатической жестокостью обреченного. И мне, как и моим фронтовым друзьям, казалось это их поведение глупым, нелогичным, ущербным. Но это были реалии, и с ними приходилось считаться. В одной из больших операций советских войск в районе польско-германской границы наша стрелковая дивизия столкнулась с неизвестностью, по одним данным, против нас стояли крупные силы противника, по другим — была имитация.

Нужна была разведка боем, в котором пришлось участвовать и мне. Действительно, наша боевая группа вышла на небольшой гарнизон, оборонявший этот участок фронта. Основные силы немцы сняли и отвели вглубь Германии для защиты Берлина. Там я получил ранение, не позволяющее действовать в полковой разведке. После легкого прорыва в наступлении в полосе нашего полка оказался склад новых военных мотоциклов. Меня определили в комендатуру и вручили мотоцикл BMW для новой службы. Приходилось мотаться по городкам и весям той части Германии, которая входила в зону ответственности комендатуры. Стальной мустанг так понравился мне, что я попросил у командования взять его в качестве трофея. Документы на него оформили по законам оккупационного времени. Так мотоцикл оказался на Украине в городе Сарны, куда я приехал с корешем из этих мест. Тут и остался и, наверное, останусь навечно.

Так и случилось в начале 1980-х — ушел из жизни полковой разведчик...

Разведчица-радистка

Суровая фронтовая необходимость заставила широко использовать женщин в разведке.

Михаил Болтунов

Эти слова принадлежат автору книги «Невидимое оружие ГРУ» Михаилу Болтунову, глубоко и всесторонне осветившему роль и значение разведчиков-радистов. Во время Великой Отечественной войны они работали после заброски в тылах противника. Среди них в школах младших радиоспециалистов (ШМР) проходили учебу много девушек-патриоток. Так, только одна Горьковская ШМР за годы войны подготовила пять тысяч разведчиков-радистов, более половины из них были женщинами. Разве после этого можно поверить бытующему мнению, что разведка — это не женское дело. Разведчицы-радистки в одинаковой степени были востребованы военной разведкой, органами госбезопасности и партизанскими отрядами.

Нужно отметить, что службу спецрадиосвязи ГРУ прославили два Героя Советского Союза. И обе — женщины: Анна Морозова и Леэн Кульман. Об одной из них, Анне Афанасьевне Морозовой, советской разведчице, руководителе интернациональной подпольной организации, радистке в годы Великой Отечественной войны и пойдет далее речь.

Много интересных фактов о войсковой разведке рассказывал автору во время совместной службы начальник 5-го Управления ГРУ, фронтовик, генерал-лейтенант Константин Никитович Ткаченко. Он начал работу в системе военной разведки с июня 1942 года в

качестве помощника начальника штаба 1111-го стрелкового полка по разведке. Закончил войну помощником начальника 1-го отделения Разведотдела штаба 2-го Белорусского фронта. Он много знал о деятельности нашей героини. По некоторым вопросам к нему обращались за консультациями и создатели советского четырехсерийного телевизионного фильма режиссера Сергея Колосова «Вызываем огонь на себя» (1965).

* * *

Анна Морозова родилась в 1921 году в деревне Поляны Мосальского уезда Калужской губернии в крестьянской семье. Позже они переехали в поселок Сеща Дубровского района Брянской области. Окончив восемь классов сещинской средней школы и курсы бухгалтеров, она устроилась по своей специальности в местную авиационную часть. На военном аэродроме в Сещи базировались 9-я тяжелобомбардировочная бригада, а также 130-й бомбардировочный авиационный полк.

Последние взлеты советские самолеты здесь провели летом 1941 года. Потом началось труднообъяснимое отступление РККА. Свято место пусто не бывает. Вчерашний советский военный аэродром заняли стервятники Геринга. После немецко-фашистской оккупации это место облюбовали асы люфтваффе, превратив его в авиабазу 1-й авиационной эскадры 2-го воздушного флота ВВС Третьего рейха под командованием генерал-фельдмаршала Кессельринга. На аэродроме находилось до 300 немецких бомбардировщиков, вылетающих на бомбежку Москвы, Горького, Ярославля, Саратова и других городов. Надо

было помогать семье — она устроилась прачкой в местную авиабазу.

Происходящая жизнь во вражеском гарнизоне, естественно, интересовала советское командование. Вокруг массово создавались партизанские отряды. Существовал такой отряд и в окружении Сеци, превратившийся скоро в 1-ю Клетнянскую партизанскую бригаду под командованием Федора Семеновича Данчикова.

Военная разведка, понимая важность немецкого авиа-объекта в Сеци, вышла на лейтенанта Красной армии Константина Поварова, который благополучно вырвался из окружения и возвратился на малую родину. Местный подпольщик Николай Никишов, оставленный райкомом партии для работы против оккупантов, назначил Константина резидентом с целью внедрения его в местную полицию. Вскоре в подпольной организации уже работали Аня Морозова, Паша Бакутина, Люся Сенчилина, Лида Корнеева. Им помогали поляки, мобилизованные в немецкую армию: Ян Тима, Стефан Гаркевич, Вацлав Мессьяш, Ян Маньковский, чехи — Венделин Рогличка и Герн Губерт. Эта подпольная интернациональная организация входила в состав партизанской бригады.

После гибели Константина Поварова резидентом стала Анна Морозова с позывным «Резеда». Продолжилась опасная тайная работа подпольщиков против немецкого засилья в Сеци. Вот одно из донесений в вышестоящий штаб партизанского движения командования 1-й Клетнянской бригады народных мстителей:

«К апрелю 1942 года сещинская группа превратилась в интернациональное подполье, так как в его состав вошли кроме советских граждан поляки, чехи и один румын. Подпольщики Сеци кроме разведданных, присылаемых почти ежедневно в

бригаду, проводили большую диверсионную работу. Получив из бригады магнитные мины, они заминировали и взорвали двадцать самолетов, шесть железнодорожных эшелонов, два склада с боеприпасами».

В период Курской битвы на таких минах, поставленных разведчиками Анны Морозовой, в воздухе взорвались 16 самолетов. После таких взрывов насторожилось гестапо. Карательный орган заинтересовали катастрофы в воздухе «по неустановленным причинам». Скоро прокатилась волна арестов. В застенки фашистской охраны попали Ян Маньковский и Мотя Ерохина. Они погибли, никого не выдав. Удалось обмануть полицаев, прибывших их арестовать, и сбежать Яну Тиме и Стефану Гаркевичу, которые скоро были переправлены в партизанское соединение.

Это было во время Сталинградской битвы. Они таким образом помогли защитникам волжской твердыни. С другой стороны, получив точные координаты стоянок прилетевших новых самолетов Фокке-Вульф-190 и Юнкере Ju-87 наши бомбардировщики нанесли прицельное бомбометание по аэродрому.

Однажды чех Рогличка сообщил, что летчики и техники люфтваффе решили красиво отдохнуть на природе в районе живописного села Сергеевка. Данные об этом заманчивом случае в тот же день были переданы партизанам. Отдыха у немцев не получилось. Именно на основании разведданных «Резеды» и ее группы 17 июня 1942 года партизаны в ходе неожиданного наскока уничтожили около 200 человек летного состава и 38 автомашин. Через несколько дней подпольщики похитили образец нового противогАЗа вермахта, который через партизан был отправлен в Москву...

В сентябре 1943 года Сещу вместе с партизанами освободила Красная армия. Интернациональное подполье завершило свою работу. Аня Морозова осталась в поселке, устроившись бухгалтером в строительной конторе. Отец ушел на фронт. Кроме Ани в семье оставались еще четверо детей и больная мать — нужна была помощь. Неожиданно Морозову вызвали в штаб 10-й армии. Оказалось — для вручения ей медали «За отвагу».

По обстановке в Сещи во время немецкой оккупации с нею и другими подпольщиками обстоятельно беседовали оперативные сотрудники ОКР Смерш 10-й армии. В результате этой встречи и бесед с населением поселка были установлены и задержаны активные пособники фашистов.

Разведотдел армии предложил Ане вступить в армию и поехать учиться в школу разведчиков-радиостов. Это были курсы радиостов в разведшколе Разведывательного управления Генштаба Красной армии, которые она окончила в июне 1944 года. Здесь Аня встретила своих боевых друзей — командира группы Ивана Косырева, Люсю Сенчилину и Пашу Бакутину.

Из личного дела Морозовой:

«Товарищ Морозова имеет в прошлом большой опыт работы на оккупированной территории и по своим деловым и политическим качествам может быть направлена в тыл противника...»

При наличии документов сможет проживать легально на территории, оккупированной немцами...»

Она, как боец Разведывательно-диверсионной группы (РДГ) «Джек», была заброшена на территорию Восточной Пруссии под псевдонимом «Лебедь». Так Аня стала разведчицей-радиосткой РДГ «Джек», которую возглавил капитан Павел Крылатых.

В одной из бесед знакомый автора генерал-майор Виталий Александрович Никольский, написавший вскоре книгу «ГРУ в годы Великой Отечественной войны. Герои невидимого фронта», рассказывал, что в 1944 году наши многочисленные РДГ, партизанские отряды, находившиеся в немецком подполье, начали выходить из тыла противника. Мы тогда тесно работали с отделами контрразведки Смерш, потому что выходом народных мстителей в освобожденные районы начали пользоваться бывшие изменники — власовцы, полицейские, всевозможные старосты и бургомистры, агенты противника.

Они зачастую под видом партизан нападали на своих бывших хозяев. Чтобы как-то продемонстрировать свою лояльность к советской власти, примыкали к партизанам, где не всегда имелись возможности проверить этих людей должным образом в силу отсутствия контрразведывательного обеспечения. В последующем некоторым из таких лже-партизан удавалось замести следы своих злодеяний и прожить рядом с нами много лет.

В Восточной Пруссии хорошо налаженная немецкая система оповещения не давала шанса разведчикам выжить в окультуренных прусских лесопосадках. Многие погибали именно здесь...

Из спецархива ГРУ Генерального штаба:

Морозова Анна Афанасьевна, Герой Советского Союза.

«К разведработе привлечена в мае 1942 года. С этого времени до сентября 1943 года являлась организатором сещинской подпольной организации.

За этот период сама лично и с помощью членов своей организации добывала устные сведения о расположении воинских частей в районе Сечи и данные о сещанском аэродроме.

Одновременно с мая 1943 года оказывала помощь партизанскому отряду под командованием Ф.С. Данченкова...

27 июля 1944 года десантировалась в составе группы «Джек» над Восточной Пруссией...

Погибла 31 декабря 1944 года в бою на хуторе Нова-Весь, попав в окружение. Получив тяжелое ранение, отстреливалась до последнего патрона и, чтобы не попасть в плен, подорвала себя и двух приближавшихся к ней эсэсовцев последней гранатой...»

Анна похоронена в населенном пункте Градзаново-Костельное, в 34 км от польского города Млавы. По рассказам очевидцев, побывавших в Польше, могильная плита из черного камня с ее портретом с эпитафией на русском и польском языках ухожена и содержится в полном порядке.

Три ли лица у Рихарда Зорге?

К бойцам невидимого фронта слава приходит с большим опозданием, судьба самого известного советского разведчика Рихарда Зорге тому подтверждение.

Михаил Дмитриев

Рихард Зорге оставил много вопросов исследователям его тайного «творчества». Что это за явление — удачный выбор военной разведки или господин случай? Был ли он в одном лице или их было несколько? Его провал был связан с личной неосторожностью или ошибками в руководстве резидентурой со стороны Центра? Действительно ли у него было три лица?..

Вопросы, вопросы, вопросы, на которые автор попытается ответить в силу своей осведомленности о деятельности агента (псевдоним «Рамзай»), ставшего резидентом Разведывательного управления Генштаба РККА в Японии.

Рихард Зорге родился 4 октября 1898 году в Баку в семье немецкого инженера Адольфа Зорге. Его мать была россиянка — Нина Степановна Кобелева. В конце XIX века многодетная семья (9 детей. — Авт.) уехала из России в Германию и поселились в пригороде Берлина. В 1914 году Рихард добровольно вступил в Германскую имперскую армию и принял участие в Первой мировой войне, где был трижды ранен, оставшись хромым на всю жизнь. За проявленную храбрость на войне удостоился Железного креста II степени.

После окончания факультета политологии Гамбургского университета он вскоре успешно защитил

диссертацию и получил степень доктора социологии. В 1919 году молодой ученый сблизился с немецкими коммунистами и вступил в Компартию Германии. После разгрома Баварской красной республики и усиления правых сил в 1924 году он уехал в Россию, принял советское гражданство и стал работать в Коминтерне. Именно в это время, а точнее в ноябре 1929 года, молодой коммунист был завербован представителями военной разведки СССР. Работал под непосредственным руководством Яна Карловича Берзина и Семена Петровича Урицкого.

В этом же году у него состоялась первая заграничная командировка в Англию и Ирландию для встречи с одним из офицеров британской разведки МИ-6. Первая жена Рихарда Зорге Кристина Герлах подтвердила спустя много лет, что он действительно встречался с каким-то важным агентом. В Москве он познакомился с Екатериной Александровной Максимовой, впоследствии ставшей его женой.

С 1930 года работал в Китае как корреспондент влиятельных немецких газет «Бёрзен курьер» и «Франкфуртер цай-тунг» и нескольких американских изданий. Через два года «корреспондент» получил официальное разрешение советской военной разведки «работать» и на немцев. Перед поездкой в Японию он посетил Францию и США тоже с профессиональными миссиями по новой службе.

В 1933 году он уже в Японии в качестве корреспондента еще нескольких германских газет, таких как «Берлинер бёрзен курьер», «Теглихерундшау», «Дойчефольксшвиг», «Геополитик» и голландской газеты «Алхемееен хандельс-блат». В Токио его считали убежденным нацистом, чуть ли не сотрудником абвера. Спецслужбы Страны восходящего солнца считали его тайным сотрудником спецслужб США. Итак, один в трех лицах. Это подозрение у

самураев возникло после письменного утверждения Рихарда Зорге о том, что судьба Тихоокеанского региона не зависит от исхода противостояния между СССР и Японией. По его мнению, «в будущем США займут место Великобритании в качестве господствующей державы в Тихом океане».

Волна репрессий 1937 года не обошла Разведуправление Генштаба, как и его зарубежную агентуру. Во второй половине 1937 года «Рамзай» получает шифровку прибыть в Москву. Но за резидентуру Зорге в Японии вступился и. о. начальника РУ С.Г. Гендин, недавно еще работавший в системе НКВД. Резидентура сохранилась, но уже с сомнительными ярлыками: «попала под вражеское влияние», «политически неполноценная», «вероятно, вскрытая противником и работающая под его контролем».

В 1938 году Зорге разбился на мотоцикле фирмы «Цун-дап». Бывший сотрудник немецкого посольства Ханс-Отто Мейснер называл его обаятельным и немного беспутным журналистом, хорошим собутыльником и покорителем женских сердец. К счастью, Рихард во время аварии потерял сознание только после того, как передал секретные материалы и деньги Макс Клаузену, прибывшему на место ДТП по вызову коллеги.

Какие же стратегические данные от «Рамзая» получила советская военная разведка? Одной из самых больших побед Зорге было установление вероятной даты вторжения фашистов в СССР и определение точного числа немецких дивизий, сосредоточенных у советских границ для нападения на Советский Союз.

Второй его заслугой было получение достоверной информации от военного атташе, вскоре ставшего германским послом в Токио Эйгена Отто, что Япония до конца 1941-го и начала 1942 года не выступит против Советской России. Это позволило Сталину перебросить с

Дальнего Востока на Западный фронт 26 хорошо обученных и прекрасно экипированных так называемых сибирских дивизий. Они сыграли первую скрипку в победной битве под Москвой и в сражениях конца сорок первого и начала сорок второго годов.

Третьим важным донесением, отправленным в начале октября 1941 года в Москву, было то, что военные действия между Японией и США должны начаться к концу года и императорская армия готовит нападение на американскую базу в Перл-Харборе. Зорге понимал, что главные задачи его резидентуры в Японии решены. С 1937 года он несколько раз посылал телеграммы в Центр с просьбой о его замене. В Центр должна была улететь подготовленная шифровка с таким текстом:

«Наша миссия в Японии выполнена. Войны между Японией и СССР удалось избежать. Верните нас в Москву или направьте в Германию».

Готов был пойти навстречу Зорге и новый начальник РУ Генштаба генерал-лейтенант И.И. Проскуров. Но подобрать замену резиденту так и не удалось, и он продолжал работать.

После того как Ойген Отт стал германским послом, Зорге получил место пресс-секретаря посольства. Он готовил информационные материалы для разведки Германии о политике Японии. Но, увы, послание Зорге не удалось отправить. По одной из версий, знакомая артистка кабаре оказалась агентом японской контрразведки. Она и выдала Рихарда как советского агента местным властям.

По другой версии, японская радиоразведка начиная с 1937 года четко в ходе пеленгации установила практически все радиоточки, но не смогла расшифровать тексты радиোগрамм. И только после ареста радиста-шифровальщика Макса Клаузена, не выдержавшего пыток, сотрудникам тайной полиции

стали известны почти все члены резидентуры, а потом начались и массовые задержания. По местам проживания разведчиков в отелях и на квартирах обнаружилась масса компромата, в том числе и ключи для раскодирования полученных оперативных телеграмм и шифрования отправляемых. По делу было арестовано 35, привлечено к суду 17 человек

18 октября 1941 года Рихарда Зорге и его помощников арестовала японская контрразведка. Советского резидента допрашивал судья Кадзую Накамура аж до 15 декабря 1942 года. Показания Зорге о работе в Японии его резидентуры, связанной с Коминтерном, позволили японским спецслужбам провести операции по компрометации местных коммунистов и разгрому коммунистической партии Японии.

И только через год — в декабре сорок третьего были вынесены приговоры. Император Хирохито оценил разгром советской нелегальной резидентуры как «огромную удачу». За успешное проведение разработки советской агентуры в Японии высшие ордена получили 32 сотрудника тайной полиции.

7 ноября 1944 года в 10.20 утра в тюрьме Сугамо Рихард Зорге был казнен. Перед тем как подойти к виселице, он, не зная японского языка, отчетливо выкрикнул по-японски: «Красная армия!», «Коминтерн!», «Советская компартия!»

По другим данным, в 2004 году в Японии были обнаружены и опубликованы газетой «Асахи» документы с описанием казни советского разведчика Рихарда Зорге и его ближайшего помощника Хоцуми Одзаки. В них отражен один эпизод, характеризующий железные нервы Зорге. Начальник тюрьмы Итидзима в изоляторе, в котором находилась камера для казни, спросил его: «Хотите ли вы еще что-то сказать?»

— Нет, ничего, — последовал ответ.

Потом Рихард повернулся к присутствовавшим тюремщикам и спокойно произнес: «Я благодарю вас за вашу доброту». После этого он зашел в камеру смерти...

Похоронен наш разведчик во дворе тюрьмы Сугамо. В 1967 году его останки перезахоронены с воинскими почестями американскими оккупационными властями на кладбище Тама в Токио. Помогла в перезахоронении Зорге его японская гражданская жена Исии Ханакко, с которой Рихард познакомился в Токио. Говорят, это она обнаружила и опознала останки Зорге по следам от трех ранений на ногах, очкам, пряжке на поясе, золотым коронкам. Урну с его прахом она хранила у себя дома до 8 ноября 1950 года. Исии Ханакко написала о Рихарде Зорге три книги, первая из которых вышла в 1949 году.

Уже упоминаемый выше военный разведчик-резидент Леопольд Треппер, находясь в лубянской тюрьме при общении с японским генералом Томинага Кёдзи выяснил, с его слов, что японская сторона предлагала Сталину обменять Зорге на провалившегося «посланца» Токио в Москве, но Сталин не пошел на обмен. Однако эта информация пахнет хрущевской местью вождю, и не больше.

Говоря о третьем лице Зорге, уместно напомнить, что японцы не казнили разведчиков тех стран, с которым в данный момент не воевали. Зорге же на допросах не скрывал своей принадлежности к советской разведке. Поэтому логично предположить, что казнили его за сведения, переданные американцам, которые воевали с японцами.

Как писал Михаил Дмитриев в журнале «Загадки истории» в № 10 за 2018 год, «конечно, даже являясь «двойным агентом», Зорге был прежде всего агентом советским и помогал США только потому, что считал это полезным для победы над фашизмом. Однако подобная самодеятельность не понравилась его московским

кураторам. Их гнев на слишком независимого агента объясняет многие вроде бы нелогичные вещи и главное — отказ советской стороны обменять Зорге на пойманного японского шпиона. А их ловили чекисты пачками, особенно на Дальнем Востоке...»

* * *

Почему Сталин не особо верил Зорге? На этот вопрос могут ответить только открытые источники — материалы на «Рамзая» засекречены до сих пор. Дело в том, что Зорге получал различную информацию от германского посла в Токио Ойгена Отта, а также от морского и военного атташе.

В марте сорок первого Зорге сообщает в Центр, что нападение Германии на Советский Союз начнется после окончания войны с Англией. А в мае он отправляет сообщение в Москву, что Гитлер запланировал войну с СССР в конце месяца. И тут же появляются оговорки: «... в этом году опасность может и миновать» и «либо после войны с Англией».

Кончился май — войны не наступило. Он шлет новую шифровку: «Война начнется в первой половине июня». Два дня спустя уточняет дату — 15 июня». После того как прошел тихо и этот срок, «Рамзай» докладывает, что война задерживается до конца июня. 20 июня он шлет новую шифровку, в которой не сообщает никаких дат, а только заверяет Центр, что война обязательно начнется.

Внешняя разведка располагала данными, что еще 15 февраля 1941 года фельдмаршал Кейтель подписал директиву о дезинформации советского военного командования относительно войны с Советским Союзом. А письмо Гитлера от 14 мая Сталину, успокоившее советского руководителя относительно агрессивных

помыслов Третьего рейха, разве не повлияло на ход мыслей вождя? Ведь в этом послании он прямо указал, что готовится расправиться с Англией. Поэтому не до конца было ясно, будет ли Германия вести войну против нас в одиночку или в коалиции с кем-либо. Даже количество немецких дивизий давалось неточно, тем более танковые соединения Гитлер перебросил к границам СССР буквально за двое суток перед нападением. Вот отсюда и разнбой в оценках сил вермахта и сроках нападения.

В период хрущевского «насморка» ходила байка, сварганенная в угоду главному ненавистнику Сталина, новому хозяину Кремля, что Зорге назвал точную дату нападения Германии на СССР — 22 июня. Но это при всем уважении к Рихарду Зорге настоящая фальшивка, появившаяся в хрущевские времена.

5 ноября 1964 года Рихарду Зорге присвоили звание Героя Советского Союза (посмертно). Руководители Советского Союза почти двадцать лет не признавали Зорге своим агентом. И только после выхода фильма французского кинорежиссера Ива Чампи «Кто вы, доктор Зорге?», созданного по мотивам книги бывшего нацистского дипломата Ганса-Отто Мейснера «Человек с тремя лицами», начался процесс постепенного признания заслуг советского патриота и разведчика «Рамзая».

Эпоха 60-х годов XX века требовала новых героев. Одним из них был Рихард Зорге, которого описали и разрисовали разными красками в СССР, ФРГ, Франции и США в соответствии с господствующими там идеологиями. А ведь он был ярким человеком, а не куклой. Он жил в сложное время. Нередко оно становилось страшным. В нем варились многие наши герои, не вписывающиеся в рамки с парадными портретами. Слишком много незаслуженно черной краски оказалось на их лицах.

Сегодня о Рихарде Зорге написаны книги, статьи, воспоминания и поставлены фильмы. Вот уж действительно, к бойцам невидимого фронта слава приходит с большим запозданием, а бывает, и вовсе не заявляет о себе. А в отношении трех лиц Рихарда Зорге можно с уверенностью сказать — у него было одно лицо — советского военного разведчика!

Легендарная «Мэйси»

*Не бывает безвыходных ситуаций,
бывают только безвыходные люди.*

Андрей Табаков

Да пусть простит меня читатель. Начну с тривиальной мысли — героями не рождаются. Они штучного происхождения и появляются на свет божий благодаря воспитанию и обстоятельствам. Одни говорят — несчастна та страна, у которой нет героев, другие утверждают — несчастна та страна, которая нуждается в героях.

Ромен Роллан же пришел к пониманию, что герой делает то, что можно сделать, Другие этого не делают. В 1990-е годы — годы всероссийского позора либеральная шушера горлопанила: «Патриотизм — убежище негодяев!» Тогда в моде были крикливые благоглупости типа когда война кончается, из укрытий вылезают герои или каждый герой в конце концов становится занудой. Сегодня это стадо приумолкло, видя, что страна стоит на пороге такой войны, в которой в золу могут превратиться и планета Земля, и все человечество по вине воинствующих англосаксов и их подпевал — ненавистников России. Именно США и Англия, бывшие наши союзники по Второй мировой войне, были готовы после победного 1945 года несколько раз нанести ядерные удары по Советской России, и только наличие ракетно-ядерного щита и меча отрезвило горячие головы ястребов из янки и томми.

Именно на пике холодной войны на горизонте появилась советская патриотка, которая согласилась вступить в тайную борьбу с новым подлым

противником, глашатаем американской «демократии», после прививок которой умирали страны и гибли миллионы ни в чем не повинных людей. Ее имя — Мария Дмитриевна Доброва.

Родилась в 1907 году в Минске в рабочей семье, русская, девичья фамилия Суковкина. Анри Барбюс писал, что в России он увидел народ, умеющий мыслить. И именно в России скорее, чем в какой-либо другой стране, суждено в наши дни появиться великим откровениям как в смысле практических преобразований, так и в области мысли.

Как писал Игорь Дамаскин в своей книге «Разведчицы и шпионки» в главе «Шаг в пустоту», с юности Мария Доброва проявила необычные способности к языкам. Легко овладела английским и французским и, получив музыкальное образование, стала выступать на профессиональной сцене.

Ей, как талантливой певице, прочили блестящее будущее. Брак с любимым человеком, рождение сына, казалось, ее ждет безоблачная и счастливая жизнь. Но все рухнуло в течение нескольких месяцев: заболевает и умирает муж, а вслед за ним и ребенок. От горя и психологического удара она теряет голос.

Вскоре начинается война в Испании. Мария рвется туда и добивается своего: в 1937-1938 годах она в качестве добровольца участвует в войне. Вернувшись, учится и работает переводчицей.

Но с началом Отечественной войны идет работать простой санитаркой в ленинградский госпиталь. Иногда тихонько поет, а вернее, сиплым голосом рассказывает раненым любимые песни. Знакомый режиссер, услышав об этом, положил ее историю в основу фильма «Актриса».

Окончилась война. Мария возвратилась к любимому делу — языкам и несколько лет проработала

референтом-пере-водчиком в посольстве СССР в Колумбии.

Вернувшись в Ленинград, она защитила диссертацию на степень кандидата философских наук. Ей в то время было уже 44 года. И вдруг Марии предложили работу в военной разведке. В пользу этого говорили: знание языков, опыт работы за рубежом, умение применяться и приноравливаться к любой обстановке. Мария дала согласие... После окончания курсов она получила легенду, иностранный паспорт, новое имя — Глен Марреро Подцески и, естественно, псевдоним — «Мэйси».

Вскоре американка Подцески, сменив несколько паспортов, через Вену добралась до Парижа. Там ей предстояло овладеть новой профессией. Она поступила в институт косметики Пьеторо и успешно закончила его. Получив диплом, вернулась в Москву, где завершила подготовку к работе в Соединенных Штатах.

В начале 1954 года в Нью-Йорке появилась гражданка США Глен Марреро Подцески, вдова, собирающаяся открыть на небольшие сбережения, оставшиеся после смерти мужа, косметический кабинет.

В июле того же года состоялась встреча с ее новым руководителем, резидентом Френсисом.

— В ближайшие два-три года оперативными делами не занимайтесь, — говорил он. — Ваша основная задача — прочная легализация в Нью-Йорке. Следует по свидетельству о рождении получить настоящий американский заграничный паспорт и американский диплом косметолога, так как французский диплом здесь недействителен, хотя и может служить хорошей рекомендацией для обучения в США.

Изучите юридические, финансовые и налоговые условия открытия собственного бизнеса. Центр обеспечит оплату учебы. Ведите обычный светский

образ жизни женщины, сохранившей деньги после смерти богатого мужа. Чаще бывайте в престижных салонах красоты, где заводите знакомства с женами солидных деловых людей и политических деятелей, особенно с теми, кто впоследствии может стать вашими клиентами и представлять интерес для нас. Но своим поведением вы не должны вызывать ни малейшего подозрения.

«Мэйси» добросовестно и умело выполнила все указания. В ноябре 1956 года она получила американский диплом и лицензию на открытие салона. Вскоре в одной из нью-йоркских газет, в трех номерах подряд, появилось рекламное объявление об открытии нового салона. Троекратное повторение означало, что у нее все в порядке и она приступила к работе.

Надо отметить, что «Мэйси» сама оказалась талантливым косметологом и не поскупилась на то, чтобы нанять двух-трех первоклассных специалистов. Салон, носивший название «Глене Визитинг Бьюти Сервис», был оснащен дорогим оборудованием и соответствовал самым современным стандартам. Денег на успешную легализацию своего агента Центр не жалел.

Место расположения, качество обслуживания, высокие цены и желательность рекомендаций для посетительниц сделали его посещение делом престижа и создали нечто вроде женского клуба для дам из нью-йоркского истеблишмента. Статную, женственную и всегда элегантную миссис Подцески они считали женщиной своего круга, достойной уважения и откровенности. Слушая разговоры клиенток, лично обслуживая какую-нибудь высокопоставленную леди или сидя с ней за чашечкой кофе, «Мэйси» получала интересную, иной раз очень важную разведывательную информацию.

В одном из документов, оценивающих работу «Мэйси», говорилось:

«...Источниками были жены политических деятелей, военных, журналистов и бизнесменов. Информация, получаемая «Мэйси» в женских разговорах во время обслуживания клиентов, часто подтверждала, а иногда и утверждала данные, добываемые по другим каналам военной разведки...»

Важной оказалась информация «Мэйси» о подготовке США к первому официальному визиту Н.С. Хрущева в 1959 году, в частности, о пределах уступок, на которые может идти американская сторона в ходе переговоров. А также о тех требованиях, на которых она будет стоять до конца, невзирая на возможные конфликты.

Надо сказать, что вопросами охраны и безопасности этого визита советского лидера в США занимался непосредственно П.И. Ивашутин как первый заместитель председателя КГБ. Еще более ценной была ее информация, поступившая осенью 1962 года, в период Кубинского кризиса, которая сыграла не последнюю роль в решении советского правительства убрать ракеты с Кубы.

Но еще до этого, в июне 1961 года, «Мэйси» сообщила, что ею интересуется налоговая инспекция Нью-Йорка. Это был тревожный сигнал, — ведь под видом налоговой инспекции вполне могло выступать ФБР. Она попросила разрешения срочно выехать на родину. По указанию Центра Френсис проверил положение разведчицы и установил, что особых оснований для беспокойства нет: «Мэйси» действительно проверялась налоговой инспекцией за то, что по незнанию законов допустила ошибку в уплате налогов за 1960 год. Разведчицу-нелегала успокоили и дали указание продолжать работу.

Френсис, закончив срок командировки, вернулся домой...

* * *

После отъезда прежнего руководителя «Мэйси» попала в подчинение другой резидентуры, руководимой, как потом выяснилось, шпионом и изменником Дмитрием Поляковым. Над ней нависла угроза разоблачения и провала.

Американская контрразведка в буквальном смысле обложила «Мэйси» со всех сторон. Вскоре был задержан и выдворен из страны полковник Маслов, ее оперативный работник, обладавший дипломатическим иммунитетом, которому при задержании американцы показали фотографию его встречи с «Мэйси». После этого Мария получила приказ немедленно покинуть страну. Это было в 1963 году. Она выполнила приказ незамедлительно, направившись из Нью-Йорка через Чикаго в Канаду. О ее маршруте знал предатель — полковник Поляков. В Канаде она так и не появилась. Упорные поиски продолжались до 1967 года, но безуспешно.

Решая двойную задачу — замаскировать деятельность Полякова и посмертно дезавуировать «Мэйси» как разведчицу и как человека, ФБР пошло на несколько дезинформационных ходов.

В 1975 году в одной из нью-йоркских газет появилась заметка о советской «шпионке-нелегале», работавшей в США в 50-х- начале 60-х годов. Сообщалось, что американской контрразведке удалось перевербовать ее. Она якобы сотрудничала с ФБР около двух лет, но, не выдержав душевного напряжения, покончила с собой.

В 1979 году вышли в свет мемуары С. Салливана — бывшего заместителя директора ФБР. Вот что в них, в частности, говорилось:

«Мне памятно одно дело, связанное с агентом-женщиной, действовавшей в Нью-Йорке в начале 60-х годов. Ее прикрытием была работа косметологом. Сотрудники нью-йоркского отделения были убеждены в том, что она работает на русских, однако не могли разоблачить ее, применяя традиционные методы. Нам удалось получить согласие Гувера, и я приказал сотрудникам в Нью-Йорке похитить ее из квартиры, где она проживала, и привезти на конспиративную виллу, расположенную в пригородном районе.

Сначала она утверждала, что является американской гражданкой и располагает документами, подтверждающими это. Официально заявила, что намерена обратиться с жалобой в полицию. Однако наши сотрудники не позволили ей покинуть виллу. Они находились при ней день и ночь: задавали вопросы, предоставляли ей доказательства ее виновности, вынуждали ее сделать признание. Наконец она убедилась, что сотрудники ФБР действительно располагают против нее серьезными уликами, во всем призналась и рассказала правду.

Она была подполковником ГРУ — советской военной разведки — и дала согласие работать у нас в качестве агента-двойника. Мы разрешили ей вернуться домой в Бруклин (Нью-Йорк).

В течение многих месяцев мы поддерживали с ней связь ежедневно. Однажды, когда один из наших агентов попытался связаться с ней по телефону, дома никого не оказалось. Ее не было и на работе. Тогда он позвонил мне.

«Единственное, что мы можем сделать, — сказал я, — это проникнуть в ее квартиру».

Я сразу же позвонил Гуверу, чтобы получить согласие на эту операцию. К моему удивлению, он моментально согласился. Наши сотрудники проникли в квартиру, обнаружили ее там, но она была уже мертва. Она оставила записку для агентов, написанную в простой и вежливой форме, в которой благодарила их за корректное отношение к ней и объясняла, что у нее не было больше сил играть роль агента-двойника; что она занимала высокое положение среди женщин — сотрудниц советской разведки и гордилась этим. Она знала, что в том случае, если она вернется в Россию, не выдержит допроса, подобного тому, которому мы ее подвергли, и расскажет о своем сотрудничестве с нами.

«У меня нет иного выбора, и я его делаю», — писала она в записке, и почерк ее слабел с каждым словом. Ее записка оборвалась на полуслове, перо прочертило линию до конца листа бумаги, ручка лежала на полу.

Сотрудники ФБР обыскали ее квартиру и изъяли находившиеся там коды, фальшивые документы, в том числе и паспорт, большую сумму в валюте, которая была передана нами министерству финансов.

Затем один из моих сотрудников позвонил в полицию, назвавшись жителем этого дома, который якобы не видел ее уже несколько дней и начал «испытывать беспокойство». Полиция обнаружила ее тело, и так как оно не было востребовано, ее похоронили на кладбище «Поттерс-филд».

Автор, принимавший участие в разоблачении «крота» Полякова в ГРУ, доросшего до генеральского звания, считает, что это была умышленная дезинформация спецслужбы. На следствии, а потом и на суде агент ЦРУ многое рассказал по поводу этого предательства.

«Селливановское признание» было от начала до конца элементарной ложью.

Во-первых, Доброва была не подполковник, а капитан.

Во-вторых, она успела сжечь шифры и коды.

В-третьих, ее не могли арестовать в квартире, так как Марию нашли на проезжей части выбросившейся из окна гостиницы...

* * *

А было так: отъезд «Мэйси» оказался настолько поспешным, что ни о каком солидном легендировании не могло быть и речи. Единственное, что она успела сделать, — предупредила свою помощницу по салону, что направляется на «длинный уик-энд» в Атлантик-Сити. Намекнула, что у нее есть «друг», с которым она намерена провести несколько дней, и чтобы не волновались, если она немного задержится. Тщательно просмотрела все оставшиеся дома вещи — нет ли каких-нибудь улик, сожгла все свои заметки.

Выйдя из дома, она тщательно проверила — нет ли хвоста. Все было спокойно. Машину оставила в гараже. На автобусе и метро добралась до вокзала, а оттуда на ночном экспрессе — до Чикаго. Она не знала, что там, на перроне, ее уже ждут сотрудники наружного наблюдения.

На такси поехала в отель «Мэйфлауер» в центре города. Там, чтобы не светиться, решила провести весь день, а вечером снова на поезде выехать в Канаду. В номере было душно: старая гостиница еще не была оборудована кондиционерами. Мария подняла фрамугу окна и выглянула вниз. С высоты двенадцатого этажа люди казались крошечными, а машины игрушечными.

Она обед заказала в номер. Его принесли подозрительно быстро, буквально через несколько минут. В дверь постучали. Она на цыпочках —

неслышно подошла к дверному проему и услышала перешептывание людей у лифта и приглушенные голоса на лестничной клетке. Потом снова постучали:

— Обед, миссис!

— Подождите, я еще не готова, — спокойно ответила Мария, а сама задала себе несколько вопросов и тут же на них коротко ответила: «Как же такое могло случиться? Где я прокололась? А может, предательство? Это все — конец!»

О чем она думала в последние секунды своей жизни? Может, об ушедших из жизни муже или сыне, семейной неустроенности, а может, о крахе своей певческой карьеры?

— Немедленно откройте... это ФБР, — раздался требовательно-зычный голос. — Будем ломать дверь!

«Почему эти пинкертонеры так спешат? — рассуждала Мария. — Неужели думают, что при мне есть улики и я разжигаю костер посреди комнаты, чтобы освободиться от них?»

— Откройте! — еще громче заорал неизвестный, и его очевидно тяжелое тело бухнуло в дверь. Она затрещала.

Мария лихорадочно оглянулась по сторонам. Окно! Вот оно, решение! Одним прыжком подскочила к нему, влезла на подоконник, согнувшись, выбралась из-под фрамуги наружу. И в тот момент, когда дверь, поддавшись ударам, рухнула в комнату и туда ворвались люди, Мария, прижав обеими руками юбку к ногам, сделала шаг в пустоту.

Именно так поступила «Мэйси» — разведчица-нелегал ГРУ, мужественная, красивая не только внешне, а главное — душой женщина.

Когда на следствии Полякова спросили чисто по-человечески, не жалко ему было выданных агентов, в том числе и «Мэйси», он пробубнил что-то невнятное и сразу же попросил чашечку кофе. На судебном

процессе, когда обвинитель перечислял злодеяния Полякова, автор на какое-то мгновение встретился с глазами шпиона, — тот быстро их отвел в сторону, а затем опустил. Наверное, увидел во взгляде визави презрение — самую утонченную форму мести через возмездие.

Голый министр

В индустрии развлечений самой удачной идеей было разделение людей на два пола.

Янина Ипохорская

Это было в конце 70-х годов прошлого века, когда автор оперативно обслуживал ЦА ГРУ по линии военной контрразведки и познакомился со старшим товарищем по совместной службе — капитаном 1-го ранга Евгением Михайловичем Ивановым — советским дипломатом и военным разведчиком. В ходе личного и служебного общения офицер произвел впечатление незаурядного человека, способного понимать любого собеседника и поддержать разговор, обладая высоким уровнем коммуникабельности и интеллектом, — умением налаживать контакты, способностью к конструктивному общению с другими людьми.

Со старшими по званию и должности вел себя достойно, как человек, знающий себе цену и требования войсковой субординации. Любил военную форму. Опрятность поражала многих офицеров — ходил всегда в наглаженных брюках, кремовые рубашки отличались новизной, как будто недавно приобретенные со склада вещевого имущества. К тому времени он был холостяком. Никогда не доводилось его видеть небритым или непричесанным. Копна все еще густых, заметно седеющих волос всегда была опрятно и модно по тем временам подстрижена. Еще бы не быть ему такой личностью. После рождения в 1926 году в Пскове воспитывался в семье военного. Отец был офицером Красной армии, участником Великой

Отечественной войны, мать — дворянкой из рода Голенищевых-Кутузовых. Таким образом, Евгений приходился праправнуком М.И. Кутузова, был женат на дочери секретаря Президиума Верховного Совета СССР А.Ф. Горкина Майе Горкиной.

Ему довелось общаться во время эвакуации в Свердловске с детьми советской элиты: Галиной Жигаревой, Светланой и Василием Сталиными, Марфой Пешковой и др. Встречался и беседовал с Черчиллем и Фурцевой в Лондоне и маршалом Бирюзовым в Москве. Об этих встречах он скупно в порывах откровения рассказывал автору, особо не углубляясь в их значимость.

Учился в ВДА (Военно-дипломатическая академия) на одном курсе с предателем Пеньковским, хотя и признался, что у него с ним было соперничество за пост старшины курса. Выбрали голосованием Пеньковского как старшего по званию, возрасту и участника Великой Отечественной войны.

К учебе Иванов всегда относился серьезно, получая дипломы об окончании вузов только с отличием: в 1947 году-Тихоокеанского высшего военно-морского училища, в 1953 году — Академии Советской армии (Военно-дипломатической академии ГРУ), в 1967 году-Академии Генерального штаба.

Смерть Сталина и приход к власти Хрущева отметились в истории Советской России переходным периодом с беспрецедентным критиканством всего того, что было сделано при прежнем руководстве. Возрос накал борьбы под политическим ковром в Кремле. Кроме того, взял разбег новый этап холодной войны, чуть было не доведший планету до третьей мировой войны. Что касается Скандинавских стран, советское руководство особенно интересовало нашу соседку Норвегию, которая являлась членом НАТО.

Свою оперативную деятельность в системе стратегической агентурной разведки Е.М. Иванов начал после окончания в 1953 году ВДА ГРУ и назначения на должность заместителя военно-морского атташе советского посольства в Норвегии. В Осло капитан-лейтенант проработал почти пять лет. В это время ему сопутствовала оперативная удача — он приобрел, а точнее, завербовал два источника из числа военнослужащих норвежской армии под названием «Феб-1» и «Феб-2», которые за вознаграждения продавали секреты НАТО и США. Такой результат молодого разведчика высоко оценил Центр.

Целеустремленному Е.М. Иванову уже в звании капитана 3-го ранга удалось встретиться и поговорить даже с королем Норвегии Хоконом VII. Обсуждая вопрос участия Красной армии в освобождении Норвегии, Иванов назвал ему цифру в 17 024 его соотечественника, сложивших свои головы за свободу страны фьордов. Рассказал о деятельности русской партизанской армии под руководством освободившегося из плена подполковника РУ Генштаба Василия Андреевича Новобранца, который вместе с местными патриотами выбивал немцев-оккупантов на севере Норвегии. Говорили без обиняков о разных идеологиях.

— Я не разделяю ваших воззрений, господин Иванов, но это вовсе не значит, что мы должны враждовать. Не так ли? Наши правые то и дело любят меня поджимать, требуют закрыть норвежскую компартию, отдать коммунистов под суд за их убеждения, — рассказывал король.

— Как же вы намерены поступить, Ваше Величество? — спросил Евгений Михайлович.

— Очень просто, разве коммунисты в этой стране не мои подданные? Мои. Значит, никто не вправе запрещать им жить и верить в свои идеалы...

Но прославился военный разведчик не этими норвежскими вербовками и интересными встречами, а так называемым скандалом Профьюмо в Англии, разразившимся в 1963 году. Впрочем, и в Норвегии у него складывались забавные ситуации, о чем он не без юмора поведал в своей вышедшей в 1992 году в Лондоне книге «Голый шпион». Вот небольшой отрывок из нее:

«— Евгений Михайлович, а зачем вы ходите на курсы игры в бридж? Ну я понимаю, когда нужно выучить язык или освоить вождение автомобиля. А в нарты-то вам зачем учиться играть, да еще на государственные деньги?»

Я никогда не забуду этот напрямик поставленный мне полунаивный вопрос молоденького стажера в советском посольстве в Норвегии, которого мне было поручено опекать. Парнишка был явно озадачен тем, как я усердно заучивал правила игры в бридж, готовясь к практическим занятиям на курсах. У бухгалтера посольства дотошный стажер узнал, сколько стоят эти занятия. Услышав сумму, превышающую его двухнедельный скромный оклад, стажер пришел в еще большее смятение. Юный Пинкертон усмотрел в этом моем расточительстве нечто вредительское, антигосударственное и хотел во что бы то ни стало вывести меня на чистую воду.

Тем бдительным и наивным по молодости лет пареньком был Володя Грушко, в середине 1950-х гг. стажер в советском посольстве в Норвегии, а три десятилетия спустя первый заместитель председателя КГБ».

Вскоре «каптри самостоятельно» прибыл в Москву, но это уже другая история, о которой Е.М. Иванов признался в своей книге «Голый шпион».

С 1960 по 1963 год капитан 3-го ранга Е.М. Иванов — помощник военно-морского атташе советского посольства в Великобритании. Евгений Михайлович нацелился и здесь на удачу в вербовочной работе. Но фигурально выражаясь, ему подножку подставил однокурсник по ВДА — предатель и агент двух разведок ЦРУ США и МИ-6 Великобритании полковник Олег Пеньковский, выдав его принадлежность к ГРУ, что существенно затруднило деятельность нашего разведчика в стране Туманного Альбиона.

Разведка — особый мир. О том, какова в ней роль женщины, большинство наших граждан судили по сериалу «Семнадцать мгновений весны» с радисткой Кэт в своем знаменитом берете. Но в действительности роль женщины в разведке чаще всего совершенно иная, и женские чары шли в дело значительно чаще, чем умение выстукивать точки и тире на радиопередатчике. Достаточно вспомнить таких специалисток в этом деле, как Мата Хари или Матильда Ксешинская.

Об одной «медовой ловушке» в лондонском тумане повествует книга Е. Иванова и Г. Соколова «Голый шпион». Речь идет о связке: офицер ГРУ Евгений Иванов — Кристин Килер — министр обороны Великобритании Джон Профьюмо.

Это история тайной операции, исполнителем которой стал офицер ГРУ Е.М. Иванов в знаменитом «скандале века» и загадочном «русском следе».

Запомнился он сослуживцам высоким, плечистым, стремительным, с копной вьющихся поседевших волос моряком в форме капитана 1-го ранга и умением заговорить любого. Обладал редким качеством — располагать к себе людей, но для разведчика оно не такое уж и редкое, скорее профессиональное.

В начале 1960 года в Лондон руководство ГРУ направило нового военно-морского атташе капитана 1-го ранга К.Н. Сухоручкина. Помощниками у него стали И. Сакулькин и Е. Иванов, положительно зарекомендовавшие себя по работе соответственно в США и Норвегии. Они вместе под видом изучения страны как туристы приступили к визуальному сбору разведывательной информации. Разведчики под прикрытием должностей легальной резидентуры быстро установили местонахождение и состояние американских военных объектов в Лондондерри в Ирландии и Холли-Лох — в Шотландии. Провели наблюдение за строительством базы американских подводных лодок. Посетили и английские военно-морские базы в Плимуте, Госпорте, Портсмуте, Портленде. Как разведчики, офицеры занимались и установлением личных контактов.

Больше в этом деле повезло Евгению Иванову. В Лондоне он познакомился с издателем, редактором и журналистом ежедневной британской газеты «Дейли телеграф» Колин Кутом, а через него — с доктором Стивеном Уордом, пользовавшимся известным авторитетом в английских политических и общественных кругах.

Он был не только хорошим врачом, но и неплохим живописцем. Хорошо разбирался в политике. Как эскулап и художник, Стивен обладал широкими связями среди лондонского истеблишмента. Через него Иванов вышел на лорда Астора и Джона Профьюмо, министра обороны в правительстве Г. Макмиллана, и даже рассматривавшегося на пост премьер-министра. Однако у него, как у темпераментного выходца из горячей Италии, была одна слабость — женщины. На одной из

вечеринок он познакомился с юной жрицей любви, 18-летней красавицей Кристин Килер.

В лондонской резидентуре ГРУ знали, что она является любовницей доктора Уорда, так как он не раз появлялся с ней на представительских приемах в советском посольстве. Позднее военные разведчики установили и факт ее близких отношений с Профьюмо. Однажды один из ее отвергнутых ухажеров, наркоман, выходец из Америки, ночью открыл огонь из пистолета по окнам квартиры Килер. Полиция задержала незадачливого влюбленного. В ходе разбирательства на поверхность всплыли имена Уорда, Профьюмо и, как ни странно, Иванова.

Во избежание скандала руководство ГРУ срочно приняло решение об отзыве Иванова в Москву. Но было уже поздно — стараниями журналистов заурядная любовная интрижка министра обороны была раздута в шпионскую историю века — «скандал столетия» с «загадочным русским следом». В прессе сообщалось, что Килер являлась любовницей не только Уорда и Профьюмо, но и Иванова и что последнему она рассказывала государственные секреты, которые узнавала в постели у министра обороны. Более того, в прессе появились утверждения, что во время одного из любовных свиданий Иванов якобы просил Килер выведать у Профьюмо о намерениях Англии поставлять ядерное оружие ФРГ.

Расследованием дела Профьюмо занималась специальная парламентская комиссия во главе с лордом Деннингом. Завершила она работу выводом — скомпрометировавшая министра обороны связь не нанесла ни малейшего ущерба национальным интересам и безопасности Великобритании. Но Профьюмо пришлось все-таки уйти в отставку. Беда не обошла стороной и Уорда. Его обвинили в содержании борделя с девицами типа Килер, которых он за

определенную плату поставлял богатым клиентам. В июле 1963 года против него начался судебный процесс. Не вынеся развернувшейся травли, Уорд покончил жизнь самоубийством.

* * *

Для журналистов эта история стала обрастать всякими подробностями. Говорилось, что Иванов специально свел Профьюмо с Килер для компрометации и последующей вербовки министра для сотрудничества с ГРУ. Но это была очередная глупость тех, кто слова оценивает деньгами. 25 июня 1963 года Евгений Михайлович Иванов в объяснительной записке на имя Петра Ивановича Ивашутина откровенно написал:

«...Знакомство с Уордом было установлено и поддерживалось до моего отъезда из Англии... с целью получения военно-политической информации и выхода на интересующих нас лиц. Кроме того, он организовал ряд встреч с осведомленными лицами из МИДа, парламента, руководства Консервативной партии и делового мира. С Килер я познакомился на даче Уорда в присутствии П. Манна и ряда гостей. Однажды Уорд пригласил нас купаться в бассейн на территории поместья лорда Астора. Вскоре туда пришел Астор, президент Пакистана со своим верховным комиссаром в Лондоне и послом в Бонне, военный министр Профьюмо и еще тричетыре человека, среди которых была и Килер. Обратило на себя внимание открытое ухаживание, возня в бассейне и фотографирование Профьюмо Килер (жены Профьюмо там не было, что не соответствует его заявлению в парламенте).

Я наблюдал за всем со стороны и ждал возможности поговорить с Профьюмо, что удалось сделать после

купания. На следующий день я доложил капитану 1-го ранга тов. Сухоручкину о беседе с Профьюмо...

Несколько позже я встретил Килер у Уорда. Судя по ее туалету (что-то вроде ночной рубашки), они недавно встали с постели. До меня там уже был один партнер, и 5-10 минутами позже пришел политический корреспондент «Таймс» Линдсей. Мы играли в бридж. Килер по просьбе Уорда приготовила нам кофе, а около десяти часов ушла. Недели через две я опять встретил Килер у Уорда, имея задание руководства организовать через него встречу с Кутом, Николсоном или кем-нибудь еще из числа осведомленных лиц для получения запрошенной Центром информации. Уорд предложил пойти в бар. В беседе он спросил, не организовать ли встречу с Ллойдом или Кутом за бриджем против меня с ним, перебрал еще несколько имен и добавил, что мог бы устроить встречу с Профьюмо, который находится сейчас у него дома с Килер. Было десять часов. Я отметил это для себя, но не стал ничего уточнять и продолжил прежнюю беседу. Не помню, в этот вечер или позже, Уорд высказал замечание, что у Профьюмо симпатичная жена, а он не прочь развлечься с другими.

На следующий день я доложил тов. Сухоручкину о перспективах организации нужных встреч и рассказал о Профьюмо — Килер в следующей форме:

«Мы могли бы шантажировать военного министра, нам точно известны любовница, место и время их встреч. На всякий случай подготовить бы мой отъезд и явиться к Профьюмо с предложением дать те или иные данные, пригрозив еще и наличием фотографии».

Кроме того, я высказал мнение, что, может быть, следует сообщить о похождениях Профьюмо КГБ, который, возможно, собирает подобные данные на руководящих лиц...

Позже я встречал Килер несколько раз в компании Уорда в его доме и на даче... В тех случаях, когда я

присутствовал в одной с ней компании, бесед между нами не было. Обмен фразами, замечания в общих беседах, и не более. Был случай на даче, когда у нас с Уордом шел разговор на военную тему. К нам подошла Киллер и, услышав беседу, заявила: «Я могу спросить об этом Профьюмо, хотите?»

Долю секунды я подумал, что иметь около него толковую женщину-агента было бы недурно. По отношению к Килер у меня никогда такой мысли не возникало. Личного общения у меня с ней не было. Я даже не знал, в какой части города она живет. Угощений, выходов в рестораны или клубы даже в компании в ее присутствии не было.

Обстановка в доме Уорда и на его даче в моем присутствии была достаточно здоровой. Там бывали молодые и пожилые пары. Одни из частых посетителей даже позже поженились. Даже такие типы, как Киллер, вели себя пристойно. Может быть, так подобает любовницам их класса. Этого же мнения придерживается моя жена, посещавшая дачу и встречавшая Уорда и его знакомых в городе. На ночь у Уорда я никогда ни с женой, ни без нее не останавливался».

* * *

А теперь о сердцевине событий. Дело в том, что местная контрразведка МИ-5 готовила подставы для нескольких наших разведчиков, работающих под «крышей». В эту категорию попал и Евгений Михайлович, активно выделявшийся тем, что имел широкие связи среди местного бомонда. В дальнейшем поняв, что может быть засвечен янки или томми (обе разведки работают тесно) и они раскатали губы,

пытаясь создать вербовочную ситуацию и приобрести таким образом ценного агента, он пошел ва-банк.

Но советский разведчик, выйдя на доктора Уарда, благодаря которому получил доступ к скандальному компромату не только на военного министра Профьюмо, но и на многих влиятельных политиков Великобритании, в том числе посредством секс-шпионажа через девушек по вызову, мог теперь шантажировать противника.

В нем принимала участие 19-летняя танцовщица и модель Кристин Килер, которая больше любила советского медведя, чем лысоватого с итальянскими корнями министра Профьюмо...

Иванов же, почувствовав за собой назойливые хвосты, решил по широко бытующей версии с санкции руководства стать одной из ключевых фигур в так называемом «Деле Профьюмо» — министра обороны Туманного Альбиона. В этом авантюрном деле существовала и стратегическая цель — через компрометацию руководителя военного ведомства осуществить отставку кабинета премьер-министра Гарольда Макмилана, что и произошло в октябре 1963 года.

22 января того же года Иванов был срочно отозван из Лондона на родину, где успешно продолжил службу в ГРУ. Руководство даже поощрило его, направив на учебу в Академию Генштаба ВС СССР, которую, как уже говорилось выше, он окончил с отличием.

После возвращения в СССР его жена Майя подала на развод, и брак распался. С тех пор Евгений Михайлович больше не женился. Несмотря на семейный разрыв, он всегда тепло отзывался о жене:

— С Майей Горкиной меня связывали крепкие искренние чувства. Она была очень славная, очень скромная женщина. Умница. Прекрасно знала языки.

Выучила в странах и английский, и норвежский. Норвежский язык даже потом преподавала в МГИМО...

Помогала мне в работе. Ее никогда не интересовали тряпки. Нет, одевалась она хорошо, однако культа из этого, как многие женщины, не делала... Но случилось то, что случилось...

Потом он служил на различных руководящих должностях в подразделениях по обобщению информационных материалов, добываемых управлениями стратегической агентурной разведки.

В 1981 году капитан 1-го ранга Е.М. Иванов ушел в отставку. Покидая службу в ГРУ, он, помню, с заметной грустинкой в глазах заметил: «Тяжело покидать эту вахту, к которой прикипел...»

А еще в ходе общения с ним автор несколько раз интересовался, не готов ли он написать что-либо о своей интересной лондонской командировке, зная о том, что в школьные годы Иванов баловался стихосложением.

— Напишу не только о ней — мне судьба подарила интересную жизнь. Напишу, Анатолий, если будет вдохновение, время и здоровье, — отшучивался он.

Другой раз в разговоре, касаясь этой темы, он заметил:

— Написать нетрудно о том, что с тобою было, но кто опубликует разведчика?

Он был прав — время и тогдашняя власть не позволила бы это сделать, но он очень хотел повести читателя по своим жизненным стежкам.

Думается, Евгений Михайлович уже тогда во время службы готовил наброски своих забавно-драматических мемуаров, которые были изданы только через 15 лет после его кончины Г.Е. Соколовым под названием «Голый шпион. Русская версия. Воспоминания агента ГРУ со 148 рассказами». Правда, по праву у этой книги два автора — Е.М. Иванов и Г.Е. Соколов. По-видимому,

материалы дал разведчик, а обобщил их писатель Геннадий Евгеньевич Соколов, посвятив повествование светлой памяти Евгения Михайловича Иванова (1926–1994).

Небольшой по объему сборник коротких рассказов капитана 1-го ранга Евгения Михайловича Иванова, — писал Соколов, — главного фигуранта так называемого скандала века, был написан еще в советские времена. В СССР такую книгу издать было невозможно. Откровения бывшего разведчика в печати, даже если в них не содержалось ничего секретного, были недопустимы без особого разрешения. А разрешения никто не давал. Поэтому книга изначально писалась на английском языке, и ее авторы на свой страх и риск готовились опубликовать ее в Англии.

В западной печати тогда об Иванове распространялись самые баснословные слухи. Одни утверждали, что он мертв, другие — что арестован. Кто-то писал, что он продолжает работать на советскую разведку, а кто-то заявлял, что Иванов сбежал за рубеж и живет в США.

По нашему замыслу книга должна была положить конец этим слухам и защитить доброе имя Евгения Михайловича Иванова.

И все же в начале 1992 года «Голый шпион» появился в лондонских магазинах. Но весь тираж книги тут же был арестован — стыдно властям было признавать, какой бардак творился в сливках общества — английском истеблишменте. Но почему возмутился в сентябре 1992 году статьей в газете «Совершенно секретно» содержанием книги коллега Иванова контр-адмирал Сакулькин? Непонятно. Впрочем, непонятностей на Руси всегда бывало по горло. Иванов тяжело переживал удар в спину своего коллеги. Через несколько месяцев после этого пасквиля болезненное

сердце не выдержало эмоциональной нагрузки и остановилось...

В январе 1993 года бывший председатель КГБ СССР В.Е. Семичастный так объяснил Соколову атаку Сакулькина на книгу Иванова:

«Наша страна после развала СССР стала практически полным банкротом. Нынешняя власть выживает лишь за счет западных кредитов. Добрые отношения с Лондоном ей необходимы как воздух. Сакулькин дискредитировал Иванова, чтобы откровения бывшего разведчика не смогли их омрачить».

Спустя 30 лет после событий в Лондоне, летом 1993 года, английская газета «Дейли Экспресс» устроила ностальгическую встречу в Москве Евгения Иванова и Кристин Килер. Старые знакомые погуляли по Красной площади, зашли в кафе, вспомнили бурную молодость, но к себе домой Иванов ее не пригласил, сославшись на бедность. Страна, ради которой он вел разведку в стане исторически коварного противника, канула в Лету, как и сам этот красивый флотский офицер-разведчик.

Евгений Михайлович Иванов умер в 1994 году. Намного больше его пережил Профьюмо.

Новостные ленты Лондона в марте 2006 года напомнили, что в ночь на 10 марта в Великобритании в возрасте 91 года от сердечного приступа скончался Джон Профьюмо — бывший министр обороны королевства и главный герой печально известного «дела века».

Иванов любил военную службу, став моряком. Недавно я нашел его стихотворение, которое он написал, служа на флоте. Его положили на музыку флотские товарищи — так родилась песня:

Нам скажут — не спорьте, а мы и не спорим —
Лететь самолетом намного быстрее.

И все-таки море останется морем.
И нам никогда не прожить без морей.

Легко затеряться в соленом просторе,
Волна набегает, грохочет прибой.
И все-таки море останется морем.
И нам оставаться на вахте с тобой.

Тропическим солнцем мы лица умоем.
Полярные ночи увидим не раз.
И все-таки море останется морем.
И кто-то тревожиться должен за нас.

Ты смотришь печально, ты смотришь с укором.
Стоишь на причале, платок бережешь.
И все-таки море останется морем,
И чем-то похоже оно на тебя.

По-человечески было жалко смелого и профессионально подготовленного военного разведчика Евгения Михайловича Иванова. Вот уж действительно — два величайших тирана на земле: случай и время!

Похищение ракеты

*Сам человек представляет собою
большее чудо, чем всякое чудо,
совершаемое человеком.*

Августин Аврелий

Как известно, вчерашние союзники по антигитлеровской коалиции сразу же после победы во Второй мировой войне объявили Советскому Союзу холодную войну. Цель — политическая дискредитация страны, втягивание ее в гонку вооружений. Путем всяких многочисленных эмбарго на приобретение новых технологий они добивались ликвидации любыми путями государства как такового. Общеизвестно, войны, как холодные, так и горячие, развязывают политики и начинают их, когда хотят, а вот кончают — когда могут.

Простые граждане нередко игнорируют кровавые рубки, становясь противниками агрессивной внешней политики своих правителей и сторонниками противной стороны, с представителями которой готовы общаться не только в идеологических дискуссиях, но и действовать из корыстных побуждений.

Такие типы авантюристского склада во все времена интересовали разведчиков. Случались ситуации, сравнимые с чудесами, и в системе военной разведки. Наверное, случайностью это явление нельзя назвать в силу обширнейшей осведомленности через средства массовой информации и художественную литературу о методах и формах деятельности этих тайных пружин любого государства.

Так вот, одним из иностранцев, заинтересовавшим советских военных разведчиков, был некий Манфред

Раммингер житель ФРГ. Этот немец родился в 1930 году в аристократической семье. Его детство и юность, опаленные огнем Второй мировой войны, прошли под речи Гитлера и Геббельса и грохот союзнических победных салютов 1945 года. Получив архитектурное образование, он работал на руководящих и ответственных должностях в крупных строительных компаниях и фирмах.

В 1960 году, используя накопленный капитал и обширные связи в деловых кругах западноевропейских стран, основал собственную инженерно-строительную фирму «Манфред Раммингер и К°». Но к великому сожалению, в середине шестидесятых у его фирмы резко сократилось число выгодных заказов.

Однако Раммингер, будучи по натуре оптимистом, считал, что уныние, хандра, меланхолия для любого человека, тем более делового, — нравственная смерть. Более того, как истинный христианин, такое состояние души он считал грехом для нормального человека. Это все равно что выпустить вожжи лошади, которая несет тебя под гору, и продолжать хлестать ее кнутом. Он же хотел крепко держать в руках вожжи своего дела. И в то же время Манфред замечал, что в Германии, несмотря на большое количество церквей, его соплеменники посещают их от случая к случаю, особенно в больших городах. Многие религиозные обряды становятся необязательными и превращаются в народные обычаи. Эти наблюдения тоже повлияли на понимание проблемы, что такое грех и стоит ли его бояться современному протестанту.

Кроме того, была и ментальная причина — Раммингер, отпрыск древнего аристократического рода, привыкший жить на широкую ногу, решил поправить свои пошатнувшиеся дела, предложив неофициальные услуги советским внешнеторговым организациям. Он исповедовал по жизни свой принцип — если твой врач

советует тебе изменить привычки, прежде всего смени врача. К привычкам человек привыкает, даже к вредным...

В конце августа он вызвал к себе в кабинет подчиненного, одного из инженеров фирмы — Йозефа Линовски, которого уважал за деловитость и которому всегда доверял некоторые щепетильные проекты из-за умения того держать язык за зубами.

— Йозеф, ты знаешь наше дикое сегодняшнее состояние, надо искать выход из тупика, — азартно, с горящими глазами проговорил шеф. — Советы сегодня на голодном пайке из-за разных санкций, железного занавеса и запретов Запада продавать технологические новинки. А что, если мы обратимся к ним с деловым предложением, а может, и предложениями?

— Что ж, это выход! — услужливо заметил Линовски.

— Да, но выходить на них здесь опасно. Ты ведь сам знаешь, какие глаза наблюдают за советскими представительствами и контактами соплеменников у нас в Германии.

— Конечно, надо искать точки соприкосновения на стороне. Подальше от этих всевидящих глаз, — осклабился Йозеф.

— Правильно рассуждаешь. Вот и бери ноги в руки...

— ???

— Сейчас поймешь, надо смотаться в Рим и переговорить с советскими специалистами. Дальняя дорога бывает часто близкой. О чем, я думаю, ты в курсе... Когда Йозеф немного замешкался, пытаюсь понять «курс дела», шеф ему напомнил.

— Да, это прекрасная затея.

— Какая, к черту, затея — это деньги!.. — заметил Манфред.

26 августа 1966 года Йозеф Линовски самолетом прибыл в многомиллионный город, стоящий на третьей по величине в Италии реке Тибр, которая заблестела внизу золотистой змейкой при подлете к аэропорту. Прибыв в город, он тут же посетил советское посольство в Риме. Принимавшему его сотруднику ГРУ, работавшему под дипломатической «крышей», заявил, что фирма Раммингера, обладая обширными и прочными связями в деловых кругах западных стран, может гарантировать поставку в СССР образцов любых промышленных изделий и новейших технологий, включая и те, что подпадают под запрет КОКОМ. (Координационный комитет по экспортному контролю — международная организация, созданная в 1949 году для многостороннего контроля над экспортом в СССР и другие социалистические страны со штаб-квартирой в Париже. — Авт.)

На это Йозефу Линовски ответили, что посольство такими делами не занимается, но его предложения будут изучены и направлены в Москву.

— Когда ждать ответ? — торопливо спросил немец.

— Минимум — несколько дней.

— Прекрасно. Я подожду... У меня тут в Риме есть и другие дела, — соврал Йозеф...

А сам про себя подумал, перекаывая в голове философские мысли: «Все произойдет, если только человек будет ждать и надеяться. Деньги требуют спокойного ожидания и тишины. В данный момент обстоятельства заставляют нас не нервничать, а тихо ждать, потому что уже нечего ждать».

И он стал ждать спокойнее после одобрения плана и программы действий в Риме своим шефом...

В Центре, получив из Рима сообщение о личности предпринимателя Раммингера, немедленно организовали установочные и проверочные мероприятия. Не найдя каких-либо компрометирующих материалов, было принято решение установить с Раммингером личный контакт, пригласив его для этой цели в Москву.

В римскую резидентуру ГРУ отправили телеграмму, где, в частности, говорилось:

«Ряд внешнеторговых объединений МВТ (Министерства внешней торговли. — Авт.)...хотели бы в спокойной обстановке обсудить с владельцем фирмы все детали по практической реализации предложений...

Исходя из этого, руководство МВТ приглашает Манфреда Раммингера в Москву на деловые переговоры. В качестве легального предлога... может быть использован Международный аукцион породистых верховых лошадей, проведение которого запланировано на 1-3 апреля с.г. Помните, что... Линовски не должен получить ни малейшего намека на то, что имеет дело с представителями советской разведки».

Раммингер в конце марта прилетел в Москву, где с ним встретились сотрудники ГРУ. А после того как он предложил чудо — доставить в Москву американскую ракету, стоявшую на вооружении в бундесвере, было решено проверить его психику, а затем изучить в деле. Как говорится, доверяй, но и проверяй!

Раммингер вернулся в ФРГ, а через некоторое время от него пришло сообщение, что он собирается приобрести новейшую сверхсекретную американскую ракету «Сайдуиндер».

На приглашение приехать в Советскую Россию для «консультации со специалистами» он не ответил, а 11 ноября нежданно-негаданно прилетел в Белокаменную, имея в багаже два ящика, где находилось настоящее чудо — ...разобранная ракета. Военных разведчиков

удивило то, как ему без таможенного досмотра удалось погрузить эти ящики в самолет.

— А не дезинформирует ли нас разведка противника, чтобы загнать в технологический тупик — направить по ложному пути при дальнейших разработках подобного оружия, — заявил один из начальников при лампасах...

На самом деле выяснилось следующее — ракету Раммингер и Линовски при помощи друга — летчика ВВС ФРГ Вольфа-Дитриха Кноппе, пожелавшего тоже погреться на опасном бизнесе, просто... украли со склада военно-воздушной базы в Нейбурге. Для того чтобы иметь представление о том, как произошла эта кража, есть смысл прочитав отчет Раммингера, отрывок из которого приводится ниже:

«Поздно вечером 23 октября в густом тумане подкатили гидравлический подъемник почти вплотную к забору аэродрома. С его помощью я перенес на территорию аэродрома Линовски и Кноппе, потом переправил тележку на резиновом ходу. Ну а там Линовски пустил в ход свои инструменты. Прodelав дыру в заборе, они проникли в запретную зону. Кноппе сумел отключить систему сигнализации, Линовски открыл дверь склада. Вынесли ракету на руках за пределы зоны и вернулись, чтобы закрыть двери склада и включить сигнализацию. Потом, погрузив ракету на тележку, подкатили ее к забору, за которым я дожидался их. В два приема — сначала тележка с ракетой, за ней Кноппе с Линовски — все было сделано. Кноппе и Линовски отогнали подъемник с тележкой на пустующую строительную площадку, примерно в километре от аэродрома. Там погрузили ракету в заранее арендованный грузовик. Кноппе отправился в свое офицерское общежитие. Линовски на грузовике, я на своей машине взяли курс на Крефельд».

«Авантюризм и хитрость — образ мыслей очень ограниченных людей, — говорил Кант, — и очень отличаются от ума, на который по внешности походят».

В Москве Раммингера похвалили и в то же время попытались убедить в необходимости отказаться от подобной самоуверенности, граничащей с авантюризмом. Сотрудник ГРУ заметил Манфреду, что можно быть хитрее другого, но нельзя быть хитрее всех. С критикой в свой адрес он согласился и, получив вознаграждение — 92 тысячи марок и 8500 долларов, довольный вернулся в ФРГ.

Но следовать советам кураторов из числа оперативного состава ГРУ о том, что жадность и неосмотрительность — корень всех зол, он явно не собирался. Аппетит часто разгорается в процессе еды.

В марте 1968 года Раммингер прислал в Москву подробное техническое описание новейшей модели аэронавигационной платформы, разработанной западногерманской фирмой «Флюгерстверк» и американской «Телдикс». А 8 мая в газете «Дер тагесшпигель» появилась сенсационная статья под заголовком «Украденные приборы», в которой говорилось:

««Спустя несколько часов после официального окончания VII немецкой аэронавигационной выставки в Ганновере-Лангенхагене неизвестные воры похитили из выставочного зала два навигационных прибора новейшей конструкции стоимостью 60 тысяч марок... инерционную платформу «ТНП-601» размером с пишущую машинку и приводной индикатор с комплектующими деталями».

В Москву Раммингер прилетел 13 июля, привезя с собой в личном багаже похищенную платформу. Ему вновь порекомендовали не пускаться в авантюры, выплатили вознаграждение и договорились о встрече в сентябре 1968 года. Однако встреча не состоялась, так

как Раммингера, Линовски и Кноппе арестовали по подозрению в краже ракеты «Сайдуиндер».

Суд, состоявшийся в сентябре 1970 года, признал обвиняемых виновными в государственной измене, шпионаже и краже и приговорил Раммингера и Линовски к четырем годам, а Кноппе — к трем годам и трем месяцам тюремного заключения.

Выйдя на свободу, Раммингер в августе 1976 года вновь попытался установить контакты с ГРУ, предложив достать 10 блоков памяти бортового компьютера истребителя «МРСА», но ему ответили, что советская сторона может иметь с ним лишь официальные отношения. Он вынужден был согласиться и высказал пожелание продолжить официальное коммерческое сотрудничество.

Однако в июне 1977 года он был убит в бельгийском городе Антверпене неизвестными. Следствие пришло к выводу, что он приобщился к наркобизнесу и пал жертвой наркомафии. Но это всего лишь одна из версий. У немцев служба акций против такого типа граждан традиционно работала жестко и в период Веймарской республики, и во времена «тысячелетнего» Третьего рейха, просуществовавшего всего лишь двенадцать лет и прекратившего свою подлую жизнь в мае 1945 года.

Понятно, что люди, считающие деньги способными все сделать, сами способны все сделать за деньги. Корыстолюбие отнимает у людей самые заветные чувства — любовь к Отечеству, любовь к семье, любовь к добродетели и чистоте.

Но в любой разведке и такие типы используются повышенным вниманием — такова жизнь за шторой открытого бытия...

Бригадный генерал

*Удача — это постоянная готовность
использовать шанс.*

Фрэнк Доуби

Когда-то Марк Твен с философской точностью заметил, что раз в жизни Фортуна стучится в дверь каждого человека, но человек в это время нередко сидит в ближайшей пивной и никакого стука не слышит.

Однако в 1962 году военный атташе при посольстве СССР в Швейцарии полковник Василий Константинович Денисенко этот стук госпожи судьбы услышал. В результате у него появилось довольно ценное оперативное приобретение. Военный разведчик завербовал... командующего войсками ПВО Швейцарской Конфедерации армейского бригадного генерала Жана-Луи Жанмера, который числился в ГРУ под псевдонимом «Мур», а его жена имела псевдоним «Мэри».

Жанмер с супругой в 1959 году подружились с советским военным атташе полковником ГРУ Василием Денисенко. Это была тесная дружба, ведь Мари-Луиза имела русские корни. Авторитетный германский журналист, корреспондент газеты «Берлинер цайтунг» Андреас Ферстер, писавший как о своих спецслужбах, так и иностранных, глубоко проработал истинные корни дружбы швейцарского генерала и советского полковника.

По его утверждению, основанному на документальных материалах судебного разбирательства, в симпатичного россиянина была влюблена жена бригадного генерала...

Швейцарский генерал узнает об этом лишь во время следствия. Но он видел силу обаяния русского и так сказал: «Если бы я был женщиной, я бы сам с ним переспал».

В семье Жанмера советского полковника величали Денни. Со слов швейцарца, Денни был образованнейшим человеком, симпатичным внешне и достойным внутренне. Потом о Василии Денисенко он скажет:

«Это был джентльмен! Денни не был большевиком — он был кавалеристом, монархистом, офицером старой школы!»

Взаимоотношения советского офицера военной разведки и швейцарца вылились в полное взаимопонимание по многим политическим, военным, социальным и даже бытовым вопросам. Эти отношения в конце концов переросли в помощь российскому другу в решении его служебных задач. В своей солидарности с советским военным атташе он не видел опасности, потому что внешне она была открыта и вполне объяснима, а о внутренних делах знал только сам Всевышний.

Но на земле кроме богов есть для установления таких «внутренних» разного рода дел контрразведывательные органы...

* * *

«Мур» длительное время передавал ценную информацию, относящуюся к оборонной политике нейтральной Швейцарии, которая, несомненно, находилась неофициально в про-натовской орбите. Запад хорошо понимал и понимает роль Швейцарии как банковской столицы мира.

Он сообщал о планах проведения мобилизационных мероприятий, системе раннего оповещения ПВО под кодовым названием «Флорида», степени участия янки в европейских делах, и в том числе на территории Швейцарской Конфедерации.

Нужно заметить, что о переданных советской военной разведке секретных сведениях по системе ПВО американцы узнали в ходе предательства бывшего сотрудника ГРУ, ставшего агентом американской разведки, Николая Чернова.

Работая в фотолаборатории ГРУ, он педантично переснимал все попадающие к нему документы, на которых значились выходные данные и номера. Используя полученные от «крота» сведения, контрразведка США могла просто вычислить передававшего их советского агента. Результаты многолетней работы Чернова попали к его новым хозяевам в 1972 году, и таким образом американцы узнали о существовании советского агента в Швейцарии, снабжающего Москву данными о «Флориде».

Разразился невиданный скандал. На одном из заседаний комитета по международной торговле и коммерции США предложили квалифицировать Швейцарию как страну Восточного блока и прекратить ей передавать новейшие технологии.

Получив эту политическую пощечину, швейцарская контрразведка тут же начала активный поиск советского «крота», внедрившегося в вооруженные силы.

Более восьми месяцев федеральная полиция активно занималась расследованием, пытаясь установить, кто скрывается под псевдонимами «Мур» и «Мэри».

За ними было установлено плотное наружное наблюдения, проводились негласные обыски,

анализировались каналы утечки информации, но все эти агентурно-оперативные мероприятия не позволили выяснить истинный характер взаимоотношений советского военного разведчика с семьей высокопоставленного швейцарского военного. И наконец, контрразведчики пришли к выводу, что у них есть убедительные доказательства преступной деятельности супругов Жанмер.

Федеральная прокуратура 9 августа 1976 года выдала санкцию на арест бригадного генерала, но объявила о его задержании вместе с женой только спустя неделю — 16 августа 1976 года.

В ходе проведения обыска в сейфе генерала нашли дорогие подарки, врученные ему советским офицером: золотой браслет для жены Мари-Луиз, запонки из золота, а также другие доказательства его работы на советскую военную разведку.

После публикации в СМИ информации о предательстве швейцарского генерала общественность пришла в ужас и была предельно возмущена актом беспрецедентной измены Конфедерации. Многие сограждане требовали смертной казни предателям.

Следствие по этому делу велось почти два года. Наконец, дивизионный суд — военный трибунал в Лозанне 17 июня 1977 года вынес вердикт — Жан-Луи Жанмер виновен в выдаче государственной тайны и приговорил его к 18 годам тюремного заключения.

Следствие и суд пришли к одинаковому заключению — Жанмер действовал не из-за идеологических убеждений, а по причине слабости характера и честолюбия. Это признание родилось после получения результатов глубокого анализа, который показал, что бригадный генерал передавал своему русскому другу практически открытую информацию, почерпнутую из газет и журналов. Поэтому объективно нанесенный ущерб стране был незначителен.

А как же сам Жанмер оценивал свой поступок? Он до самой своей кончины в 1992 году боролся за свою реабилитацию, считая, что хотел лишь объяснить «этим сумасшедшим большевикам в Кремле», что нападение на вооруженную до зубов Швейцарию, в которой каждая семья — это вооруженная боевая ячейка, повлечет за собой страшные потери той и другой стороны.

Одному из собеседников в тюрьме Жанмер заявил: «Возможно, я был дураком, но я никогда не был предателем».

Эпоха Ивашутина

Тысячи талантов лишь рассказывают о том, чем обладает эпоха, но только гений пророчески рождает то, чего ей не хватает.

Эмануэль Гейбель

На вопрос журналистов, интересующихся тематикой военной разведки, «кто из руководителей этого ведомства оставил неизгладимый след в ее истории?» автор, не задумываясь, утверждает: «Конечно, генерал армии, Герой Советского Союза Петр Иванович Ивашутин!» Это его многие называли не иначе, как «маршал военной разведки!»

Чем же отличился этот генерал, отдавший полувековой отрезок своей жизни служению Отчизне: по 25 лет работе в органах государственной безопасности в основном в системе военной контрразведки, и столько же лет посвятил военной разведке.

Трудолюбие, честность, умение понимать, а значит, и сплотить коллектив, одинаковая степень требовательности как к себе, так и к подчиненным выстроили из него того человека, которому присвоили определение «думающий руководитель, не лишенный талантливости». Да, он не лез на начальство с открытым забралом, но, когда надо было сказать принципиальное «нет», он его говорил любому чиновнику не за глаза, а в глаза. Он это сказал маршалу Жукову, планировавшему непродуманное наступление в Румынии. А находился он в звании всего лишь генерал-майора, начальника Смерша 3-го Украинского

фронта. Он один из тех, кто прямо говорил министру обороны СССР маршалу Устинову о нежелательности ввода советских войск в Афганистан. Но, когда решение принял Кремль, он воспринял военный приказ от министра как должное и сделал все от него зависящее, чтобы минимизировать потери личного состава за счет улучшения качества разведки.

Это его спецназ во главе с полковником ГРУ В. Колесником в ходе операции «Шторм-333» 27 декабря 1979 года вместе со спецподразделениями КГБ СССР, которыми руководил генерал-майор Ю. Дроздов, взяли штурмом, казалось, неприступный дворец Тадж-Бек мятежного проамериканского ставленника Х. Амина всего за сорок три минуты. И это несмотря на соотношения сил: 500 штурмующих против 2500–3000 обороняющихся.

А до этого была Большая война и война после войны на Украине с бандеровскими бандами. В сентябре 1952 года П.И. Ивашутина бросают на прорывной участок в Киев на должность министра госбезопасности УССР.

Ходил слух, а может, это было правдой, когда Ивашутина ставили на должность, Сталин пообещал дать ему звание Героя Советского Союза при условии, если он справится с непрекращающимися вылазками оуновцев бандеровского крыла — т. е. разгромит в течение года на территории Западной Украины основные бандформирования ОУН-УПА. Но смерть Сталина, арест, разгон МГБ, торопливый расстрел Берии, а потом и Абакумова — его начальника по Смерш, вызовы в Москву министра МВД Украины Мешика и его заместителя Мильштейна и их последующие аресты и расстрелы заставили задуматься о собственной судьбе. Он считал, что она переменчива, особенно в переходный период, когда плохие дни чередуются с очень плохими. Генерал-лейтенант Петр Иванович Ивашутин тоже практически

жил в ожидании ареста, хотя и понимал, что чист в своей работе и на фронте, и на войне после войны.

Вскоре его тоже вызвали в Москву. Можно только представить, с какими мыслями он ехал в столицу. Но неожиданно ему предложили пост заместителя председателя КГБ, а потом и первого заместителя. Лубянка его приняла, чтобы почти ровно через десять лет направить руководить военной разведкой.

* * *

Он принял ГРУ Генштаба ВС СССР под свое руководство в момент, когда по престижу военной разведки в начале шестидесятых было нанесено несколько тяжелейших ударов. Нет, они были несравнимы с ударами страшных тридцатых годов с массовыми расстрелами высших руководителей Разведупра, но было неуютно воспринимать критику со стороны не только руководства военного ведомства, но и средств массовой информации страны. Какие же ошибки повлияли на такое незаслуженное отношение к разведке?

Во-первых, разоблачение органами ГБ матерых агентов иностранных спецслужб — ЦРУ США и МИ-6 Великобритании из числа офицеров ГРУ Попова и Пеньковского, а во-вторых, компрометации самого начальника советской военной разведки генерала армии И.А. Серова, замешанного в покровительстве и даже продвижении по службе полковника Пеньковского, ставшего агентом двух иностранных разведок.

Во время служебной поездки последнего в Лондон Серов попросил его помочь жене и дочери ознакомиться с достопримечательностями британской столицы. Познакомились, приобрели сувениры, отдохнули в пабах

и гостиницах под прослушки «заботливых» томми. Это был позор сослуживца Н.С. Хрущева по Украине и Г.К. Жукова по Германии. Реакция властей последовала незамедлительно — Серова разжаловали до генерал-майора и лишили звания Героя Советского Союза.

Также были освобождены от занимаемых должностей первый заместитель начальника ГРУ А.Г. Рогов и начальник управления кадров И.М. Смоляков.

Вот в такое позорное время для военных разведчиков перешел из КГБ в ГРУ генерал-лейтенант П.И. Ивашутин, которому в этот промежуток времени было присвоено звание генерал-полковника.

Как человек самостоятельный, трезвомыслящий и венчанный долгом, опытом и честью, переходя из госбезопасности в военную разведку, решил отказаться от привычной кадровой практики и чиновничьих стереотипов. Он проигнорировал порочную практику многих руководителей и начальников — приезд на новую должность с многочисленной свитой наиболее преданных сотрудников. Петр Иванович отказался от живущей, к сожалению, до сих пор практики без знания обстановки на новом месте глубокого перетряхивания кадров, срочных перестроек и реформ, потому что знал — всякие революции и контрреволюции успех делу не приносят. Ему претило в такой ситуации действовать кавалерийским наскоком.

Только поэтому после назначения в ГРУ он взял с собой трех человек. В качестве начальника секретариата майора Лукашова и двух Игорей, как он считал, необходимых ему толковых мужиков: на должность помощника — подполковника Игоря Михайловича Чистякова, а адъютантом, которого всегда называли порученцем, — лейтенанта Игоря Александровича Попова.

Так вот, в одной из бесед с автором о послевоенном возвращении генерала Ивашутина из Австрии, где он

недолго руководил контрразведкой Смерш Южной группы войск, Попов так высказался:

— Шеф с гордостью признавался, что из поверженной нацистской Германии и ее сателлитов он не привез никаких трофеев, кроме памяти о разгромленных городах Третьего рейха. В Австрии коллеги ему подарили местного производства авторучку, которая до сих пор удачно служит советской военной разведке. А ведь многие его коллеги по фронтам «погорели» из-за трофеев — перли без разрешения вагонами и самолетами.

Вот таким автор впервые воспринял генерала из уст «адъютанта его превосходительства».

«Маршалом военной разведки» он, конечно, стал не сразу. Это почетное звание надо было завоевать победами на незримом фронте по добыванию разведывательной информации, крайне необходимой Советской армии, через агентуру и резидентуры в стане вероятных противников, а не «партнеров». Так их станут величать только после рокового для Красной империи 1991 года, когда наши государственные чиновники разных уровней призывали смириться с правом сильного в однополярном мире.

За что уважали начальника военной разведки руководители МО СССР? За способность глубоко мыслить и за скромность — в первую очередь. Не секрет, после окончания войны из Германии и других освобожденных стран Европы наши вчерашние красноармейцы в обмотках, красные командиры, ставшие офицерами, и золотопогонники при широких лампасах везли с собой на родину трофеи. Как-никак, они стали победителями лютого врага, который еще недавно обирал их Родину по селам и городам. Да, и везли в эшелонах и самолетами эти сувениры: от электрического фонарика «Даймон» до гардеробов, автомашин, гобеленов, посудных сервизов...

Сталин за всякие незаконно приобретенные «жизненные пресыщения» в ущерб воинской службы и факты неприкрытого крохоборства строго карал провинившихся лично и при помощи правоохранительных органов.

Что же Петр Иванович Ивашутин сделал положительного для ГРУ и страны? Есть смысл перечислить некоторые вехи без особых подробностей в силу специфики темы:

- немногие знают, что, будучи еще в должности первого заместителя председателя КГБ при СМ СССР, принимал непосредственное участие в разработке шпиона Пеньковского;

- руководя специальной комиссией, снял обвинения с генерала А.А. Брусилова за его антисоветские высказывания в рукописи «Мои воспоминания», обнаруженные в архивных материалах гитлеровской Германии. Это оказалось геббельсовской фальшивкой;

- укрепил систему подготовки высококвалифицированных кадров военной разведки;

- сохраняя традиционные формы ведения разведки, он стал уделять значительное внимание внедрению в практику сбора и обработки разведсведений о новых достижениях в области радиоэлектронной техники;

- он явился основоположником применения космической разведки в системе ГРУ — глаз разведки;

- учитывая устремления Вашингтона приблизить к границам СССР подразделения и посты радиоэлектронной разведки (РЭР), он поддержал предложение о создании на Кубе специальной группы РЭР, нацеленной на разведку стратегических ядерных сил США;

- большое, если не первостепенное внимание уделял добывающим управлениям — стратегической

агентурной разведке и делал все, чтобы эти подразделения ГРУ были обеспечены лучшими кадрами;

— в период его руководства ГРУ действовали смелые наши разведчики и агенты: Мария Доброва, Джек Э. Данлап, Стиг Эрик Веннерстрем, Дмитрий Волохов, Дитер Герхард, Стиг Берглинг, Манфред Раммингер, Жан-Луи Жанмер и многие другие, у которых были псевдонимы. Освящать в открытой прессе характер их тайной деятельности еще не наступило время. Специальный архив военной разведки умеет хранить эти сведения из гуманитарных и оперативных соображений;

— он придал импульс стремительного развития радиоразведки — ушей добывающих органов;

— при его управлении в ГРУ стремительно набирали обороты процессы внедрения электроники в жизнь;

— он не был родоначальником подразделений и частей Спецназа ГРУ, но при нем они обрели второе дыхание, именно ему принадлежит честь создания его в обновленном качестве...

Именно стараниями и умом генерала Петра Ивановича Ивашутина ГРУ Генштаба ВС СССР и РФ превратилось в лучшую военную разведку мира, не имевшую равных ни по охвату агентурной сети, ни по уровню технического оснащения, ни по ценности получаемой стратегической информации.

Часть 2

Военная контрразведка

*Без контрразведки — армия и страна
— беззащитны!*

Петр Ивашутин

Генезис военной контрразведки таков:

- (Всеголоваштаб) (май 1918 — сентябрь 1918);
- отдел контрразведки Высшего военного совета;
- отделение Военного контроля Оперативного отдела (Оперод) Народного комиссариата по военным делам (Наркомвоен) (сентябрь 1918 — ноябрь 1918),
- отдел Военного контроля Оперативного отдела (Оперод) Народного комиссариата по военным делам (сентябрь 1918- ноябрь 1918);
- отдел Военного контроля (1-й отдел, Отвоенкон) Регистрационного управления Полевого штаба РВСР (ноябрь 1918-декабрь 1918);
- Военный отдел ВЧК;
- Особый отдел ВЧК;
- Особый отдел СОУ ГПУ;
- Особый отдел ОГПУ;
- 4-е отделение Особого отдела ОГПУ;
- Особый отдел ГУГБ НКВД СССР (июль 1934 — декабрь 1936);
- 5-й (особый) отдел ГУГБ (декабрь 1936 — июнь 1938);
- Второе управление НКВД СССР (июнь 1938 — сентябрь 1938);
- 4-й (особый) отдел ГУГБ (сентябрь 1938 — февраль 1941);

- Третье управление НКО (февраль 1941 — июль 1941);
- Третье управление НКВМФ (февраль 1941 — январь 1942);
- Третий отдел НКВД (февраль 1941 — июль 1941);
- Управление особых отделов НКВД СССР (июль 1941 — апрель 1943);
- Главное управление контрразведки (ГУКР) Смерш НКО и ГУКР Смерш НКВС СССР (апрель 1943 — март 1946);
- ГУКР Смерш Министерства Вооруженных сил (МВС) СССР (март 1946 — май 1946);
- Управление контрразведки Смерш НКВМФ (апрель 1943-май 1946);
- Отдел контрразведки Смерш НКВД СССР (апрель 1943 — май 1946);
- Третье главное управление МГБ СССР (май 1946 — март 1953);
- Третье управление МВД СССР (март 1953 — март 1954);
- Третье главное управление КГБ при СМ СССР (март 1954);
- Третье управление КГБ при СМ СССР;
- Третье управление КГБ СССР;
- Третье главное управление КГБ СССР;
- Главное управление военной контрразведки МСБ;
- Управление военной контрразведки (УВКР) МБ;
- Управление военной контрразведки (УВКР) ФСК;
- Управление военной контрразведки (УВКР) ФСБ;
- Управление военной контрразведки (УВКР) Департамента контрразведки (ДКР) ФСБ;
- Управление военной контрразведки (УВКР) ФСБ;
- Департамент военной контрразведки (ДВКР) ФСБ РФ.

Советская военная контрразведка родилась 19 декабря 1918 года. Эта структура с момента ее зарождения занималась и занимается очень важной для безопасности страны и вооруженных сил деятельностью: выявлением лиц, сотрудничающих с иностранными разведками, борьбой с террористами, коррупционерами, наркоманией и другими преступными явлениями в армейских рядах.

Путь военной контрразведки был тернист и сложен. Эта служба неоднократно меняла свои названия и подчиненность, но содержание ее работы оставалось неизменным. Впервые подразделение, к сожалению, с размытыми задачами для военной контрразведки появилось накануне Первой мировой войны в 1911 году. Но оно несло на себе функции регистрационного и отчетного учреждения, а не руководящей инстанции. Российская императорская армия дорого заплатила на полях сражений из-за отсутствия этого органа. В числе истинных подвижников, стоящих у истоков российской военной контрразведки, можно назвать генерал-майора Генерального штаба Н.С. Батюшина. Это он потом писал об игнорировании большим военным и политическим руководством страны создания «ангела-хранителя армии» — военной контрразведки:

«...Мы заплатили сотнями тысяч жизней, миллионы денег и даже существованием самого государства».

Несколько лет назад на Николо-Архангельском кладбище в Подмоскovie был торжественно перезахоронен прах одного из основателей русской военной разведки и контрразведки Генерального штаба генерал-майора Н.С. Батюшина. Это под его непосредственным руководством был завербован полковник австрийского генштаба Альфред Редль-

офицер контрразведки, двойной агент, работавший на Россию и Италию.

Но той страны после октября 1917 года уже не существовало. Поэтому новой армии нужна была своя военная контрразведка, способная бороться с диверсантами и шпионами. Сначала были созданы Военный отдел ВЧК и Военный контроль (ВК), в который было принято на службу некоторое количество царских офицеров, прежде служивших в контрразведывательных отделах армии. На появившуюся двойственность в организации управления контрразведкой обратил внимание старый большевик Виктор Эдуардович Кингисепп, прикомандированный к ВЧК.

В одной из бесед он доказал своему начальнику, что «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань...». Феликс Эдмундович Дзержинский внял аргументам Кингисеппа. 12 декабря Ф.Э. Дзержинский телеграфировал Л.Д. Троцкому о своем желании утвердить кандидатуру Кедрова в качестве заведующего *«в целях персонального объединения Военного контроля с военным отделом ВЧИ»*.

17 декабря С.И. Аралов — первый руководитель Регистрационного управления Полевого штаба Реввоенсовета республики (РВСР), пригласил на заседание Реввоенсовета республики «для окончательного рассмотрения вопроса о ВК РВСР» членов «Комиссии по ревизии и реорганизации...» — руководителя Военного отдела ВЧК М.С. Кедрова и нового начальника отдела ВК В.Х. Штейнгардта, который прибыл на заседание с проектом «Положения об Особом отделе» — это был соответствующим образом переработанный ноябрьский вариант «Положения о Военном контроле».

19 декабря 1918 года состоялось заседание бюро ЦК ВКП(б) с участием председателя Совета народных

комиссаров В.И. Ленина. На нем заслушивался вопрос о Военном контроле, и было принято постановление, в котором говорилось, что «по вопросу об объединении деятельности ВЧК и Военного контроля решено согласиться с положением, выработанным при Реввоенсовете».

На этом заседании бюро ЦК ВКП(б) рекомендовало назначить заведующим Военным контролем Михаила Сергеевича Кедрова, если против его кандидатуры не будет возражать Реввоенсовет. Он не возразил. Глубокой ночью с 26 на 27 декабря 1918 года Реввоенсовет республики, в заседании которого приняли участие Л.Д. Троцкий, И.И. Вацетис, С.И. Аралов и начальник Полевого штаба Ф.В. Костяев, принял решение о назначении М.С. Кедрова начальником Особого отдела. В решении оговаривалось, что «общее руководство Особым отделом по указаниям Реввоенсовета республики лежит на члене РВСР Аралове», который входит «...постоянным членом с правом решающего голоса в коллегию Всероссийской чрезвычайной комиссии».

И тут мы видим взаимодействие военной разведки в лице Аралова с военными контрразведчиками.

Уже 4 января 1919 года Кедров издал приказ, предписывающий объединить военные отделы ВЧК и Военный контроль в рамках Особого отдела ВЧК. Двойственность системы военной контрразведки была таким образом ликвидирована. В том же году начальником Особого отдела ВЧК по совместительству стал сам председатель ВЧК Феликс Дзержинский. Таким образом, он взял на себя непосредственное руководство органами военной контрразведки.

В период «На той единственной Гражданской...» военными контрразведчиками было ликвидировано большое количество заговоров, в которых участвовали противники советской власти.

Все местные ЧК в зонах военных действий подчинялись особым отделам соответствующих армий и действовали совместно с ними. Весной 1919 года в связи с резким обострением обстановки на фронтах: наступление Юденича на Петроград, белофинской «Олонецкой добровольческой армии» со стороны Карелии и польских войск на Лиду, Барановичи и Вильнюс резко усилилась деятельность контрреволюционных организаций. Они организовывали забастовки на военных заводах Москвы, Петрограда и других крупных промышленных центрах, мятежи в гарнизонах. Участились случаи предательств на фронтах.

С учетом сложившейся тяжелой обстановки 31 мая Дзержинский подписал воззвание «Берегитесь шпионов!». Этим документом он призывал острее реагировать на провокации, повышать бдительность, активнее действовать в выявлении шпионов, диверсантов, террористов и заговорщиков. Размноженный ротапринтами текст воззвания доводился до сведения личного состава — от бойцов до командиров всех степеней.

С учетом этого 15 июня ЦК партии обязал Особый отдел ВЧК на всех фронтах без исключения, но особенно на Западном и Южном, провести глубокую проверку командного состава, железнодорожных служащих, технического персонала. Большую помощь армейским чекистам оказывали военнослужащие и местное население. Вот несколько примеров.

Так, учительница 74-й московской школы сообщила в ОО ВЧК, что у директора школы Алферова часто собираются неизвестные лица, причем посещают его квартиру с явными признаками конспирации. В ходе операции задержанные оказались курьерами Деникина.

Петроградские особисты вышли на след контрреволюционной организации, которая вывела их

на «Национальный центр» в Москве. В ночь на 29 августа чекисты провели операцию по ликвидации центра и аресту его участников.

В ноябре Особый отдел 7-й армии и Петроградская ЧК разоблачили крупный заговор, во главе которого стояли английский разведчик Поль Дюкс и начштаба 7-й армии бывший полковник Люндеквист.

Во второй половине 1919 года Красная армия разбила войска Колчака, Деникина и Юденича. В начале 1920 года Англия, Франция и Италия решили отменить блокаду Советской России. Так, что, как видит читатель, санкциями разного калибра Россию обкладывали наши «партнеры» не раз. Это время вошло в историю под названием «мирной передышки», что позволило хоть как-то преодолеть неимоверную разруху в стране и облегчить жизнь многострадающего народа.

В июне 1920 года сотрудники Особого отдела ВЧК в ходе оперативной разработки выявили и арестовали в Москве главного резидента 2-го отдела польского генштаба Игнатия Добржинского (псевдоним «Сверщ» — «Сверчок»), служившего политруком на курсах броневых частей. Первые глубокие по тактике допросы, похожие на монологи, построенные на убеждениях и веских аргументах, проведенные особоуполномоченным Особого отдела ВЧК А.Х. Артузовым, сделали свое оперативное дело. После первых отказов о сотрудничестве — произошла перевербовка вчерашнего противника советской власти. Он раскрыл состав не только московской, но и петроградской резидентуры и дал согласие на работу в системе военной контрразведки ВЧК. Теперь Добржинский стал сотрудником для особых поручений Особого отдела ВЧК под фамилией Сосновский, который оказал неоценимую услугу в разоблачении польской агентуры из так называемой контрреволюционной организации П.О.В. на Западном фронте. По возвращении с этого фронта

Игнатий Сосновский был награжден орденом Красного Знамени и официально зачислен в штат ВЧК, пройдя путь от рядового сотрудника ВЧК-ОГПУ-НКВД СССР до комиссара госбезопасности 3-го ранга (1935). Последняя должность — первый заместитель начальника Управления НКВД Саратовского края. К великому сожалению, в период репрессий 23 ноября 1936 года был арестован. Комиссией НКВД СССР и Прокуратурой СССР он по обвинению в шпионаже и участии в заговоре в Наркомате внутренних дел был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. 15 ноября 1937 года расстрелян. В последующем полностью реабилитирован.

20 июля 1920 года начальником Особого отдела ВЧК был назначен В.Р. Менжинский. В это время Красная армия вела ожесточенные бои с Врангелем силами Юго-Западного и Южного фронтов, особисты которых раскрыли и обезвредили организации, готовившие мятежи и вооруженные восстания в Одессе, Киеве, Харькове, Екатеринославе и других городах.

По инициативе Особого отдела ВЧК в конце 1921 года была начата оперативная игра «Трест», продолжавшаяся почти шесть лет и положительно повлиявшая на разоружение антисоветского подполья.

Большую работу военные контрразведчики ГПУ (с 6.02.1922) и ОГПУ (с 15.11.1923) провели на Дальнем Востоке во время его оккупации Японией и другими странами Антанты, а также против агентуры диктаторского режима Чан Кайши в Китае и белогвардейских банд разных «батек и атаманов» — Семенова, Гамова, Калмыкова, Унгерна, Птицына и других. Успешной деятельности военных контрразведчиков способствовала действенная помощь командиров и красноармейцев РККА, народных мстителей из многочисленных партизанских отрядов и конечно, местного населения, униженного и

оскорбленного иностранными агрессорами и помогающими белым.

В 1934 году Особый отдел ОГПУ вошел в состав Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР в качестве 5-го отдела (особого) отдела, а в 1938 году, после упразднения ГУГБ, на базе 5-го отдела было создано 2-е Управление особых отделов НКВД СССР. Однако в сентябре 1938 года по инициативе Лаврентия Берии Главное управление государственной безопасности было восстановлено в виде 4-го Особого отдела ГУГБ, отвечающего за деятельность военной контрразведки в центре и на местах в вооруженных силах Наркомата обороны СССР

О судьбе Михеева

Настоящий патриотизм не тот, который суется и чванится в торжественные минуты, а тот, который ежедневно и неумоимо заботится об общем благе и не бахвалится этим.

Артуро Граф

В это же время, когда произошло назначение на должность руководителя Разведывательного управления Генштаба боевого летчика И.И. Проскурова, в феврале 1939 года начальником Особого отдела НКВД СССР Орловского военного округа (ОВО) был назначен 28-летний слушатель выпускного 4-го курса Военно-инженерной академии РККА им. В.В. Куйбышева Анатолий Николаевич Михеев (1911-1941). В августе того же года он становится начальником Особого отдела НКВД СССР Киевского особого военного округа (КОВО), а с 23 августа 1940 года — руководителем Особого отдела в Центральном аппарате Главного управления государственной безопасности НКВД СССР с присвоением звания майора госбезопасности. Он принял дела у бывшего начальника Особого отдела ГУГБ НКВД СССР в период 1938-1941 годов Виктора Михайловича Бочкова (1900-1981), ставшего прокурором СССР.

После реорганизации системы органов военной контрразведки, когда бывшая армейская контрразведка 12 февраля 1941 года была передана из состава НКВД в военное ведомство, его назначают начальником 3-го Управления Наркомата обороны СССР в звании

дивизионного комиссара (старшего майора госбезопасности. — Авт.)

Находясь в Москве на высокой должности в системе военной контрразведки, в разное время подчиняющейся то Наркомату обороны СССР, то Главному управлению госбезопасности НКВД СССР, А.Н. Михеев с началом войны по поручению Сталина и Мехлиса проводил расследование причин неудач Западного фронта.

Спустя некоторое время после доклада начальника Особого отдела 10-й армии о недостойном поведении маршала Советского Союза Г.И. Кулика, вырвавшегося с небольшой группой красноармейцев из белостокской «мясорубки», его снова подключили к выяснению причин фактического бегства с фронта полководца столь высокого уровня.

Подробности просчетов в руководстве войсками этого крупного военачальника и действия руководителя военной контрразведки дивизионного комиссара А.Н. Михеева описаны в книге автора «С Лубянки на фронт».

Именно тогда заместитель НКО СССР, как говорили в Наркомате обороны, второй по суровости Лев после Троцкого — Лев Захарович Мехлис проводил по указанию Сталина свое «объективное» расследование фактов «предательства и трусости» командующего Западным фронтом Героя Советского Союза генерала армии Д.Г. Павлова. Провел быстро — командующего с группой фронтовых генералов торопливо обвинили и расстреляли.

Затем по указанию сверху Мехлис потребовал от Михеева отправить «толковых» следователей, чтобы «непредвзято» разобраться с историей Кулика. Что и было сделано.

Следователи Павловский и Комаров, во-первых, вскрыли дикую картину разгильдяйства со стороны командования и, в частности, поведения маршала Г.И. Кулика. Были подтверждены следующие факты:

паническое отступление отдельных наших частей под непосредственным подчинением «гостя Москвы», явная неподготовленность войск Западного фронта для организации дружного противодействия врагу, потеря управляемости войск, перебои при организации связи, оставление противнику складов с вооружением и боеприпасами, всепоглощающий пожар паникерства и т. д.

Их протоколы допросов дали основание Анатолию Михееву сделать свои выводы с такой суровой резолюцией: «Считаю необходимым Кулика арестовать...»

Конечно же, следует понимать резолюцию Михеева как задержать для выяснения подробностей столь постыдного поведения. Копии материалов, составленных в ходе допросов и обобщенные справки были переданы секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову по его указанию.

Считаю, уже тогда Михеев стал задумываться по поводу «показательных пороков» высшими партийными чиновниками военных разных степеней и ипостасях: в званиях и заслугах перед Отчизной. Момент истины для них был один, как и у народа, — отразить ненавистного, вихрем ворвавшегося на наши земли врага. Вот откуда взялся песенный образ у Булата Окуджавы «Мы за ценой не постоим...» из фильма «Белорусский вокзал».

И самое главное — Анатолий Николаевич видел вселенскую картину повального отступления и на других фронтах. Одной из причин неудач он считал неподготовленность приграничных военных округов к отпору врага, в том числе из-за медлительности командиров разных степеней и Генштаба в инженерном оборудовании новых пограничных рубежей СССР, появившихся после 1939 года.

Михеев пережил лихие тридцатые — страшный период ежовских репрессий, аресты и спешные

расстрелы, как правило, невинных военнослужащих. Он считал, что такой уровень социальной защиты, как ВМН (высшая мера наказания) — расстрел, — это не панацея от всех бед, порой искусственно усиленных партийно-административным аппаратом. Рассуждая об этих напастях в России, Анатолий Николаевич вспомнил, что где-то читал, что он не из тех, кто хочет выстирать флаг, вместо того чтобы сжечь его. Действительно, пролетарский красный флаг был забрызган в ходе репрессий кровью, в том числе и невинных советских граждан.

Вторая волна репрессий, безусловно меньшей силы, настигла советских граждан во время прихода в НКВД Лаврентия Берии. Чистки в армии и в самих органах государственной безопасности перед войной, и в самом ее начале достигали тоже внушительных цифр. Конечно, масштабы репрессивных чисток были не такими кровавыми, как при Ежове и Ягоде. А при Хрущеве разве не чистили МВД и КГБ от бывших сотрудников НКГБ и МГБ?

Чистили тысячами, в том числе только из-за того, что работали при Берии и Сталине. Но человек не выбирает время своего появления на свет. Люди, прожившие какой-то отрезок жизни, не могут задним числом исправить свою биографию. Они должны жить и работать с ней, имея возможность исправить каждый себя на новой стезе работы, службы, жизни.

Каждый чиновник, ставший большим и ответственным руководителем «своего» теперь ведомства, обязан по определению и его разумению создавать коллектив под себя. Эта традиция приглашения на службу хорошо знакомых, близких людей, верных не профессиональному долгу, а прихотям начальника большого или малого, к великому сожалению, не перевелась до сих пор. Как говорится, нас привязывают к жизни те, кому мы служим опорой...

А теперь несколько подробнее о новой госгранице.

После 1939 года и захвата Германией Польши встал вопрос изменения государственной границы СССР взамен проведенной в 20-е годы по Рижскому договору так называемой «линии Керзона». Тогда Польша захватила земли Западной Украины и Западной Белоруссии и усиленно проводила политику полонизации, что вызывало недовольство, стачки, бунты местного населения — украинцев и белорусов. Поляки на свою голову породили украинский воинствующий национализм из числа аборигенов Галиции.

Старая линия госграницы Советского Союза оставалась в глубоком тылу с построенными дотами и дзотами как с советской, так и польской стороны. С поражением Варшавы во Второй мировой войне и практическом прекращении существования как суверенного государства Польши, встал остро вопрос обустройства советской границы в инженерном плане на присоединенных территориях. Правительство и лично Сталин придавали большое значение сооружению на новых рубежах Советской России укрепрайонов с густой сетью траншей, окопов и блиндажей, а также долговременных хорошо пристрелянных огневых точек в бетонном и земляном вариантах.

Будучи начальником Особого отдела НКВД КОВО, А.Н. Михеев первую половину службы на Украине работал вместе с командующим округом генералом армии С.К. Тимошенко, с которым у него сложились прочные деловые и личностные отношения. Они понимали и уважали друг друга. Тимошенко видел в молодом руководителе армейской контрразведки качества масштабно мыслящего человека. И

действительно, Михеев много делал для сохранения высокого уровня боеготовности войск.

Вторую половину службы ему пришлось служить при другом командующем — генерале армии Г.К. Жукове.

Михеев, как специалист по инженерному оборудованию армейских позиций и вообще как думающая личность, неоднократно с тревогой докладывал новому руководителю войсками округа о появившемся замедлении темпов строительных работ в последние месяцы, их затягивании и фактах очковтирательства в делах инженерного оборудования на новой государственной границе.

Герой Халхин-Гола, освободитель Бессарабии и Северной Буковины и полководец РККА в будущей Великой Отечественной войне, Георгий Константинович, по мнению молодого начальника контрразведки КОВО А.Н. Михеева, несколько неадекватно отнесся к проблеме обустройства границы. Он считал, что главное — подтянуть как можно ближе к границе войска. Ох, как эта ошибка больно ударила по личному составу соединений 5-й и 6-й армий Юго-Западного фронта. Недостроенные УРы, ДОТы и ДЗОТы, а некоторые готовые, с завезенным вооружением, но без боеприпасов пришлось нашим воинам оставлять неприятелю, в спешке отступая под напором нацистской брони и, как правило, моторизованной пехоты.

Во время службы автора во Львове один из ветеранов пограничных войск, участник тех событий, помнится, на праздновании Дня Победы прямо сказал:

— Мы в своих земляных окопчиках и траншеях сутками сдерживали натиск наступающего врага, а если бы ошетинились армейские части УРами и ДОТами, мы бы его держали неделями, а может, и месяцами. Пришедшее наверняка подкрепление второго эшелона

обороны или резерва серьезно расстроило бы планы операции «Барбаросса» одолеть Россию блицкригом.

Была в этом замечании ветерана погранвойск своя сермяжная правда, а скорее — неопровергаемая истина. Михеев, как военный инженер, хорошо знал, что такое фортификация и ее искусство увеличения боевой мощи войск, занимающих ту или иную позицию, при помощи инженерно-технических сооружений. Они, в свою очередь, предназначались для укрытого размещения и наиболее эффективного применения оружия, военной техники, пунктов управления, а также защиты войск от воздействия неприятельского как полевого, так и воздушного огня...

Всепожирающее пламя войны разгоралось все ярче. Пылали города и села, снаряды и бомбы разрушали заводы и фабрики, железнодорожные узлы и жизненно важные коммуникации, выстроенные руками советских людей в годы предвоенных пятилеток. Все это остро понимал чекист с дипломом военного инженера. Он убеждает себя, что может сделать большее для безопасности страны на фронте. Эта мысль заставила в конце концов сесть и написать рапорт высшему руководству с просьбой отправить его в знакомый ему до недавнего времени КОВО, ставший Юго-Западным фронтом. Существует версия, что этот кадровый вопрос докладывался Сталину, который дал добро на назначение А.Н. Михеева на нижестоящую должность.

Думается, в его рассуждениях напряженно билась, пульсировала жилка — лучше отдать кровь, а может, и жизнь в борьбе за Родину на поле брани, чем ее у тебя заберет палач, как это сделали с коллегой — руководителем военной разведки Проскуровым.

Покидал он кабинет на Лубянке в сопровождении своих недавних подчиненных. Выходя из четвертого подъезда, к нему обратился один из сотрудников:

— Анатолий Николаевич, когда вас ждать?

— Вернусь после победы! — последовал с некоторой грустинкой ответ. Он, как никто другой, понимал, куда, на какую бойню направляется. Но главное верил — враг будет разбит, победа будет за нами!

У подъезда его ждала эмка с тремя сотрудниками, которых он решил взять собой в дорогу на начавшуюся войну... Он действовал продуманно и совсем не кичился, не бахвалился, не чванился патриотическим порывом убыть с большой должности на понижение. Отправляясь на фронт, он считал такой поступок обыденным явлением гражданина, болеющего за Родину, свой народ, свою семью, униженных нацистскими варварами и поставленных на грань физического истребления россиян разных национальностей.

* * *

С 17 июля 1941 года он становится начальником Особого отдела НКВД Юго-Западного фронта. А через двое суток - 19 июля 1941 года — ему присваивают звание комиссара государственной безопасности 3-го ранга.

То, что он увидел под Киевом, еще раз убедило его в мысли, что неприятель силен и песенно-публицистичное шапкозакидательство — плохой советчик в борьбе с навалом «коричневых тараканов». Это сравнение, сказанное кем-то из его товарищей по Лубянке, ему понравилось, и он часто им пользовался.

Командующий фронтом Герой Советского Союза генерал-полковник М.П. Кирпонос принял нового начальника военной контрразведки, понимая, что ему на помощь прибыл человек, знающий театр военных действий. Ведь до недавнего времени он служил на этой должности в КОВО. А еще командующему

понравился сам подход армейского чекиста в получении крайне необходимой информации для нужд личного состава фронта путем создания оперативных групп для ведения дальней разведки в тылу противника.

Кирпонос был несколько недоволен скудостью той информации, которая имелась в Разведотделе (РО) штаба фронта. Он не раз на эту тему беседовал с начальником Разведывательного отдела (РО) фронта полковником Г. И. Бондаревым.

— Мне нужны данные не биноклей, а сведения большей глубины: какие и сколько частей на подходе к Киеву, идут ли своим ходом или доставляются эшелонами, где немцы сосредотачиваются, куда двигается бронетехника противника, — распекал командующий руководителя РО, всегда исполнительного и толкового командира, полковника Бондарева Григория Ивановича: — Мы с вами отстаем. Михеев уже подготовил две разведгруппы. И его хлопцы начали продуктивно работать. Они готовы нам помочь. Свяжитесь с Анатолием Николаевичем. Он хотя и молод, но знает толк в военном деле.

— Есть, товарищ генерал... Сейчас допрашиваем одного языка — полкового штабиста. Результат срочно вам доложу, — понутив голову, вяло отвечал полковник.

— Вы поняли, что от вас мне сейчас позарез нужно?

— Так точно! — ответил начальник разведывательного отдела фронта, готовясь закончить встречу привычным вопросом «разрешите идти?» Но, прежде чем высказать эту короткую традиционную военную обязанность, он услышал:

— Идите, — уставшим от многодневного недосыпания голосом закончил беседу командующий с главным военным разведчиком его огромного хозяйства под названием — фронт.

Следует заметить, что на Юго-Западном фронте такие оперативные группы были организованы раньше,

чем на других фронтах, и несомненная заслуга в том принадлежала комиссару госбезопасности 3-го ранга А.Н. Михееву.

Бондареву с главным военным контрразведчиком фронта удалось встретиться только под вечер. Анатолий Николаевич возвратился после боя на южной окраине Киева в районе Голосеевского леса, пропитанный специфически стойким запахом пороховых газов, уставший и покрытый серым слоем пыли.

Обстановка вынуждала прицельно действовать. Уже через несколько часов после этой встречи с командующим Григорий Бондарев поймал Анатолия Михеева. Обсуждая вопросы, поставленные командующим фронтом, начальники военной разведки и военной контрразведки договорились о конкретных совместных действиях по повышению эффективности получения нужной для командования фронта информации о противнике...

К великому сожалению, оба руководителя погибли в один месяц в сражениях на Киевском плацдарме: начальник военной разведки фронта Григорий Иванович Бондарев — 17 сентября, начальник военной контрразведки фронта Анатолий Николаевич Михеев — 21 сентября 1941 года...

Люди, воевавшие тогда вместе, присягали на верность Родине и народу, родному очагу и семье — тоже вместе, и умирали с мыслью, что единство людей — не победить!

Рождение Смерша

В годы Великой Отечественной войны легендарный Смерш завоевал право считаться лучшей, самой заслуженной и эффективной контрразведкой в истории, разгромив спецслужбы Третьего рейха.

Борис Сыромятников

Суровым испытанием для военных контрразведчиков стала Великая Отечественная война. В феврале 1941 года было воссоздано Управление особых отделов, в состав которого вошло 3-е Управление Наркомата обороны СССР и Особый отдел НКВД СССР.

Опыт боевых действий РККА первых месяцев войны и система мер по обеспечению боеспособности армии и ее ограждения от проникновения враждебного элемента указали на необходимость радикальных перемен в структуре органов военной контрразведки.

Как ни странно, перемен ждали как армейцы, так и особысты. И этот момент настал...

Постановлением Государственного комитета обороны СССР 19 апреля 1943 года по инициативе Сталина и руководства органов ГБ было создано легендарное Главное управление контрразведки (ГУКР) Смерш Наркомата обороны СССР. В качестве его названия был выбран лозунг «Смерть шпионам!», или кратко — Смерш. Этот орган непосредственно подчинялся наркому обороны И.В. Сталину, а начальником был назначен комиссар госбезопасности 3-го ранга Виктор Семенович Абакумов. Помимо ГУКР Смерш НКО СССР, собственное Управление Смерш было

создано в Наркомате ВМФ СССР, а в НКВД СССР был учрежден Отдел Смерш. Для улучшения конспирации в работе всем оперативникам Смерш было приказано носить форму войск, в которых они несли службу. Казалось, незначительная забота о сохранении служебной тайны, но в вопросах конспирации мелочей у контрразведчиков не бывает.

На органы Смерш возлагались задачи борьбы со шпионажем, диверсионными и террористическими проявлениями, дезертирством, членовредительством, паникерством, злоупотреблениями командного состава и другими воинскими преступлениями. Сама аббревиатура Смерш хлесткая, как выстрел, наводила ужас не только на противника, но и на преступников и правонарушителей в армейских рядах.

Кроме того, по мере освобождения оккупированных территорий Советского Союза органы Смерш приступили к выяснению фактов, обстановки, событий, происходивших во время оккупации, в том числе выявляли лиц, сотрудничавших с гитлеровскими войсками и администрацией — полицаев, предателей и других пособников.

К великому сожалению, в период горбачевской перестройки и ельцинского «безвременья» да и сегодня тоже в отдельных публикациях органы Смерш изображаются исключительно в образе безжалостных карателей, стреляющих в спины своих солдат и преследователей советских военнослужащих за мельчайшие правонарушения. Но это было не так, а скорее совсем не так.

Автор, как коллега старшего поколения военных контрразведчиков эпохи Смерша, который в 2018 году отметил свой 75-летний юбилей, решил в этой главе не давать оценку итогам работы армейских чекистов в годы войны, а задумал предоставить слово независимому журналисту Илье Полонскому, который в

своей статье «День военной контрразведки» в «Военном обозрении» написал:

«Конечно, в деятельности Смерша, как и любой другой структуры, имели место ошибки и перегибы, и, учитывая специфику, эти ошибки могли привести к поломанным судьбам и стоить кому-то жизни. Но обвинять весь Смерш в этих ошибках и даже преступлениях недопустимо.

Смершевцы с оружием в руках сражались против гитлеровских оккупантов, полицаев, коллаборационистов, участвовали в ликвидации банд уголовных преступников и дезертиров, которые орудовали в лесных массивах, в сельской местности и освобождаемых городах. Неоценим вклад Смерша в восстановлении советской власти, законности и порядка на освобожденных территориях Советского Союза. Многие сотрудники контрразведки Смерш погибли в боях с противником, пали при исполнении служебных обязанностей в тылу. Например, во время боев за освобождение Белоруссии погибли 236 сотрудников Смерша и пропали без вести еще 136 сотрудников. Оперативные работники Смерша в среднем служили по три-четыре месяца, после чего выбывали в связи с гибелью на боевом задании или получением ранения.

Сотрудники Смерша старший лейтенант Петр Анфимович Жидков, лейтенант Григорий Михайлович Кравцов, лейтенант Михаил Петрович Крыгин, лейтенант Василий Михайлович Чеботарев были посмертно удостоены высокого звания Героев Советского Союза. Но очень много смершевцев золотые звезды не получили, хотя и вполне заслужили — на награды контрразведчикам власть не отличалась особой щедростью».

Думается, что под этими словами подпишутся многие трезвомыслящие люди, которым дорога та часть

истории армейской контрразведки, которая была ошельмована либералами, оживившимися в лихие 90-е, и недоброжелателями «пятой колонны».

После Победы органы Смерш занимались изучением и фильтрацией мирного населения, насильно вывезенного в Германию, а также солдат и офицеров, возвратившихся из плена. Они просуществовали до мая 1946 года, времени образования Министерства госбезопасности, которое возглавил руководитель Смерша генерал-полковник В.С. Абакумов, сгоревший в пламени подковерной борьбы политиканов. Его считают одной из самых загадочных и трагических фигур советской истории. Следственное дело Виктора Семеновича засекречено до сих пор, а имя его на десятилетия вычеркнуто из народной памяти. А ведь вклад Смерша и его руководителя в Победу невозможно переоценить — это они, «сталинские волкодавы», переиграли и разгромили спецслужбы Третьего рейха.

Заслуга военной контрразведки в ипостасях особых отделов и Смерша в годы войны очевидна, в том числе по защите от проникновения немецкой агентуры в подразделения военной разведки РККА. Вместе с особистами и смершевцами достойно громили осиные гнезда противника и военные разведчики...

13 марта 1954 года вместо МГБ был создан КГБ — Комитет государственной безопасности при СМ СССР, а 18 марта в составе КГБ стало действовать 3-е Главное управление КГБ. С 1960 по 1982 год оно называлось Третьим управлением, а в 1982 году ему был возвращен статус Главного управления КГБ СССР. Особые отделы были созданы во всех военных округах, группах войск и флотах. В 1983 году было создано Управление особых отделов, отвечающее за контрразведывательную работу во Внутренних войсках МВД СССР.

Серьезным испытанием для военных контрразведчиков стали события в Афганистане и

Чечне, о чем много уже написано в литературе и создано в кино.

Чехарда переименований органов ГБ и военной контрразведки в окаянные 90-е годы показала, что ельцинская власть опасалась суровой критики разрушительных действий политиканов «либерального» толка со стороны честных и порядочных контрразведчиков. От многих она избавилась увольнениями, но большая часть покинула службу по своей инициативе. Новая власть быстро поняла истину, что долго держать на поводке трудовой народ, уставший от кровопролитной войны, нельзя, — анархия развалит и новую, еще не сформировавшуюся полностью страну.

Для того чтобы выстраивать державу на новых принципах, нужно иметь рычаги управления, в том числе и Вооруженными силами. Время требовало стремительности в восстановлении управления разбалансированной страной через создание правоохранительных органов. Сегодня в структуре ФСБ четко работает Департамент военной контрразведки (ДВКР) ФСБ РФ.

Вся система перестройки управленческих звеньев вне рамок этого повествования. Речь пойдет о рождении Россией действительно двух «детей-сестер»: военной разведки и армейской контрразведки. Они были крайне нужны в период разворачивающейся в начале 1918 года полномасштабной Гражданской войны, а затем агрессивных поползновений 14 стран Антанты во главе с англосаксами и гитлеровской Германией в войне 1941–1945 годов.

Руководствуясь принципом, необъятное объять невозможно, автор остановится только на некоторых событиях совместной деятельности в тайной борьбе с противником по старшинству — военной разведки (5.11.1918) и военной контрразведки (19.12.1918) на

разных этапах их становления и развития за период столетнего существования.

Они сражались вместе

Где единение, там и победа.

Публилий Сир

Это событие произошло на 2-м Прибалтийском фронте в середине осени сорок четвертого года. Зафронтная агентура Управления контрразведки Смерш сообщила оперативникам о том, что в Риге по адресу ул. Андреа Пумпура в доме 3/5, в здании бывшего японского посольства находится одно из важных подразделений абвера — абверштелле (АСТ) «Остланд». Этот орган проводил разведывательную и контрразведывательную работу с оккупированной территории против СССР и его вооруженных сил.

По данным военной разведки, в основном здании находился радиоцентр для связи с Берлином и штабом «Валли».

АСТ «Остланд» вел активную подрывную, в том числе и разведывательную, диверсионную и террористическую деятельность против советских войск северных участков 2-го Прибалтийского и других наших фронтов. Контрразведывательные операции АСТ проводил на территориях Прибалтики, северных районов Белоруссии и Украины, а также Псковской области.

У начальника УКР Смерш 2-го Прибалтийского фронта генерал-майора Николая Ивановича Железникова давно чесались руки вскрыть этот рижский гнойник абвера. Но сил и информации было маловато, да и фронт еще далековато находился от АСТ. А птенцы этого «осинового гнезда» продолжали действовать активнейшим образом. Как на ротапринте

штамповались бумаги, так же быстро готовились и «залетные птицы». Только с января 1943 по август 1944 года АСТ были подготовлены и переброшены в советский тыл около 300 агентов. Их переброска велась в основном по воздуху, с Рижского и Псковского аэродромов группами от 3 до 16 человек.

Начальник разыскного отделения УКР Смерш фронта подполковник А.А. Шурепов после разоблачения его подчиненными агента немецкой разведки — местного гражданина некоего Лангаса выяснил, что в латвийской столице на улице Свобода в доме № 81 находится пересыльный пункт АСТ, где немецкой агентуре вручались поддельные документы. При инструктажах им доводилась легенда прикрытия и линия поведения при действиях в тылу советских войск. У Шурепова созрел дерзкий план захвата школы до эвакуации ее личного состава...

«В ней, вероятнее всего, имеется картотека на всю заброшенную и забрасываемую агентуру, — рассуждал сам с собой подполковник. — И мы сможем их арканить не поодиночке, а ловить пачками — по спискам. Идею подскажу начальнику...»

Холодным октябрьским вечером с пронизывающим ветром высокий подполковник атлетического телосложения направился в блиндаж к своему начальнику генералу Железникову. Низкий дверной проем заставил Шурепова согнуться в три погибели. У него роились мысли одна хитрее и авантюرنее другой.

— Николай Иванович, Лангас «потек» — признается во всех своих грехах. И вот у меня родился план захвата рижской школы до подхода наших войск, — докладывал оперативник своему руководителю.

— А силенок у нас хватит? — прищутив глаза, превратив их в узкие щелочки, проговорил Железников.

— Думаю попросить помощи у разведчиков.

— Все это надо решать через командующего. Я завтра же переговорю с ним, и тогда можно выстраивать реальные планы...

* * *

Вообще о Л.А. Говорове на фронте ходили разговоры как о порядочном, внимательном человеке и полководце с высокой штабной культурой. Он жалел солдат, чем-то напоминая «советского Суворова» К.К. Рокоссовского. Пройдет время, и маршал Советского Союза А.М. Василевский скажет о нем так:

«Требовательным и настойчивым был Л.А. Говоров. Внешне он казался сухим и даже угрюмым, но на самом деле он был добрейшим человеком. Он никогда ни на кого не повысит голоса, и если был чем-то недоволен, то либо смолчит, либо пробурчит что-то про себя. Организованности Леонида Александровича можно было позавидовать, Ни один офицер управления фронта не сидел у него без дела. Он отлично знал работу штаба, но не брал на себя функции, которые надлежало выполнять начальнику штаба».

Вот таким был командующий Ленинградским, а потом 2-м Прибалтийским фронтом маршал Л.А. Говоров.

Созвонившись утром с Леонидом Александровичем, с которым у Железникова были теплые деловые и личные отношения, Николай Иванович вошел в полевой кабинет командующего фронтом.

— Здравия желаю, Леонид Александрович, — войдя, поприветствовал чекист командующего.

— Желаю и тебе такого же здравия, Николай Иванович. Что нового на полях незримого фронта? Наверное, стало меньше желающих повоевать в наших тылах?

— Этой грязи пока не перевелось. От нее мы активно освобождаемся. Как я вам уже докладывал, разоблаченный нами латыш Лангас подсказал нам идейку...

— Какую?

— По его наблюдениям, а затем и устоявшемуся мнению, в Рижской школе абвера до массовой эвакуации немцев перед наступлением нашего фронта могут оставаться интересные для нас документы — списки преподавательского состава и немецкой агентуры, заброшенной в наш тыл. Есть предложение моего главного разыскника подполковника Шурепова направить в Ригу оперативную группу и захватить школу. Лангас знает хорошо не только Ригу, но и место расположения этого «осинового гнезда».

— Латыш не предаст? А то можете оказаться в роли поляков при местном Сусанине. Единожды предавшему нет веры. Он может еще предать. У таких типов все свойства собаки, за исключением верности, — предостерег командующий.

— Леонид Александрович, а куда ему деваться. Война кончается, и не в пользу прибалтов. Германия на ладан дышит. Боевая оперативная группа может захватить трофеи и вернуться в расположение войск, — пояснял генерал Железников маршалу Говорову.

— Подкрепление нужно? — прямо, со знанием чекистского дела спросил хозяин кабинета.

— Да! — так же откровенно признался начальник УКР Смерш фронта.

— Тогда договаривайтесь с Масловым. Я ему отдам приказ связаться с вами...

Начальника Разведывательного отдела фронта генерал-майора Михаила Степановича Маслова хорошо знал Н.И. Железников. Не один раз они поддерживали своих подчиненных в совместно проводимых операциях.

Через сутки на оперативной летучке сидели в штабном помещении генералы Н.И. Железников, М.С. Маслов, подполковник А.А. Шурепов и капитан и М.А. Пospelов. Последний, согласно плану операции, должен возглавить оперативную группу по захвату рижской школы абвера.

Когда заговорили о войсковом прикрытии чекистской группы, главный военный разведчик фронта генерал-майор М.С. Маслов предложил в помощь взвод спецназа — отмеченных смелостью, хваткой и своей тактикой парней — армейских разведчиков, прошедших специфическими дорогами войны. А эти дороги всегда были связаны с риском «не вернуться из боя». Итак, операцию поручили провести молодому, способному и смелому военному чекисту капитану Михаилу Андреевичу Пospelову. За его плечами уже был опыт партизанской борьбы в тылу врага. Поздней осенью 1941 года партизанский отряд, где комиссаром был Пospelов, в яростном бою разгромил фашистский гарнизон одной из деревень под Старой Руссой. Освободил из плена более четырехсот красноармейцев и командиров и взорвал немецкий артиллерийский склад. В этом бою Михаила тяжело ранило. После выздоровления он опять участвовал в боевых операциях партизан.

В 1942 году Пospelова отозвали из-за линии фронта и направили на службу в военную контрразведку. К октябрю 1944 года он уже приобрел богатый опыт контрразведывательной работы. Как говорили ветераны, на войне учатся и мужают быстро.

Накануне операции группа Пospelова из пяти человек: четверо оперативников, а пятый — Лангас, хорошо знавший не только улицы Риги, но и расположение абверовского разведоргана, отправилась на операцию. Ему поверили, так как понимали, бывшему

резиденту надо отрабатывать за свои грехи, а сбежать к отступающим немцам — не логично.

В ночь на 13 октября 1944 года группа Пospelова, переодевшись в гражданское платье под видом местных граждан, благополучно перешла линию фронта и незаметно вышла к окраине города. Под покровом темноты Лангас провел группу к объекту операции — двухэтажному неказистому зданию, стоящему на узкой старинной улочки Риги. В нем и располагался один из разведывательных отделов абверштилле — (АСТ) «Остланд».

Договорись снять бесшумно часовых, что и было «без писка» сделано. Но, ворвавшись внутрь здания, где было темно и тихо, контрразведчики неожиданно наткнулись на группу засидевшихся допоздна абверовцев. Они и открыли беспорядочную стрельбу. Смершовцам удалось быстро уничтожить их, найти сейф с картотекой и некоторые другие оперативно значимые документы. Однако звуки выстрелов привлекли внимание патрулей. Скоро все здание было окружено гитлеровцами. Завязалась жестокая кровавая сшибка. Пятеро смельчаков из Смерша противостояли батальону немцев.

— Ребята, надо продержаться, — скомандовал Пospelов. — Нас выручат... Наступление должно начаться или уже началось.

В ход пошло в том числе оружие и гранаты противника. Вскоре Пospelов и еще один чекист были ранены, но продолжали сражаться. Воины слышали дальний гул канонады, стремительно приближавшейся к городу.

Как было оговорено с командующим фронтом, одному из подразделений войсковой разведки были даны точные координаты того места, где сражались чекисты. Группа воинов-разведчиков спецназа спешила, чтобы выручить военных контрразведчиков. И вот они

услышали рядом с домом сухие автоматные очереди наших ППШ и разрывы «своих» гранат. Война развила музыкальный слух — воины определяли звуковые оттенки стреляющего оружия.

— Ура!!! — закричали оборонявшиеся сразу все вместе. Немцев этот яростный крик и стремительно приближающая стрельба повергли в шок. И вдруг они в панике побежали. Это наши автоматчики — группа спецназа из соседнего переулка открыла по ним шквальный огонь...

Когда оперативные работники стали изучать содержимое картотеки и других сейфовых документов, нарисовалась четкая картина агентурного круга изучаемых и преподавателей рижского разведоргана АСТ «Остланд».

В результате смелой операции военные контрразведчики арестовали десятки немецких агентов, проходивших по этой картотеке и работавших в тылу наших войск. Командующий войсками фронта и руководство Управления контрразведки Смерш в Москве остались довольны совместной работой военной контрразведки и военной разведки. Это была хорошо просчитанная и дерзкая операция. Всех ее участников представили к правительственным наградам...

В поисках своих нелегалов

Разведчики-нелегалы — люди особой судьбы. Такими их делает специфика работы вдали от Родины, тайная жизнь под чужими именами и с фиктивными документами.

Николай Шварёв

Об одной совместной операции, проведенной военными контрразведчиками Управления контрразведки (УКР) Смерш НКО СССР и разведчиками Разведывательного Отдела (РО) 3-го Украинского фронта в 1944 году, и решил поведать автор этой книги.

Органы особых отделов, а затем Смерша продолжали последовательно улучшать зафронтовую работу. Получил свое развитие и окреп процесс внедрения сотрудников и агентов в военно-разведывательные и карательные органы противника, его многочисленные специальные школы. Так, на протяжении оккупации Одессы гитлеровцами в городе активно действовала группа наших агентов-нелегалов, внедрившихся в одну из немецких специальных школ абверштелле юга Украины по линии армейской контрразведки еще в начале войны.

Как известно, одной из основных задач абверовцев являлось выявление советской агентуры, подпольных коммунистических организаций, партийного и советского актива и партизанских отрядов. Но наряду с этим в своей практической работе названный орган занимался также и разведывательной деятельностью. Для этой цели он имел свои резидентуры, кроме

Одессы, в Николаеве, Симферополе, Кривом Роге, Мелитополе, Таганроге, Херсоне, Бериславле и Кировограде.

Со слов одного из плененных военными разведчиками сотрудника этого органа, бывшего штабс-капитана белой армии Браунера А.А., люди Канариса находились в тесном рабочем контакте с местными СД и ГФП. Агентура резидентурами приобреталась на месте путем вербовки антисоветских элементов из местных жителей. В вербовочной работе не брезговали даже откровенными уголовниками.

Во время боев за город с разведчиками-нелегалами, естественно, была потеряна связь, ее нужно было как можно скорее восстановить, потому что, несмотря на то что война заканчивалась, противник был еще силен, и во избежание дополнительных потерь нужно было знать о планах гитлеровцев по передислокации их частей и подразделений на новые рубежи. Обладание такой информацией позволяло нашему командованию более прицельно наносить удары по противнику артиллерией и авиацией. Для летчиков-бомбардировщиков знание позиций противника — полдела в успехе при бомбометании.

Ивашутин доложил свой план действий командующему фронтом с поиском нелегалов и в случае их обнаружения передачей им новых условий по связи — шифров и кодов. Ф.И. Толбухин его внимательно выслушал, а потом задал вполне резонный вопрос:

— Да, поиск наших нелегалов потребует от участников не только мужества, терпения, настойчивости. Как вы намерены действовать? А главное — через кого?

— Хочу, товарищ командующий, у вас попросить помощи, — откровенно ответил Петр Иванович.

— С личным составом?

— Да!

— Тогда надо, чтобы здесь присутствовал и Рогов — наш главный военный разведчик. Вместе вы сможете легче решить эту задачу...

Скоро в кабинете на командном пункте Толбухина сидели двое фронтовых руководителя: генерал-майор П.И. Ивашутин — начальник УКР Смерш и полковник, в сентябре сорок третьего получивший генеральское звание, А.С. Рогов — начальник Разведывательного отдела фронта. Задачи такого порядка во время войны решались часто, а поэтому качественно, быстро, со знанием дела. Того требовала оперативная обстановка окончания войны, которая научила беречь личный состав.

По оценке руководства советской военной контрразведки фронта, эти нелегалы из разведывательно-диверсионной группы (РДГ) должны были отступить вместе с немцами, для того чтобы продолжить свою работу на территории Румынии, Венгрии и Германии. Они нуждались в новых условиях связи с Центром, деньгах, аппаратуре и новых шифрах. Нужно было срочно направить связника.

Когда от командующего фронта были получено добро по личному составу, П.И. Ивашутин по договоренности с начальником разведывательного отдела фронта генералом А.С. Роговым обговорили конкретные кандидатуры из числа военных разведчиков.

Александр Семенович Рогов слыл опытным офицером военной разведки. Он родился в 1901 году в деревне Казанино Даниловского района Ярославской губернии в крестьянской семье. В РККА — с 1919 года. В 1924 году окончил учебу в разведывательном отделении Петроградских курсов среднего комсостава, через два года завершил учебу на тактикострелковых курсах усовершенствования командного состава.

Командовал ротой, батальоном, был помощником командира стрелкового полка.

Как способного командира его направили на учебу в Военную академию имени М.В. Фрунзе. Закончил в ней восточный факультет в 1936 году со знанием иностранного языка. Проходил затем службу в должностях замначальника 5-го (разведывательного) отдела штаба Ленинградского ВО, начальника моботделения по подготовке кадров разведслужбы в Разведупре (РУ) РККА, резидента РУ в Харбине, начальника 3-го и 4-го отделов РУ Генштаба РККА.

Он испытал судьбу и в героически сражавшейся 2-й Ударной армии Волховского фронта, о тяжелейшем для него и армейском объединении 1942 года, после чего служил начальником РО Юго-Западного и 3-го Украинского фронтов. С 1949 года — начальник оперативной разведки 2-го Главного управления Генштаба ВС СССР и 1-й заместитель начальника 2-го Главка. В 1954–1956 годы — военный атташе при Посольстве СССР в Великобритании, в 1959–1963 годах — заместитель начальника ГРУ Генштаба ВС СССР.

В начале шестидесятых он станет первым заместителем начальника ГРУ и, к сожалению, погорит из-за предательства шпиона — полковника Пеньковского и шкурного приказа начальника ГРУ генерала армии Ивана Серова подтасовать факты с целью обмана комиссии. Рогов согласился исполнить приказ начальника — вырвать некоторые бумаги из личного дела полковника Пеньковского... За этот аморальный легкомысленный проступок он был сурово наказан командованием. Его — генерал-полковника — лишили этого высокого звания с понижением на две ступени — до генерал-майора. Но как классного специалиста, высокого профессионала ему дали возможность служить в качестве советника начальника ГРУ еще более десяти лет.

По всей вероятности, новый руководитель военной разведки Генштаба ВС СССР генерал-полковник Петр Иванович Ивашутин, хорошо знавший своего коллегу по фронтовым будням, сделал все что мог, чтобы минимизировать суровое наказание боевому генералу, который мог принести пользу в деле становления ГРУ при работе в новых условиях холодной войны, которая могла перерасти в ходе Карибского кризиса в очередную третью мировую войну.

Думая о принятом решении по генералу Рогову, его теперешний начальник, по всей видимости, мог рассуждать так: «Александр Семенович наказан, сурово наказан за дело. Человек, который никогда не ошибается, — ужасный зануда. Не ошибается только тот, кто ничего не делает, однако разного уровня бывают ошибки. Человек же, который не делает ошибок, получает приказы от тех, кто их делает. Вина тут Ивана Серова неоспорима. Он практически подставил в приказном порядке своего подчиненного совершить подлог. Не хватило в тот момент моему сослуживцу-фронтовику элементарной смелости указать начальнику на возможные негативные последствия!»

Вышел в отставку кавалер трех орденов Красного Знамени Александр Семенович Рогов уже в 1978 году. Скончался в 1992 году после развала той страны, которую он защищал в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами. Со слов сослуживцев, он больше переживал за порушенную политиками державу, чем за то наказание, которое получил в конце своей службы.

С другой стороны — это был высокий профессионал, который не устоял против преступного приказа своего непосредственного начальника генерала армии И.А. Серова, являвшегося в разное время фаворитом у Н.С.

Хрущева и Г.К. Жукова и люто ненавидевшего В.С. Абакумова.

Это он вместе с подполковником М.Д. Рюминым плели интриги через разного рода пасквили-письма Берию, Маленкову и Сталину в адрес Виктора Семеновича Абакумова, который был, в конце концов, в 1951 году арестован, а 19 декабря 1954 года расстрелян по прямому указанию Н.С. Хрущева.

* * *

Но вернемся к фронтовым событиям осени 1944 года.

Рогов вместе с Ивашутиным отобрали четырех лучших военных разведчиков во главе со старшим лейтенантом Иваном Трегубенко, командиром с крепким телом и духом. Петр Иванович вместе Александром Семеновичем их тщательно проинструктировали и поставили конкретное задание — пробраться в Одессу еще до того, как город будет освобожден советскими войсками. А то, что Одесса будет скоро очищена от немецких войск, никто не сомневался. Прекрасно понимали это и фашисты, которые с удвоенной энергией и утроенной осторожностью проводили свои последние фронтовые операции.

— Ваша задача, товарищи, из тех данных, которые вам вручены, — конспиративно выйти на указанных наших граждан, не привлекая внимания посторонних лиц. Немцы сейчас напуганы, поэтому максимально осторожны, так сказать, блюдут бдительность, — инструктировал Петр Иванович военных разведчиков вместе с Александром Семеновичем. — В случае задержания — примите решение на месте, так сказать, по обстановке. Но ни в коем случае нельзя, чтобы в руки

абвера попали наши шифры и коды. Освободиться от компрометирующих вас документов и других секретных материалов надо будет вплоть до подрыва их гранатой. Специалисты вам расскажут, как это лучше сделать.

— Товарищ генерал, мы не допустим такого, чтоб с гостинцами для друзей нас сцапали оккупанты, — южнорусским мягким говорком с типичным таканьем попробовал отшутиться Иван Трегубенко. — Такой радости мы им не доставим. Живым фашистам не дадимся, и секретов они от нас не получают. Мы их, если такое случится, вместе с собой на тот свет заберем, а там еще раз придушим.

— Не надо, товарищ Трегубенко, упрощать задачу, как и не надо ее бояться, — ответил Ивашутин. — Все вы хорошо подготовлены и прекрасно вооружены. Метко стреляете, владеете в совершенстве ходовыми иностранными языками — немецким и румынским. Опыта и смелости вам тоже не занимать. А предупредить — это почти то же самое, что и вооружить. В жизни, как в шахматах, побеждает предусмотрительность, а скромная предусмотрительность лучше безрассудного риска. Предосторожность проста, а раскаяние многосложно. Так что только с этими мыслями и в дорогу...

Петр Иванович поднялся из-за стола, похлопал руководителя поисковой группы старшего лейтенанта Ивана Трегубенко по плечу и каждому из разведчиков пожал руку.

— Удачи вам, невидимая гвардия! — улыбнулся Ивашутин.

Легенда, разработанная начальником управления контрразведки Смерш генерал-майором Ивашутиным и руководителем Разведотдела полковником Роговым была такова: Трегубенко должен был играть роль пленного советского офицера, двое других разведчиков — эсесовцев, а четвертый — румынского жандарма.

Соответствующие форма, удостоверения личности и знания необходимых языков у них имелись.

В ночь с 8 на 9 апреля разведгруппа благополучно перешла линию фронта через приготовленное военными разведчиками «окно», и оказалась в оккупированном городе. В условиях хаоса и неразберихи, созданных в ходе эвакуации Одессы, а подчас и панического бегства администрации города и командования гарнизона с подразделениями вражеских спецслужб, группа мужественных воинов все-таки вышла на нелегалов.

Не раз они натыкались на вражеских патрулей, но надежные документы, знание иностранного языка и четко разработанные легенда прикрытия и линия поведения наших военных разведчиков не позволили противнику к ним придраться.

На явочной квартире Трегубенко передал нашему резиденту дальнейшие условия по связи, деньги, а также шифры для засекречивания собранной информации. После этого военные разведчики так же грамотно организовали свое возвращение в штаб фронта. Да к тому же еще на окраине города прихватили с собой и говорливого языка — пехотного германского гауптмана (капитана). Сначала подумали — они пьяного обнаружили на одной из отдаленных от центра улиц Одессы, а он оказался элементарным наркоманом, наглотававшимся первитина сверх нормы.

Как пояснил доставленный в разведывательный отдел Ганс Штрюбе, так он значился по документам, солдатам и офицерам вермахта начали давать «бодрящие таблетки» еще в ходе польской кампании. С его слов, танкисты во время многокилометровых маршей, пилоты бомбардировщиков, экипажи подводных лодок, медперсонал, офицеры в штаб-квартире фюрера — все получали этот наркотический препарат. А еще пленный немец заметил, что многие

его друзья долдонят под кайфом одну и ту же бодрящую фразу: «Наслаждайся войной, потому что мир будет ужасен».

Употребление первитина было, по существу, альтернативой нашим «фронтовым сто граммам». Но наркотик есть наркотик, к нему человеческий организм быстро привыкает. Военные врачи нацистской Германии уже тогда предупреждали руководство вермахта, что при его регулярном употреблении период восстановления организма становится все длиннее, а действие наркотика все слабее. Это непроизвольно приводило к увеличению дозы и развалу психического состояния личности вплоть до потери сознания и летальных исходов.

Уже к середине войны среди гитлеровского воинства участились случаи суицида из-за появления противного чувства ненужности себя в этом мире непрекращающейся бойни, которую обещали руководители рейха завершить «блицкригом» в течение нескольких летних месяцев. Но для фюрера проблема «износа человеческого материала» не представляла особого интереса, особенно на заключительной фазе войны. Ему нужны были «полешки» для германо-советского костра.

Нужно отметить, что советское военное командование к тому периоду уже располагало данными об этом препарате, Ганс только лишний раз подтвердил факт поголовного использования этой бодрящей заразы. В директиве верховного командования вермахта от 1944 года говорилось:

«Возможные осложнения от применения препаратов и даже потери не должны беспокоить совесть медиков. Ситуация на фронте требует от нас полной отдачи...

Большое впечатление препарат производит из-за значительного уменьшения потребности во сне... Первитин помогает солдатам долго выдерживать

напряжение в особых условиях и поднимает настроение в любой ситуации...»

В Германии вся гитлеровская верхушка в буквальном смысле слова «жрала» так называемые стимуляторы. Геббельс сидел на уколах морфия, Геринг — на кокаине, Гитлер — на первитине, стрихнине, белладонне, Скорцени и его боевики — на наркотических коктейлях. Всем этим хозяйством занимались личный врач Адольфа Гитлера в период с 1936 по 1945 год и лечащий врач политической элиты Третьего рейха доктор-профессор Теодор Гилберт Морелль, а также профессор фармакологии Герхард Орчеховски.

Военнопленный Ганс Штрюбе рассказал, что проблема «таблеток для бодрости» в немецкой армии уходит корнями в историю еще франко-прусской войны 1870-1871 годов. Эта победа принесла Германии настоящую эпидемию. Так, многие вернувшиеся с войны солдаты и офицеры оказались больны... морфинизмом. Расследование показало, что инъекции морфия во время войны должны были не только утолять боль раненым, но и «помочь переносить тяготы походов» солдат и офицеров, находящихся в строю.

После боевых действий и длительных маршей на ночных стоянках и привалах, чтобы выспаться, германское воинство активно кололо себя новомодным тогда средством от всех болезней — морфием. Вообще история войн и история наркотиков переплетались самым тесным образом. Причина становилась следствием, а следствие — причиной.

Несмотря на создаваемый геббельсовской пропагандистской машиной образ арийского солдата, здорового и сильного духом, наркотики стали одним из ключевых факторов фашистской храбрости. Синтезированный немецкими химиками первитин поначалу казался волшебным средством. Однако со

временем принимающие его солдаты становились нервными, психически неустойчивыми, постоянно впадали в депрессии и на этом фоне совершали разного рода правонарушения.

После тщательного допроса военнопленного генералами Ивашутиным и Роговым были получены интересные материалы о силах и средствах противостоящей военной группировке вермахта, планах, вооружении и концентрации танковых соединений, арсеналах, запасных позициях. О результатах допроса фашистского офицера информировался командующий фронтом Федор Иванович Толбухин.

По итогам работы со Штрюбе на Лубянку в адрес начальника ГУКР Смерш НКО СССР генерал-лейтенанта Виктора Семеновича Абакумова ушла шифровка с результатами поиска нелегалов и пленения гитлеровского капитана. С отважными разведчиками сразу же встретился Ивашутин и от имени командования поблагодарил за смелость и находчивость в ходе проведенной опасной и важной операции.

Командующий фронтом был уважаемым человеком как среди подчиненных ему солдат и офицеров, так и вышестоящего военно-политического руководства страны. Есть смысл привести оценки двух его сослуживцев: подчиненного — начальника штаба фронта генерал-полковника С.С. Бирюзова, в будущем маршала Советского Союза, и руководителя — начальника Генштаба ВС СССР маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Сергей Семенович Бирюзов:

«Федор Иванович Толбухин, по моим тогдашним представлениям, был уже пожилым, то есть в возрасте около 50 лет. Высокого роста, тучный, с крупными, но приятными чертами лица, он производил впечатление

очень доброго человека. Впоследствии я имел возможность окончательно убедиться в этом, как и в другом весьма характерном для Толбухина качестве — его внешней невозмутимости и спокойствии.

Я не припомню ни одного случая, когда бы он вспылал. И неудивительно поэтому, что Федор Иванович откровенно высказывал свою антипатию к чрезвычайно горячим людям».

Александр Михайлович Василевский:

«В годы войны особенно ярко выявились такие качества Толбухина, как безупречное выполнение служебного долга, личное мужество, полководческий талант, душевное отношение к подчиненным.

Говорю об этом не с чужих слов, а из личного общения с ним во время пребывания в его войсках под Сталинградом, в Донбассе, на Левобережной Украине и в Крыму...

После войны Ф.И. Толбухин, занимая ответственные посты и будучи очень больным, продолжал успешно выполнять свои обязанности. Никогда не забуду, как Федор, лежа на больничной койке, буквально за несколько минут до своей кончины, уверял, что завтра он выйдет на работу».

С января 1947 года он командовал войсками Закавказского военного округа.

Умер маршал Ф.И. Толбухин 17 октября 1949 года в Москве от сахарного диабета. Был кремирован, урна с прахом захоронена у Кремлевской стены на Красной площади.

Следует заметить, что Федор Иванович Толбухин — единственный полководец Великой Отечественной войны, который при жизни не был удостоен звания Героя Советского Союза. Наверное, на то были причины, о которых знают и молчат лишь архивы. И все же Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1965 года выдающемуся военачальнику маршалу

Советского Союза Толбухину Федору Ивановичу было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Справедливость восторжествовала! В мемуарной литературе очень скупы данные на эту тему, но чисто психологически пытливый читатель может найти вероятный ответ на этот вопрос, прочтя эту книгу.

Командующий 3-м Украинским фронтом Ф.И. Толбухин подписал представление начальника фронтовой разведки генерал-майора А.С. Рогова о награждении мужественных участников операции в Одессе...

Листовки с неба

Пропаганда — это искусство лгать, чаще обманывая своих сторонников, чем противников.

Фрэнсис Корнфорд

29 октября 1944 года встретил свой последний день рождения самый известный «классик» гитлеровской пропаганды, «творческое наследие» которого актуально и востребовано и по сей день англосаксонскими ястребами против обессиленной начиная с 90-х годов России. Геббельс считал, что для достижения пропагандистских целей хороши любые средства, главное, чтобы пропаганда была эффективной.

По его умозаключению помимо «белой», правдивой информации необходимо использовать «серую». То есть полуправду, и «черную» — откровенную ложь. В русле этих понятий нацисты добивались не правды, а эффекта.

Известный немецкий писатель и журналист Ханс Каспер утверждал, что пропаганда — это искусство сфотографировать черта без копыт и рогов. А чтобы у толпы не возникало сомнений, любые «послания» руководителей Третьего рейха должны нести в себе элементы примитивизма, без всяких подробностей, на уровне односложного лозунга: «Худший враг пропаганды — интеллектуализм!» Поэтому пропаганда в его понимании должна больше воздействовать на чувства, чем на разум, а посему ей нужно быть яркой и броской. Это он утверждал, что лидеров нации, вождей страны и народа везде и всегда следует превозносить,

поддерживая высокий уровень идеологического пафоса и истерии.

Исследователи деятельности Геббельса рассказывали, насколько умело он использовал «инцидент в Неммерсдорфе», когда во время наступления в Восточной Пруссии в октябре 1944 года красноармейцы расстреляли 11 мирных жителей. Геббельсовская пропагандистская машина развернула эпическую панораму зверств советских солдат, якобы изнасиловавших, а потом изуродовавших и убивших более 60 немецких женщин. Сфальсифицированные «снимки с места трагедии» вдалбливали гражданам рейха: не сдаваться!

Именно Геббельс одним из первых понял, что его идея и главная идея нацизма будет усваиваться гораздо лучше, если она персонифицирована в образах героев и врагов, арийцев и унтерменшей, чистых и грязных наций и народов. Именно так появился арийский мученик, их национально-социалистический Иисус Христос в образе Хорста Бесселя — штурмовика, поэта, нацистского героя и автора марша СА и партийного гимна НСДАП, погибшего от руки активиста Союза красных фронтовиков 23 февраля 1930 года. Текст этого гимна стал «Песней немцев». В нем были такие слова: «Знамена ввысь, бойцы ряды сомкнули, / Идут СА — коричневые львы. / Бойцы, погибшие от красной пули, / Незримой силою вливаются в ряды.../

Но, как бы ни смыкались бойцы нацизма в ряды, коричневым львам была уготована участь попасть разъяренным буйволам на рога. От них спасения нет даже царям зверей. Известные факты отступления и поражения первых месяцев победоносного наскока вермахта дали возможность советскому народу и РККА осмотреться, сгруппироваться и начать по-русски бодаться на пыльных, раскисших и оледенелых дорогах и полях великой России. А как говорится, чем хуже

дорога, тем больше пыли в глаза в прямом и переносном смысле.

На службу своей пропаганды Геббельс искусно привлекал даже мистические образы. Так, автор трехтомной биографии Гитлера Иоахим Фест приводит случай, когда во время избирательной кампании 1932–1933 годов Геббельс намеренно затянул свою речь, чтобы солнце вышло из-за туч как раз в момент появления Гитлера. Дождлся — солнце вышло из-за свинцовой тучи с появлением в зале фюрера. Как известно, те выборы увенчались триумфальной победой нацистов, а религиозный, еще с детства пораженный церковными обычаями и ритуалами, Геббельс вместе с миллионами немцев получил новое божество под лозунгом: «Один народ, один рейх, один фюрер».

Апофеозом деятельности лукавого Геббельса называют двухчасовую речь о «тотальной войне до победного конца», произнесенную им в феврале 1943 года, после холодного душа, пролитого на Германию в результате разгрома 6-й полевой армии Паулюса под Сталинградом. Колченогий рейхсминистр народного просвещения и пропаганды до последнего своего часа на оскверненной им земле и перед обманутым народом лгал, призывая к борьбе до последнего немца. Людей нацисты не жалели — они для них были элементарным пушечным мясом. Он вместе с женой погубил и своих детей. Говорят, что на пяточке у рейхсканцелярии, где военные контрразведчики Смерша 3-й Ударной армии обнаружили сожженные трупы Адольфа Гитлера, Евы Браун и семейства Геббельса, впоследствии немцы разбили детскую площадку.

Уже в конце горячей войны и сразу же с началом холодной США и Англия простили и подружились с нацистскими преступниками во имя борьбы и уничтожения Советской России. Это была месть за Победу через подготовку новой войны. Сегодня они

подбираются, чтобы задушить Российскую Федерацию не из-за политики — нет большевизма, есть в угоду Запада капитализм, выстроенный в лихие 90-е годы и продолжающий гнуть Россию к земле — снова стать на колени с участием прозападной элиты. Значит, дело исключительно в экономике — им позарез нужны наши природные ресурсы. Поэтому ложь, травля, пасквилы сегодня у англосаксов в ходу.

Примерами последнего времени служат два факта-«отравление» российскими службами ГРУ, ФСБ или СВР разоблаченного военными контрразведчиками ДВКР ФСБ бывшего полковника военной разведки Сергея Скрипаля и его дочери. Его в России судили, а потом обменяли на провалившихся в США наших разведчиков. Таким образом, он с семьей оказался в Великобритании. Проживал в пригороде Лондона, продолжая зарабатывать сребреники четкой лекций с антироссийским душком. Но для них он с большим семейством был уже выжатым лимоном, которого ждала историческая свалка. Но этому политическому трупу и его семье надо было платить из государственной казны какие-то, пусть Иудины, но деньги. Но томми умеют считать и беречь фунты стерлингов...

И второй факт — «использование» армией президента САР Башаром Асадом боевых «отравляющих веществ» против оппозиции, в рядах которой были и западные советники так называемой коалиции. И все оказалось элементарным фейком, о котором сегодня шумят не только отечественные, но и зарубежные СМИ. Вот и выявились англосаксонские настоящие поджигатели войны через провокации и пропагандистскую ложь, сварганенную чисто по-геббельсовским лекалам...

В 1944 году начальнику Управления контрразведки Смерш 3-го Украинского фронта генерал-майору Петру Ивановичу Ивашутину доложили, что на одном из участков фронта немецкий самолет выбросил листовки. Сначала подумали, что это своеобразные «пропуска» для предателей — будущих восточных добровольных помощников так называемых «хиви» или очередное критиканство Сталина. Действительно, особые усилия немецкой пропаганды были сосредоточены на фигуре Верховного главнокомандующего Красной армии. Так, в одной из листовок привычная аббревиатура «СССР» расшифровывалась как «Смерть Сталина Спасет Россию». Карикатура изображала: пролетарский молот ударяет Сталина по голове, а крестьянский серп приставлен к его шее. Таких листовок немцы разбрасывали с самолетов великое множество. В средней части листовки писалось:

«С одним пропуском на сторону германских войск может перейти неограниченное количество командиров и бойцов!

Приказ Сталина о преследовании семей переходящих на нашу сторону командиров и бойцов — невыполним.

Германское командование не публикует списки пленных. Поэтому не бойтесь сталинских запугиваний.

Снизу листовки крупным шрифтом было набрано «ПРОПУСК» с таким пояснением:

«Предъявитель сего переходит на сторону Германских Вооруженных Сил.

Немецкие офицеры и солдаты окажут перешедшему хороший прием, накормят его и устроят на работу.

Переходить на сторону Германских войск можно и без пропуска: мы и в этом случае гарантируем хороший

прием».

Однако в «небесных посланиях» оказалось другое содержание. А именно там публиковался приказ, подписанный Л.П. Берией и Г.К. Жуковым о якобы готовящемся массовом «переселении украинцев, находившихся под оккупацией немцев... в Сибирь».

Первыми заметила их группа дивизионных военных разведчиков, возвращающихся с задания. Выход оказался более чем удачным — вытащили ночью из траншеи, которую в срочном порядке дооборудовали на новых огневых позициях, одного специалиста из унтер-офицерского состава. Как выяснилось, по документам им оказался штабс-фельдфебель саперных частей укрепленного района. Когда группа бесстрашных воинов с трофеем подходила к нашим позициям, разведчики заметили в подлеске на деревьях и между ними массу листовок. Собрали сколько могли для доклада своему командованию.

Через несколько часов начальник военной разведки фронта генерал-майор А.С. Рогов вместе с переводчиком уже беседовал с плененным фашистом. На столе его оказалась и пачка листовок. Кроме того, начальник 3-го отдела управления КР Смерш фронта передал своему шефу несколько десятков этих листовок, собранных в прифронтовой полосе. Помогали военным контрразведчикам в сборе этой макулатуры с негативным пропагандистским зарядом и воины частей и подразделений фронта, расположенных в этой местности. П.И. Ивашутин внимательно прочел их и попросил подготовить шифровку в Москву. Разговаривая с начальником разведотдела фронта генерал-майором А.С. Роговым, он заметил:

— Думаю, Александр Семенович, в эту галиматью никто не поверит. Поздно начинать пир, когда гости разбрелись. От немцев сегодня сбегут все сателлиты, если их руководители не сумасшедшие люди. Закат

Третьего рейха очевиден. Напора Красной армии теперь ничем не остановить. Мы уже освободили половину Украины, но нигде нет ничего подобного. Никто не тревожит население. Судят и отправляют в места не столь отдаленные только преступников — пособников фашистов любой ориентации: полицаев, старост, агентов, уголовников, — рассуждал генерал. — Правда, из Западной Украины в сибирские лагеря попадают оуновцы, запятнавшие себя не только сотрудничеством с немцами, но и виновные в пролитой ими крови своих земляков. Политике в русле установок прусского короля Фридриха Второго пришел конец. Никакой провинции рейхсканцлер Германии больше не получит. Рейх неумолимо сжимается как шагреновая кожа. Побед у него больше не будет.

Александр Семенович, с юности книголюб и любитель поэзии, чтобы как-то разнообразить тему разговора, прочел строфы из Байрона:

Какие бездны есть в сердцах людских,
Какие в них пещеры и пустыни,
Как много в душах всех правителей земных
Нагромоздилось айсбергов гордыни.

Это словно написано о них, добровольных узниках бетонных прерий Берлина, где сейчас отсиживается фашистская клика вместе с главным мировым бандитом.

— Да, Александр Семенович, эти бандиты, нет, скорее каннибалы, людоеды не покраснеют от придуманной лжи, а что касается прежней гордыни, то от нее у них остался один пшик, — подметил Ивашутин. — Англичанин прав. Надо дать в войска команду, чтобы собирали такую макулатуру и сжигали.

— Петр Иванович, по докладам из армейских отделов солдаты этих листовок насобирали мешки, —

улыбнулся начальник разведотдела.

— Прекрасно, пусть греются у костров...

Ивашутин привстал из-за стола и продолжил:

— Надо соответствующую разъяснительную работу проводить и с местным населением, доказывая, что здесь явная подделка, злонамеренная ложь. А вообще лгать — это значит признавать превосходство того, кому вы лжете. Эта работа по разоблачению вражеской агитации возложена командованием на политработников, но мы с вами должны им помочь в этом важном государственном деле.

Немцы хорошо понимают силу и мощь нашей сегодняшней армии. Кровь — загадочный сок — он обязательно проливается на пролившего его. Этих кровопийцев уже никакие ухищрения не спасут — спасительных соломинок в бушующем урагане войны им не найти — одних уже испепелил всепожирающий огонь, других, особенно сателлитов, разметал на полях сражений, а третьи пока безуспешно и обреченно сопротивляются, но это ненадолго. Листовками пусть занимаются теперь территориальные органы госбезопасности и местные партийные и советские власти.

* * *

Нужно отметить, что все крупномасштабные войны XX века сопровождались пропагандистскими усилиями воюющих сторон с целью деморализовать и разложить изнутри вражескую армию, склонить солдат неприятеля бросить оружие и сдаться в плен.

Агитационные листовки — агитки умудрялись и наши специалисты доставлять на позиции немецких солдат, стоящих в окопах и траншеях вдоль Днестра в 1944 году, в 82-мм минометных минах. Воинами 3-го

Украинского фронта они разбрасывались перед проведением Ясско-Кишиневской операции.

В годы Второй мировой войны в нацистской Германии для этих целей были созданы специальные агитационно-пропагандистские органы в угоду гитлеровской заумности: «...пропаганда является тем же орудием борьбы, а в руках знатока этого дела — самым страшным из орудий». Эта пропагандистская работа проводилась в основном тремя подразделениями.

Общее руководство этой деятельностью в рейхе осуществляло министерство пропаганды Йозефа Геббельса. Параллельно с ним действовала система пропаганды в ведомстве Альфреда Розенберга — имперского министра восточных территорий. При генеральном штабе германской армии — вермахте работало специальное управление по ведению пропаганды среди войск противника и населения оккупированных территорий. И Гитлер, и его идеологический аппарат понимали и высоко ценили пропагандистские акции.

«Пушки и штыки — ничто, если вы не обладаете сердцем нации, — говорил Йозеф Геббельс. — Овладение массами — единственная цель пропаганды... Чем чудовищнее ложь, тем охотнее в нее верят и тем быстрее она распространяется».

Накануне вторжения в Советскую Россию в немецких войсках, предназначенных к войне на Восточном фронте, было сформировано 19 пропагандистских рот и 6 взводов военных корреспондентов СС. В их состав входили военные журналисты, переводчики, фотографы, персонал по обслуживанию пропагандистских радиоавтомобилей, сотрудники полевых типографий, специалисты по изданию и распространению антисоветской литературы, плакатов и листовок.

Конечно, командование, политические органы РККА, офицеры военной разведки и сотрудники особых отделов и КРО Смерш вели борьбу с нацистской пропагандой в рамках своих служебных полномочий.

Со времен библейской давности народы мира, писал в своей книге «Честь имею» В.С. Пикуль, не надеясь только на грубую военную силу или разум своих правителей, всегда дополняли их важным фактором психологического давления на общественное мнение противников. К сожалению, наша страна оказалась совершенно неподготовленной к тому, чтобы бороться с Геббельсом и его компанией, уже имевшей опыт в демагогии, признаюсь, я не раз удивлялся, как искусно в Берлине отмывали черного кобеля добела. С тотальным государством вообще трудно бороться.

В мемуарной литературе на эту тему автор не раз встречал упоминание, в частности, о деятельности пропагандистских радиоавтомобилей, использованных немцами в период относительного затишья воюющих сторон. Особенно участились случаи применения громкоговорителей в конце войны, когда надо было поднять дух солдат, офицеров и даже некоторых трезвомыслящих генералов вермахта, понимающих приближение окончательного краха Третьего рейха.

В то же время властная элита стремилась всеми силами вдохнуть уверенность, что затея Гитлера победить и поработить Советский Союз «жива», а масштабное отступление — это всего лишь временное явление. В качестве примера близкое окружение фюрера приводило примеры «отступления ради победы» прусского короля Фридриха II, или Фридриха Великого, превратившего Пруссию из небольшого княжества в одну из сильнейших держав Европы. Он считался наряду с Гитлером символом немецкого возрождения и величался умным «старым фрицем».

Немецкие автомобильные громкоговорители часто использовались и на позициях германских войск группы армий «Южная Украина» под командованием генерала-обер-ста Ганса Фриснера и в частях 3-й румынской армии во главе с генералом Петру Думитреску против соединений и частей 3-го Украинского фронта. Гитлеровские дикторы вещали на немецком и румынском языках, поддерживая своих вояк и, конечно, на русском с целью подрыва морального духа наших воинов. Говорили о скором применении нового оружия, которое стремительно восстановит статус-кво, и произойдет возврат к исходному состоянию и обязательной победе. Москва непременно падет.

Военные контрразведчики УКР Смерш 3-го Украинского фронта вместе с офицерами Разведотдела фронта систематически готовили обобщенные аналитические справки для командования объединения. Однажды П.И. Ивашутин, докладывая одну из таких справок командующему фронтом маршалу Советского Союза Ф.И. Толбухину о деятельности «геббельсовских горлопанов», услышал перл от немногословного Федора Ивановича:

— Знаете, Петр Иванович, громкоговоритель усиливает голос, но не аргументы...

Какие у немцев могли быть аргументы перед Ясско-Кишиневской наступательной операцией!?

Упразднение абвера

Абвер — орган военной разведки и контрразведки Германии Веймарской республики и Третьего рейха в 1919-1944 годах. Входил в состав верховного командования вермахта.

Автор

Врагом номер один в тайной войне против советских Вооруженных сил был нацистский абвер — орган разведки и контрразведки вермахта.

Информацию об упразднении абвера Управление КР Смерш 3-го Украинского фронта получило через свою зафронтовую агентуру и показания военнопленных из числа офицеров вермахта и спецслужб. Генерал-майор П.И. Ивашутин постоянно информировал ГУКР Смерш о содержании полученных данных об изменениях на поле незримой битвы двух контрразведок...

Таким же непримиримым врагом абвер оставался и для личного состава Разведывательного управления фронта. Его начальник генерал-майор А.С. Рогов о содержании противоборства и конкретных результатах в борьбе с абвером докладывал своему непосредственному командиру — командующему фронтом Ф.И. Толбухину.

Допросы немецких военнопленных смершевцами и опросы языков военными разведчиками фронта под конец войны создали обобщенную картину борьбы нацистских пауков в эпицентре спецслужб и результатов борьбы с абверовскими подразделениями. По этим вопросам шло постоянное информирование

смершевцами и военными разведчиками как Лубянки, так и Ставки.

Судя по полученной нашими разведкой и контрразведкой информации, события развивались следующим образом. В феврале 1944 года фюрер распорядился, чтобы военные разведка и контрразведка в лице абвера были переданы в Главное управление имперской службы безопасности (РСХА).

По мнению начальника IV управления (внешняя разведка) РСХА бригаденфюрера СС (генерал-майора. — Авт.) Вальтера Шелленберга, необходимо было объединить все учреждения зарубежной разведки. Эти мысли он неоднократно докладывал своему руководству. Наконец, новый начальник Главка имперской безопасности СС (РСХА) обергруппенфюрер СС (генерал рода войск. — Авт.), генерал полиции и генерал войск СС Эрнст Кальтенбруннер все же решился предложить Гиммлеру текст распоряжения Гитлера, содержащий следующее:

1. Я приказываю учредить единую немецкую службу информации.

2. Руководство секретной службой информации я поручаю рейхсфюреру СС. Он и начальник верховного командования вермахта должны согласовать, при каких обстоятельствах военная разведка может быть переведена в секретную службу информации.

Подпись: Гитлер.

После того как Гиммлер согласился с текстом приказа, Кальтенбруннер отправился в штаб-квартиру фюрера и после обсуждения текста с Кейтелем и Йодлем представил его на утверждение Гитлеру, который с небольшими и несущественными оговорками, подписал документ.

Канарис тут же был отправлен не только в отпуск, но и освобожден от должности. Отпуск у адмирала длился недолго. Бывший шеф военной разведки

получил новую должность, став начальником штаба особого назначения, ответственного за ведение торговой и экономической войны. Штаб размещался в городке Эйхе под Потсдамом. Это была служба, далекая от использования возможностей для практической деятельности.

Как известно, 20 июля 1944 года Канарис отдыхал дома. Ему позвонил покушавшийся на жизнь фюрера начальник штаба войск Резерва полковник Штауффенберг. Он сообщил, что Гитлер мертв.

— Мертв? — переспросил Канарис, хорошо знавший, что полковник сам отвечал за проведение этой акции. — Ради бога, кто это сделал? Русские?

— ???

Штауффенберг понял, что Канарис знает что-то большее и значимое, поэтому вставил глупый вопрос с «русскими».

Но этот звонок был уже моментально перехвачен гестапо. Вскоре, 23 июля, во второй половине дня Канариса арестовали. Двух гостей, находившихся в это время у него — родственника Эрвина Дельбрюка и барона Каульбарса, — гестаповцы не тронули. Никто иной, а сам Шелленберг лично приехал во главе группы захвата, чтобы забрать адмирала и посадить в одну из одиночных камер в здании гестапо на Принц-Альбрехтштрассе. Началось долгое и мучительное время заключения и допросов с типично античеловеческим «гестаповским пристрастием».

Интересная историческая деталь. 3 февраля 1945 года здание гестапо было разрушено во время ночного налета нашей бомбардировочной авиации. 7 февраля Канарис, Остер, Штрэнк, Гере, Зак с несколькими другими заключенными были отправлены во Флоссенбюргский концлагерь. Там 9 апреля 1945 года состоялась казнь адмирала Фридриха Вильгельма Канариса через повешение.

Что бы ни было, — как писал немецкий писатель Карл Хайнц Абжаген, — ясно одно: Канариса и его верных сотрудников, которые вместе с ним 9 апреля должны были уйти из жизни, казнили, когда приближение американских войск, казалось, предвещало их скорое освобождение. Гиммлер и

Кальтенбруннер не хотели бы ни при каких обстоятельствах отдать этих носителей важных секретов в руки государств-союзников.

В качестве объекта обмена Канарис не подходил — слишком много знал. То, чем он располагал, ни в коем случае не должно было достаться будущим поколениям. Об этом свидетельствует также уничтожение найденных в Цоссене документов Остера, среди которых была часть дневника Канариса. Документы сразу же были уничтожены гестаповцем Гуппенкотеном по приказу Кальтенбруннера. Отчет Канариса также должен был навсегда исчезнуть. Наконец, Кальтенбруннер и Гуппенкотен прекрасно сознавали, что нельзя оставлять в живых столь опасного врага, который лучше других мог бы дать подлинную картину всевластия Гитлера и террора Гиммлера. Поэтому Канарис должен был непременно умереть.

Но вернемся немного назад...

* * *

Это произошло еще задолго до начала войны с Советским Союзом, накануне судетского кризиса в 1938 году. Во время поездки в Будапешт шеф абвера адмирал Канарис вместе с полковником генерального штаба Куртом фон Типпельскирхом, возглавлявшим в те годы отдел «Иностранные армии», в беседе со своим другом министром иностранных дел Венгрии Кальманом фон Канья был предельно откровенен в своем

пророчестве. Он считал своим долгом предостеречь мадьяр от участия в операции по ликвидации Чехословакии, что может стать предтечей бурных событий в Европе, вплоть до начала очередной мировой войны. Более того, оба немецких офицера считали, что Германия на тот период до конца не подготовлена в военном оснащении и может быть зажата в тиски, губками которых явятся Франция и Советский Союз. Два фронта — это авантюра ее вождей, которая может привести к гибели страны.

В 1939 году осенью он снова посетил своего венгерского друга после окончания войны с Польшей.

— Что дальше? — спросил Канья.

— Огромные трудности...

— Как это понимать?

— Знаешь, мы уже проиграли войну...

— Как, не воюя с Россией?!

— Глубокоуважаемый мною Отто фон Бисмарк давно ответил на этот трепещущий вопрос: «Россия опасна мизерностью своих потребностей, никогда не воюйте с Россией. Не надейтесь, что единожды воспользовавшись слабостью России, вы будете получать дивиденды вечно. Русские всегда приходят за своими деньгами... Воевать лучше России никто не может», — с волнением произнес Канарис.

Канья задумчиво взглянул на побледневшее лицо своего высокого немецкого друга и понял, что перед ним пророк...

События 1941 года начались не так, как предполагал руководитель абвера, но все равно считал, что свое слово Красная армия еще не сказала. Российскую пружину немецкая броня удачно и легко сжимает. В то же время он понимал, что у Москвы по тому же Бисмарку есть секретное оружие, которым не располагает ни одна армия мира, — обширная территория!

Он, как никто другой, через свою агентуру был информирован о том, что советский потенциал — военный, промышленный и народный — до конца не изучен. За ним маячит страшная страна — тегга incoqnta — неизвестная земля.

За несколько дней до начала войны с Польшей Канарису довелось встретиться с Кейтелем и Риббентропом. Из бесед с ними он понял и в полной мере осознал опасность, навстречу которой неслась Германия во главе с Гитлером явно без шансов спасения.

«За Польшей непременно будет Россия, — размышлял он. — Это вдвойне опасно из-за возможной войны на два фронта. С Англией надо было кончать, а потом могла быть Франция. Россия — это даже не орешек, а огромный камень. Не по зубам он нам».

Нет, никакой жалости, уважения, взаимопонимания у Канариса к России не существовало, он был решительным противником большевизма. Однако, как писал Карл Хайнц

Абжаген в своей книге «Адмирал Канарис», это не мешало ему занимать гуманную позицию в отношении приверженцев компартии.

13 мая 1941 года Гитлером был издан пресловутый «Указ о комиссарах», подписанный Кейтелем. На практике он сводился к тому, что попавших в плен политработников и рядовых членов ВКП(б) требовалось безжалостно физически устранять. Получалось, что армии вменялись в обязанность действия, которые противоречили всем правилам ведения войны и понятиям гуманности...

Итак, многие «тайны берлинского двора» получали через свою агентуру, внедренную в абверкоманды и абвергруппы и работающую там, военные контрразведчики и разведчики. Последние имели немало материалов, в том числе и важных, в результате

опросов военнопленных и захваченных окопно-штабных языков. И все же огромный массив информации из того, что неведомо было советскому командованию, добывали военные разведчики и контрразведчики, что позволяло грамотно планировать удары по противнику в ходе наступательных операций.

Дети-диверсанты

В абвергруппе-209 среди обычных агентурных групп проходили диверсионную подготовку и совсем еще юные подростки 11-14-летнего возраста. Из славянских детей, потерявших родителей, нацистские изуверы пытались воспитать чудовищ, нацеленных на разбой и убийства своих соотечественников.

Дмитрий Суржик

Да, это был период заката звезды руководителя военной разведки, достаточно длительное время возглавляемой Вильгельмом Канарисом, но не самого этого ведомства после ликвидации самостоятельного бренда — абвера, а его структура и личный состав полностью попали под власть руководителя РСХА Кальтенбруннера в виде 6-го управления. Однако, несмотря на эти изменения, разведывательно-диверсионные школы в виде абверкоманд и абвергрупп продолжали активно работать, забрасывая в тылы наших фронтов шпионов, диверсантов и террористов. Во время войны немецкая разведывательная служба абвер превращала сотни детей в диверсантов, прививая ненависть к своей стране.

Однажды военные контрразведчики фронта задержали на одной из железнодорожных станций двух подростков с сумками, в которых лежали куски угля. После беседы с ними последние признались, что уголь — это не уголь, а взрывчатка. А их забросили сюда немцы, чтобы подорвать несколько паровозов.

Обучались диверсионному ремеслу они в специальной школе.

После того как по этим фактам информировался командующий фронтом Ф.И. Толбухин, он дал команду начальнику Разведотдела генерал-майору А.С. Рогову через свои возможности теснее взаимодействовать с армейскими чекистами в направлении выявления диверсантов-подростков. Поводом для беспокойства такого рода послужили два факта: подрыв паровоза, стоящего в резерве «под парами» и взлетевшего в воздух, и блиндажа при топке буржуйки. Видно, каким-то образом кусок этого немецкого «угля» попал в блиндаж. Единственное надежное спасение от холода на фронте — прожорливая печка разлетелась чугунными осколками после взрыва. Погибли два офицера и трое солдат.

Начальник Управления КР Смерш 3-го Украинского фронта П.И. Ивашутин вынужден был отправить в Центр шифровку — таких диверсантов-подростков он в своей оперативной практике не встречал. По этому поводу ветеран военной контрразведки, участник Великой Отечественной войны генерал-майор С.З. Остряков писал:

«...верхом чудовищной бесчеловечности фашистской разведки в годы войны были его попытки использовать в диверсионных целях советских детей.

Гитлеровские изверги насильно брали из детдомов на оккупированной территории подростков 12-15 лет, увозили в Германию и обучали в детских диверсионных школах, а затем под видом бездомных, разыскивающих своих родителей, перебрасывали на самолетах в тыл Красной армии или оставляли в освобождаемых нашими войсками районах с заданием подбрасывать взрывчатку, закамуфлированную под каменный уголь, в паровозные бункеры или угольные склады на

железнодорожных станциях с целью вывода из строя паровозов и крушения воинских эшелонов».

Да, действительно уникальной по своему цинизму стала попытка гитлеровской разведки использовать в качестве диверсантов детей. Расчет был на то, что подростки-диверсанты не привлекут внимание советской контрразведки, да и местные жители будут к ним снисходительнее. Никто ведь не догадается, что замурзанный, оборванный мальчишка-беспризорник с телом, прикрытым грязным рубищем, играющий на железнодорожной насыпи или стреляющий из рогатки галькой или щебнем по воробьям, на самом деле готовится заложить или уже поставил мину под рельсы или забросить кусок-сюрприз в виде взрывающего «уголька» на кораб паровозного тендера!

Ивашутин П.И. со временем через разоблаченную агентуру из числа подростков узнает, что детская диверсионная школа была создана в местечке Гемфурте, в окрестностях города Касселя, о чем обобщенными справками докладывалось в Москву В.С. Абакумову.

Специальные команды рыскали по оккупированной советской земле. Основную массу детей брали из детских домов. Истощенных, больных и непригодных по другим параметрам уничтожали, а крепких увозили в нацистскую Германию. В головы подросткам вбивали мысль, что Советского Союза — их родины уже нет и больше никогда не будет, потому что Третий рейх на фронтах победоносно добывает части Красной армии, гася оставшиеся очаги сопротивления. И эта ложь вбивалась в головы ребят в конце войны, когда немец, ожесточенно сопротивляясь, повсеместно отступал!

Преподаватели и инструкторы, как немцы, так и их земляки, выставлялись хорошими «дядями и тетями». Детям разрешали поступать безжалостно, зверски, бессердечно, что раньше запрещалось: поощрялись

потасовки и драки, проповедовался культ физической силы, учили детей быть немилосердными и жестокими, какими бывают здоровые шустрые цыплята, затаптывающие квелоного и больного сородича.

Для развития общей культуры и создания чувства здоровой зависти к немецким детям, поставленным гитлеровцами в идеальные условия жизни, будущих диверсантов-под-ростков возили по Германии. Экскурсии проходили по городам рейха, зоопаркам, музеям, стадионам, школам и другим культурным заведениям.

Петр Иванович Ивашутин, работая с таким контингентом вражеской агентуры, по-родительски нередко размышлял: *«Да, часто в документах мы называем их предателями, а ведь, по существу, они, эти дети, являются просто жертвами войны. Война сломало судьбы многим, но горше вдвойне, что она прикоснулась к этим неокрепшим существам, у которых вся жизнь впереди. Нацисты калечили их безоблачное будущее, которое должно наступить после окончания войны».*

С этой оценкой сломанных детских судеб был согласен и командующий фронтом генерал армии Федор Иванович Толбухин — редкой доброты человек.

Так, Петр Иванович в беседе с коллегами оценит в послевоенный период морально-волевые качества старшего по званию и возрасту своего армейского товарища. Они уважали друг друга. Командующий видел в военном контрразведчике смелого, решительного и глубокого человека, по всей вероятности зная, что начинал он службу с неба — в бомбардировочной авиации. В порядочности и глубокомыслии начальника УКР Смерш генерал-майора П.И. Ивашутина маршал Ф.И. Толбухин убедился лишь раз при встрече с Г.К. Жуковым, о чем читатель может прочесть в очередной главе.

Ему вторил бывший начальник Генштаба ВС СССР и начальник Главного разведывательного управления Генштаба СССР генерал армии С.М. Штеменко, искренне заявлявший, что «...лично мне Ф.И. Толбухин запомнился как очень добрый человек и, пожалуй, самый скромный из всех командующих фронтов. «Штабная косточка» осталась у него на всю жизнь и порой превалировала над командной. Своим подчиненным он всегда представлял возможность проявлять широкую инициативу».

* * *

Историю о задержании подростков — курсантов разведывательно-диверсионной школы абвера подтвердил и ветеран военной контрразведки генерал-майор Леонид Георгиевич

Иванов. Он создал бестселлер — «Правда о «СМЕРШ», где честно поведал о своих фронтовых дорогах, судьбах сослуживцев и борьбе военных контрразведчиков и разведчиков по проникновению в подразделения штабов вермахта и разных абверкоманд.

В одной из бесед в Совете ветеранов Л.Г. Иванов, по натуре смелый и решительный участник войны, таким он и остался с выходом на пенсию, рассказывал, что летом 1944 года на территории Молдавии в период его службы в ОКР Смерш 54-й армии 3-го Украинского фронта он не только слышал, но и соприкасался с материалами задержанных советских подростков, ставших диверсантами после окончания соответствующих школ.

О деятельности таких «юных русских арийцев», с его слов, явившихся с повинной в органы УНКГБ и ОКР в Курской области, говорили еще в сорок третьем году. Трое сброшенных на парашюте с немецкого самолета

подростков-диверсантов Коля Гучков, Геннадий Соколов и Коля Рябов решили прийти и покаяться. Да, собственно говоря, и каяться им было не в чем — задания немцев они не выполнили, видно, испытывая патриотическое чувство к родной, освобожденной от немецкой оккупации земли.

При допросах их в ОКР Смерш они не скрывали поставленных перед ними задач: выведение со строя поездов, предприятий, паровозов. Взрывчатку, замаскированную под уголь, они должны были подбрасывать в общую кучу, где брали топливо для локомотивов или заводов. После выполнения задания от детей требовалось перейти линию фронта и по паролю попросить немецкого офицера доставить их в штаб германской части.

— Кого же набирали в ряды диверсантов? — поинтересовался автор у ветерана.

— Абверовцы понимали, что дети менее всего привлекали внимание советских органов контрразведки, военных патрулей, комендатур. Да и любой наш военнослужащий проникался чувством сострадания к малолетней жертве войны. А набирали подростков из разрушенных детских домов. Они на оккупированной территории были бесправными и быстро превращались в бродяг, беспризорников, юных уголовников — надо было где-то жить, питаться, одеваться...

— Возникает вопрос, а как же обстояло дело у нас с подготовкой подростков-героев для подпольно-партизанской работы? Ведь всем известны дети партизаны-герои времен Великой Отечественной войны. Как вы оцениваете нашумевший в кинопрокате фильм «Сволочи», снятый по повести В. Кунина (Фейнберга)? Были ли такие школы у нас?

— Фильм этот — досужий вымысел. Никаких подростковых диверсионных школ в Советском Союзе

не существовало, и наши дети находили свою позицию на войне только по собственному желанию и в виде исключения типа сынов полков, корабельных юнг или членов партизан в дружно-боевых семьях народных мстителей.

И действительно, проведенные Федеральной службой безопасности РФ и Комитетом национальной безопасности Республики Казахстан, а также московскими журналистами расследования показали, что специальных школ по подготовке подростков-диверсантов в Советском Союзе не существовало.

Немного истории.

Вообще еще до начала войны, в 1939 году, нацисты поставили цель — контролировать русскую эмигрантскую молодежь, бороться за ее умы путем идеологической проработки подростков — выходцев из Советского Союза. Поэтому по инициативе Геббельса, Гиммлера и Розенберга в Германии была создана национальная организация русской молодежи (НОРМ). Руководить ею поручили Сергею Таборицкому — эмигранту, террористу, антисоветчику, примкнувшему к нацистам. У нормовцев была своя форма — черные косоворотки с погонами. В НОРМ входили мальчики и девочки не старше 16 лет...

А вот после нападения Германии на Советский Союз у немцев возникли затруднения с использованием своей агентуры, которая плохо маскировалась из-за непродуманных легенд прикрытия и плохого качества оправдательных документов. Обобщил причины провалов немецкой агентуры и выдвинул в связи с этим идею привлечения советских детей к выполнению диверсионных заданий некий Фриц Больц, впоследствии он оказался капитаном зондеркоманды «Москва». Он посчитал, что у детей-беспризорников, которых в России много, никаких документов нет,

поэтому появление юных диверсантов останется для НКВД незамеченным.

Немцы среди этого контингента вели активную пропаганду, переиначивали историю СССР, писали тенденциозные статьи о «кровавых» тридцатых годах, выставляли Ленина и Сталина как убийц русского народа, обещали хорошее питание, квартирные льготы, бесплатное обмундирование и приличную зарплату. Естественно, неокрепшие умы не могли разобраться, где правда, а где кривда. Только поэтому в своем большинстве напуганные голодные сироты видели «спасательную соломинку» в зовах нацистов. Для малолеток голод был сильнее долга.

Для устройства школы Фриц Больц предложил свое имение в Гемфурте. Он набрал преподавательский состав во главе с бывшим лейтенантом РККА Юрием Евтуховичем (по легенде — Юрий Ростов-Беломорин).

Историк спецслужб Олег Матвеев, посвятивший изучению Гемфуртской школы и отдельно личности Евтуховича немало времени, поведал:

«Он (Евтухович. — Авт.) был из семьи полковника, преподавателя Артиллерийской академии в Ленинграде. По тем временам человек очень образованный — он окончил три курса в вузе, потом бросил, работал до войны преподавателем в детском доме, потом — в школе фабрично-заводской молодежи, и было логично, что он попал преподавателем в детскую диверсионную школу...»

Школа подчинялась гестапо. За период с июня 1943 по январь 1945 года школа подготовила 110 подростков-диверсантов. Судьбы у них были разные. Одни приземлялись и спешили сдаться властям, другие после выполненных заданий возвращались к немцам, третьих арестовывали и судили. Военная прокуратура и соответствующие трибуналы жестоко карали изменников. Судьба осужденных была решенной:

колония, изнуряющий труд, никаких перспектив в будущем.

Это касалось тех, кто успел подорвать хотя бы один паровоз или убить хотя бы одного советского солдата, они получили сроки от 10 до 25 лет.

Евтуховичу, хотя он и сдался в январе 1945 года, придя в распоряжение советских войск с преподавательницей этой школы Александрой Гуриновой и 44 диверсантами-подростками, не удалось избежать сурового наказания. Он будет расстрелян в 1946 году, потому что обвинитель нашел доказательства участия предателя в карательных операциях против партизан.

Вот и все наброски об эпопее борьбы в годы войны органов Смерш с диверсантами-подростками.

Жуков сдался...

*Непродуманная мысль — это вопрос,
принятый за ответ.*

Владимир Шойхер

Принципиальность, смелость и доведение своей правоты до логического конца продемонстрировал генерал-майор П.И. Ивашутин во время руководства Управлением военной контрразведкой Смерш 3-м Украинским фронтом в период заключительной фазы Ясско-Кишиневской операции. Она, как известно, проходила с 20 по 29 августа 1944 года. Началось наступление наших войск рано утром 20 августа с мощной артиллерийской подготовки.

Первая часть ее заключалась в подавлении вражеской обороны группы армий «Южная Украина» под командованием генерал-oberста (генерал-полковника. — Авт.) Ганса Фриснера перед готовящейся атакой наших танков и пехоты.

Вторая — в плотном артиллерийском сопровождении нашей атаки. Вскоре советские войска, сопровождаемые двойным огненным валом, перешли в наступление. К исходу второго дня продвижения войска 3-го Украинского фронта изолировали 6-ю полевую немецкую армию от 3-й румынской, а затем сомкнули кольцо окружения гитлеровцев в районе села Леушены.

Молниеносный и сокрушительный разгром немецко-румынских войск под Яссами и Кишиневом до предела обострил внутривойсковую обстановку в Румынии. Данные зафронтальной агентуры военной контрразведки Смерш фронта и войсковой разведки говорили, что в Румынии зреет недовольство народных масс, готовое

вылиться в восстание. В стране идет активный процесс консолидации оппозиционных сил.

П.И. Ивашутину доложили подчиненные, что, по агентурным данным, в Бухаресте на 23 августа готовится восстание...

Король Михай, быстро сориентировавшись, занял сторону восставших и приказал арестовать гитлеровского сателлита Антонеску, а также пронацистски настроенных генералов-ястребов, которые боялись ответственности за свои злодеяния, совершенные как на советской земле, так и на своей родине — в Румынии.

Зная о происходящих процессах в Бухаресте, Ивашутин практически инициировал переговоры с представителями румынского правительства о выходе из войны этой страны — компаньона фашистской Германии. Помощь в некоторых деталях при разработке этого грандиозного плана оказывал и Разведотдел фронта во главе с генерал-майором А.С. Роговым.

Во время переговорного процесса с румынами в штаб фронта неожиданно прибыл представитель Ставки ВГК маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. Командующий фронтом Ф.И. Толбухин не знал о его готовящемся прилете — произошло все неожиданно и внезапно. Представитель Ставки был чем-то встревожен, даже разъярен. Московский гость буквально влетел в помещение штаба.

— Где командующий? — грозно рявкнул военачальник, обращаясь к опешившему дежурному офицеру, впервые увидевшему героического полководца войны.

— На рекогносцировке в районе... товарищ... — не закончив ответ высокому начальнику, дежурный тут же получил приказ.

— Срочно вызовите командующего в штаб, — сдвинув брови к переносице, потребовал маршал.

Вскоре Федор Иванович Толбухин прибыл по вызову и представился вышестоящему начальнику. Пригласив командующего в отдельную комнату, Жуков решил подчиненному навязать план проведения последующей войсковой операции по окончательной ликвидации немецко-румынской группировки на территории Румынии.

— Георгий Константинович, я хочу, чтобы вы познакомились с планом военной контрразведки. Там есть много чего интересного.

— Ну... Вызовите чекиста, если он на месте, — нахмурился и недовольно поморщился Жуков.

На встречу с представителем Ставки тут же был вызван военный контрразведчик Петр Иванович Ивашутин, который владел иной информацией. Он попытался убедить Жукова, что Румыния готова и без боевых действий выйти из войны и сдаться на милость победителю.

— Откуда у вас такие данные? — грозно спросил посуровевший полководец.

— С представителями румынского королевского двора наша служба ведет активные переговоры, и они близки к положительному завершению, — деликатно ответил контрразведчик, смело глядя в глаза представителю Ставки.

Вообще Ивашутин в беседах и с подчиненными, и с начальниками никогда не робел, не прятал и не отворачивал глаз. Как говорится, «смотрел прямо, в очи даже тогда, когда тяжело было очень...» слушать правду.

— Херня какая-то, мудистика, просто чепуха, надо добивать врага, — бросал скабрзные слова Жуков. Он кинул властный взгляд на только что получившего после удачно проведенной Ясско-Кишиневской

стратегической операции звание маршала Советского Союза Толбухина и дал командующему конкретные указания о проведении подготовительных мероприятий для осуществления новых наступательных действий.

— Вам по-ня-тен мой приказ? — с растяжкой, почти по слогам проговорил, словно проскрипел, Георгий Константинович.

Доводы Толбухина о том, что по линии военной разведки фронта и соседей получены данные о наличии еще очень больших сил противника на территории Румынии, тоже не вразумили горячую голову Жукова.

Когда «грозный Георгий» покинул кабинет, отказавшись от традиционного «перекусить», громко хлопнув дверью, в комнате сидели терзаемые тяжелыми раздумьями маршал и генерал-майор.

Эмка с Жуковым быстро домчала его до полевого аэродрома. Самолет стремительно взмыл в небо... Ивашутин, оставшись наедине с командующим фронтом, предупредил Толбухина:

— Федор Иванович, я должен буду, я просто обязан доложить об этом неподдающемуся логике и, по-моему, ошибочном с точки зрения военного стратега приказе своему руководству.

— Ничего я против вашего шага не имею — у вас иная служба, свои руководители, тоже замыкающиеся на Верховного. Жуков знает, что вам приказать я не смогу. Да и ваши материалы очень серьезные, и к ним я, думаю, Москва прислушается, а может, уже о них знает из других источников, кашу маслом не испортишь. Ох, как армии и стране еще пригодятся жизни молодых людей. Зачем брать горячую сковородку голыми руками, когда есть рукавицы.

А про себя подумал: «Тут налицо горячность и непродуманность... Жуков не увидел зерна принятого решения, являющегося результатом всестороннего,

основательного, глубокого обдумывания спецорганов, взявших на себя эту тяжелую ношу».

Командующий был прав... Это потом, спустя годы, поэт-фронтовик Эдуард Асадов, которого война оставила инвалидом по зрению, напишет:

...А в бурях острых объяснений
Храни нас, Боже, всякий раз
От нервно-раскаленных фраз
И непродуманных решений.

А тем временем в Главное управление контрразведки Смерш на имя генерал-лейтенанта В.С. Абакумова полетела срочная и убедительная шифровка о реальной обстановке в зоне ответственности 3-го Украинского фронта. Виктор Семенович внимательно ее прочел. Познакомился еще с некоторыми материалами по этой теме, и тут же, созвонившись с Поскребышевым — секретарем вождя, отправился на доклад к Сталину как своему непосредственному начальнику. Он все же был его заместителем по линии военной контрразведки и мог напрямую общаться с Верховным главнокомандующим, что нередко злило Берию из-за элементарной зависти.

Вскоре Ставка ответила командованию 3-го Украинского фронта, что с конкретными предложениями начальника Управления КР фронта генерал-лейтенанта П.И. Ивашутина (он получил это звание 25 сентября 1944 года. — *Авт.*) согласна и предлагала маршалу Толбухину действовать исходя из реально складывающейся обстановки.

После этой шифротелеграммы Федор Иванович Толбухин, встретив Ивашутина возле штаба, улыбнулся и проговорил:

— Ну что, Петр Иванович, наша взяла — Жуков сдался!

— А куда же ему было деваться против правды, — заметил довольный военный контрразведчик. — Истина, которая делает нас свободными, — это чаще всего истина, которую мы порой, к сожалению, не желаем слушать. Вы же видели, как он среагировал. Почти бранью ответил на предмет пратиче-ски решенного спора с бухарестскими властями.

— Что верно, то верно, правда редко кажется чистой и никогда не бывает простой, — улыбнулся довольный командующий...

* * *

А вот как пояснил характер и эпизоды работы с румынским королем Михаем сам П.И. Ивашутин, давая последнее интервью в прошлом армейскому журналисту Николаю Пороскову:

«...Двадцатишестилетний летчик, катерник, любимец фрейлин, которых в количестве около десятка он нередко возил с собой. Михай Первый не очень задумывался о власти, зато его мать Елизавета была женщиной умной и хитрой, больше политик, чем он сам. Задача спецслужб состояла с том, чтобы лидера компартии Румынии Георгия Георгиу-Деж сделать известным, популярным и поставить во главе государства. Для этого разыграли именины командующего фронтом Федора Ивановича Толбухина (хотя на самом деле дата рождения его была иной).

Пригласили на торжество Михая, наградили его орденом Славы, вернули монарху его же шикарную яхту, до этого угнанную из Констанцы в Одессу, и под хорошее угощение подсунули проект указа о награждении Георгиу-Деж самым высоким румынским орденом. Все газеты об этом сообщили.

Михаю внушили, что новую коммунистическую власть он возглавить не может и королевское звание снять с себя — тоже. Михай погрузил имущество в вагоны, и его с почестями отправили, подарив на прощание самолет».

Как было приятно начальнику Управления КР Смерша фронта, что он отвел большую беду от солдат и офицеров — напрасные потери. Фактически его смелость и принципиальность позволили вернуть в семьи мужиков, которые могли бы погибнуть на поле ненужного боя. В Ивашутине тогда заговорили задатки не политика, а государственного деятеля — чувствовалась масштабность мышления в ходе осуществления оперативной разработки бухарестского руководства.

А в это время в румынской столице было сформировано коалиционное правительство, в которое вошли как социал-демократы, так и коммунисты во главе с Константином Сэнэтеску. Оно и объявило о выходе страны из войны и потребовало от немецких войск в кратчайшие сроки покинуть пределы Румынии. Немцы отказались исполнять ультиматум, и ранним утром 24 августа их авиация стала бомбить Бухарест.

Румыны попросили о помощи. Вскоре она была им оказана. А вот решение об отказе в проведении новой операции летом 1944 года, разработанной Жуковым, спасло жизни многим советским гражданам — это факт, как и факт участия армейского чекиста в планировании войсковых операций фронтового уровня.

Потом бывший начальник штаба 3-го Украинского фронта Герой Советского Союза генерал армии Семен Павлович Иванов скажет об Ивашутине, с которым прошел тяжелыми дорогами войны с 1942 по 1945 год:

«...Петр Иванович принимал непосредственное участие в подготовке и проведении наступательных операций 3-го Украинского фронта.

Особенно много сил и энергии вложил он в подготовку и осуществление Ясско-Кишиневской, Будапештской, Венской операций, обеспечение действий войск фронта по освобождению Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии».

А вообще как оперативник он был достаточно скромным человеком. Никогда не выпячивал свое имя, не претендовал на получение высоких правительственных наград, не выпрашивал должностей. Эти качества он пронес по своей службе как в Комитете государственной безопасности, так и Главном разведывательном управлении Генштаба ВС СССР. Летом 1944 года Петр Иванович с радостью узнал о появившихся «немцах в Москве».

Ему рассказал все подробности этого прямо-таки театрального действия один из офицеров Управления КР Смерш фронта, выезжавший в Москву для доклада направленцу в Главное управление КР о полученных оперативных материалах от внедренного зафронтового агента с намерениями гитлеровской верхушки провести сепаратные переговоры с нашими союзниками.

Дело в том, что в июле месяце руководство НКВД через свои войска провело в Москве уникальную операцию под кодовым наименованием «Большой вальс». К вечеру 16 июля 1944 года в столицу неожиданно прибыли пятьдесят пять эшелонов с военнопленными гитлеровцами. Ночь фрицы провели на поле центрального аэродрома, где когда-то взлетал и садился военлет Петр Ивашутин на тяжелых бомбардировщиках ТБ-3. Потом рядом с аэродромом построят новое здание армейского госпиталя, которое неожиданно передали военной разведке страны, и генерал Ивашутин до самой пенсии проработает в «стекляшке». Так ласково называли военные разведчики свою «альма-матер»...

Но вернемся к летним событиям в Москве 1944 года.

В 10 часов утра следующего дня захваченным гитлеровцам — солдатам, офицерам и генералам — после побудки и завтрака объявили срочное построение и сразу же-«сбор». Потом их провели по Москве — по улице Горького (нынче Тверская. — Авт.). Впереди шествовали 19 генералов и 600 офицеров, а за ними — 56 тысяч вражеских солдат. Эти немцы попали в плен в разное время на различных фронтах. Теперь их собрали всех вместе для «экскурсии».

Шли они во всю ширину одной из центральных улиц столицы, по двадцать человек в ряд. Битые гитлеровцы удивленно озирались. Наверное, они предполагали увидеть город в развалинах и руинах, как им твердила геббельсовская пропаганда о результатах точечной бомбардировки советской столицы на протяжении всей войны. Но как ни вглядывались они в проезды и переулки, на крыши домов, в проемы распахнутых окон с выглядывающими из них любознательными москвичами, ничего подобного увидеть не смогли.

В день «захвата немцами Москвы» погода была полетнему солнечной, поэтому дома и деревья, обласканные дневным светилom, казались ярче и наряднее. Толпы уставших от войны москвичей и гостей столицы стояли рядами вдоль улицы на тротуарах и молча смотрели на мимо проплывающих низложенных «тевтонцев» двадцатого века. Тишина была удивительной, только слышно было шарканье ног военнопленных по мостовой. Шар-шар, шар-шар, — скрипели стертые подошвы сапог и ботинок.

Гитлер обещал войну закончить по плану блицкрига в пределах четырех недель и к октябрю 1941 года захватить Москву, проводя в ней парад. Затем в его

сумеречном сознании появился план: уничтожить российскую столицу — сравнять ее с землей, а потом затопить. И вот через три года фашисты оказались в Москве, но в положении поверженных и посрамленных воителей, понуро бредущих в жестоком спектакле истории по улицам того города, который они намеревались захватить и уничтожить.

Одним из символических действий, вписанных в этот политический спектакль, было прохождение поливальных машин, которые по замыслу его режиссеров смывали пыль, оставленную от сапог гитлеровских военнопленных, победно прошагавших половину Европы.

«Да, красиво обыграли в Москве проводку колонны немцев по центру столицы, — размышлял Петр Иванович, — в назидание потомкам. Пусть знают, история России не раз говорила врагу — не замань, не трогай! С мечом пришли — от меча и погибните. Еще чуть-чуть, и Третий рейх будет доломан, посрамлен и уничтожен. Его создатель — Гитлер был убежден, что его творение будет жить вечно. Вечное с преступным режимом не уживается».

* * *

Войну Ивашутин закончил в музыкальной, веселой, восторженно принимавшей наших воинов Австрии. Там встретил и День Победы...

Никаких трофеев он с войны не привез, потому что довольствовался самым малым, на что имел законное право, потому что порядочность у него была судьей над совестью. Ивашутин измерял свое право своим долгом. А долг, как он считал, — это то, чего в конкретную минуту не сделает никто, кроме него. Такие люди венчаны долгом и честью.

А тот, кто делает то, что может, делает то, что должен. Есть что-то магическое в слове «долг», нечто такое, что поддерживает полководцев и воодушевляет воинов. «Долг-расплата за жизнь, — говорил русский литератор Севрус (Ворохов) Эдуард Александрович. — Это обязанность обеспечить благодатное существование всего и всех, кто ее даровал нам, поддерживает и составляет: родителей, любимых женщин, детей, друзей, Отечество и дела, которым мы служим». Генерал исполнил свой долг перед Отчизной, верным и честным ей служением, как гражданин и как воин.

Со слов сослуживца П.И. Ивашутина по центральному аппарату ГРУ вице-адмирала Кузьмина Л.Т., он любил повторять античный афоризм, что честный человек боится позора преступления, нечестный — наказания за преступления.

Петр Иванович вспоминал, как пела и кружилась счастливая весенняя Вена. Вальсировали в танцах девушки со своими освободителями — советскими солдатами и офицерами. Гремели повсюду духовые оркестры, пикировали на скрипках почтенные исполнители, свистели в тирольские трубочки горожане.

Танцплощадки возникали стихийно на улицах, расчищающихся от развалин и осколков кирпича, стекла и бетона и местными гражданами, и нашими военнослужащими, без особых команд и приказов. Инициатива шла снизу — минеры изучали и исследовали «плацдармы праздника», а потом подключались его участники.

15 июня 1945 года на основании директивы Ставки ВГК от 29 мая 1945 года 3-й Украинский фронт был расформирован. Полевое управление фронта сразу же реорганизовали в Управление Южной группы войск (ЮГВ).

С 1945 года генерал-лейтенант П.И. Ивашутин — начальник Управления КР Смерш Южной группы войск, с ноября 1947 года — начальник Управления КР МГБ Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ). С ноября 1949 года — начальник Управления КР Ленинградского военного округа, а в 1951 году был назначен заместителем начальника 3-го Главного управления МГБ СССР — военная контрразведка. А потом было еще одно знаковое назначение, и была еще одна война — война после войны.

Время службы П.И. Ивашутина в ГСОВГ было тоже беспокойным. Управление особых отделов (УОО) Группы располагалось в живописной части города с оградой и охраной по периметру. В то же время в этом немецком городе находились американская, английская и французская военные миссии — миссии «союзников», укомплектованные, как правило, кадровыми разведчиками, ведущими активную работу против Группы советских войск.

Они пытались устанавливать контакты с советскими военнослужащими с целью осуществления их вербовки, получения секретной информации или склонения к бегству за границу. Поэтому особисты вели большую работу по предотвращению измены Родине в войсках, в которых служили призванные военнослужащие полевыми военкоматами после освобождения от немецкой оккупации той или иной территории. Они призывались в армию скоротечно, и заниматься проверкой этого призывного контингента военным контрразведчикам, тем более в ходе боев, в полной мере не было возможности. Попадались среди призывников уголовники и пособники немцев.

«Теперь изменники изменили свои задачи и приемы, — как писал армейский чекист Л.Г. Иванов, — но остались теми же по своей сути. Они боялись

возмездия за совершенные преступления и старались сбежать в западные зоны оккупации.

Обычно в этих целях они вступали в интимные отношения с немками и по прошествии определенного времени договаривались с ними об уходе на Запад. Это было удобно для беглецов. Немки знали язык, территорию Германии, дороги и т. д. Советская военная контрразведка имела право вести оперативную работу среди немецкого населения. От наших людей из числа немков мы нередко получали сведения о подготовке определенного лица к уходу на Запад. За время войны со стороны офицеров особых отделов, а затем Смерша не было ни одного случая перехода через линию фронта к немцам, т. е. не было фактов измены Родине...

Уже после войны, в 1949 году, когда я служил в Управлении особых отделов ГСВГ, имел место факт измены Родине офицером управления, старшим лейтенантом Гольдфарбом, переводчиком немецкого языка. Он часто выезжал за пределы территории управления вместе с семьей — женой и ребенком. В службе охраны к этому привыкли и не обращали на его выезды внимания — бдительность притупилась. В день измены он, как всегда, на машине выехал с семьей за территорию управления и не вернулся. Тогда сразу стало ясно, что Гольдфарб давно готовился к переходу в Западный Берлин.

Начальником Управления особых отделов группы был тогда генерал-лейтенант, а впоследствии генерал армии, начальник ГРУ ВС СССР Герой Советского Союза — П.И. Ивашутин. Он много переживал в связи с этим случаем.

Получилось — пригрел змею на груди. Был крупный телефонный разговор с Москвой. Абакумов, как человек холерического склада, хотя и знал Ивашутина как толкового работника, успел наговорить ему кучу неприятных слов. Потом все-таки отошел и предложил

внимательнее присматриваться к своему окружению. Человек взорвался, но осколками неприятных слов все-таки ранил душу. Но такие горячие люди, как правило, не злопамятны. Петр Иванович и сам понимал, что недоработал, но наказывать серьезно никого не стал. Оргвыводы остались за Москвой...

Живые люди не застрахованы от ошибок, но цена последних может быть разная по своим последствиям!

В абвергруппе-102

*Герой не храбрее обычного человека,
но сохраняет храбрость на пять минут
дольше.*

Рольф Эмерсон

Завязка этой истории, полной героизма и драматизма, лежала в начале войны. Осенью 1941 года броневым клиньем немецких групп армий «Центр» и «Юг» удалось сомкнуть кольцо окружения советских войск на Киевском направлении и охватить 21-ю, 5-ю и 37-ю армии Юго-Западного фронта.

Больше недели советские войска вели кровопролитные бои в окружении, а затем, разбившись на многочисленные отряды и группы, стали выходить из окружения. Среди солдат и офицеров, запертых во вражеском котле, оказался и начальник склада горюче-смазочных материалов (ГСМ) 5-й армии 28-летний техник-интендант 1-го ранга Петр Иванович Прядко. Два с половиной месяца он с боями выходил из окружения. Наконец 27 ноября 1941 года ему удалось перейти линию фронта в полосе боевых действий нашей 6-й армии.

Как и положено, «окруженец» Прядко сразу же попал к особистам — в Особый отдел НКВД, где армейские контрразведчики проверили подлинность его документов, выяснили обстоятельства, при которых он попал в окружение. В ходе беседы оперативный работник Особого отдела лейтенант госбезопасности Макеев обратил внимание на высокое интеллектуальное развитие интенданта, хорошую

память, крепкое здоровье и к тому же наличие незаконченного высшего образования.

Макеев доложил все материалы своему начальнику отдела — капитану госбезопасности П.А. Рязанцеву. Офицеры решили предложить Прядко вновь отправиться через линию фронта теперь уже в качестве зафронтового агента. Петр Иванович, немного поразмыслив, дал принципиальное согласие продолжить негласную борьбу с немцами. В целях конспирации Прядко был присвоен псевдоним «Гальченко», которым он должен был подписывать все свои сообщения, посылаемые из стана врага.

По заданию армейских чекистов он должен был внедриться в абвергруппу-102 при штабе 17-й пехотной армии вермахта, которая противостояла 6-й армии Юго-Западного фронта, с целью получения сведений об этом разведоргане и дезорганизации его работы. Абвергруппа-102 занималась вербовкой своей агентуры в лагерях советских военнопленных, расположенных в Донецкой, Ростовской, Харьковской областях и Краснодарском крае. При группе существовали специальные курсы по подготовке разведчиков, диверсантов и радистов для последующей заброски в тыл Красной армии.

Наряду с обучением обычной агентуры специалисты из абвера готовили также резидентов, главным образом из числа местных жителей, для длительной работы на советской территории. С Петром Ивановичем Прядко была быстро проведена инструктивная работа, и в ночь с 14 на 15 января 1942 года его переправили через линию фронта с легендой дезертира-перебежчика.

После его задержания немцами он был направлен на сборно-пересылочный пункт при одном из лагерей советских военнопленных в городе Славянске. Там его и «сосватали» гитлеровские вербовщики, предложив поработать на величие Третьего рейха. Прядко,

согласно инструкции, несколько поколебавшись, наконец-то дал согласие в оказании негласной помощи абверовцам, в том числе и его заброски в тыл Красной армии.

Немцы спешили. Им понадобилось две недели на обучение нового агента. И уже в ночь с 25 на 26 января Петр Прядко под псевдонимом «Петр Петренко» оказался на советской территории. В Особом отделе 6-й армии он сообщил ценные сведения, которые ему стали известны относительно абвер-группы-102, а также о двенадцати агентах, готовящихся к заброске в тыл Юго-Западного фронта.

Через два с половиной месяца Прядко с «торбой» дезинформации в ночь с 14 на 15 апреля 1942 года был вновь переброшен на немецкую сторону. Но его пребывание в немецком разведоргане опять оказалось кратковременным. Накануне крупномасштабного наступления под Харьковом вермахт срочно нуждался в свежей информации. Агента абвера «Петра Петренко» вновь перебрасывают на советскую территорию. На этот раз Прядко помог военным контрразведчикам 6-й армии задержать четырех немецких шпионов и сообщил установочные данные еще на четырнадцать агентов, готовящихся к переброске через линию фронта. Удивительный это был человек, его одинаково высоко ценили и немецкие абверовцы, и советские чекисты.

В личном деле агента «Гальченко» есть характеристика, которую подготовил оперработник, курировавший его. Вот выдержка:

«По своим качествам исключительно толковый работник, грамотный, сообразительный, быстро и хорошо ориентирующийся в боевой обстановке.

К заданиям относится серьезно и выполняет их точно в соответствии с нашими указаниями».

К весне 1942 года фашисты, нарастив силы, решили контратаковать войска Юго-Западного фронта.

Начальник Генштаба РККА Б.М. Шапошников предложил такой план: «Учитывая численное превосходство противника и отсутствие второго фронта в Европе, на ближайшее время нужно ограничиться активной обороной».

Это было единственно правильное решение. Тем не менее С.К. Тимошенко, выступив в поддержку предложенного плана, заявил: «Войска направления сейчас в состоянии и, безусловно, должны нанести немцам на Юго-Западном направлении упреждающий удар и расстроить их наступательные планы, в противном случае повторится то, что было в начале войны».

И повторилось, но теперь сценаристами были Тимошенко и Хрущев. Во второй половине мая 1942 года, после мощных ударов вермахта в районе Белгорода и Харькова, значительные силы Юго-Западного фронта оказались во вражеском котле. Гитлеровская военная машина ежедневно перемалывала тысячами наши войска. В ожесточенных боях с фашистами погиб почти весь коллектив Особого отдела 6-й армии во главе капитаном госбезопасности Павлом Андреевичем Рязанцевым, который, как уже упоминалось выше, был инициатором заброски в абвергруппу-102 зафронтового агента «Гальченко» — Петра Ивановича Прядко.

Это была настоящая катастрофа, которая по своим масштабам намного превзошла катастрофу германской армии под Сталинградом. В Сталинграде было пленено чуть более 90 тысяч немцев, в Харьковской операции — 230 тысяч советских солдат и офицеров. Окруженные немецкие войска под Сталинградом, в зимних условиях, продержались — 70 дней, наши под Харьковом, в летний период — 7 дней.

«Что делать? — размышлял Петр. — Пробиваться к своим? Но это дело ненадежное и довольно-таки

опасное. В создавшейся обстановке остался только один вариант-надо идти снова к немцам». Он так и поступил — «сдался» в плен. Немцам он назвал пароль и тут же был доставлен в «родную» абвергруппу-102. На допросе у начальника группы подполковника Пауля фон Гопф-Гойера Прядко поведал самостоятельно разработанную легенду о своих «злключениях» в тылу. Немец остался доволен «сбранной» информацией агента.

«Вы настоящий маладец, — искренне восхитился абверовец, обратившись к нему на ломанном русском языке, вы так карашо всех обманули и принесли еще кучу ошень важных тайных сведений. О вашей работе надо рассказать всем, всем слушателям школы, и это для них будет учительно. Если бы все были такими, как вы, это было бы ошень карашо. Пока отдыхайте, мой друг. Я распоряжусь, чтобы вам дали многа-многа денег, папирос и водка».

Его после трех ходок в советский тыл и возвращения оттуда абверовец посчитал хорошо проверенным негласным сотрудником и поручил ему крайне ответственную работу-изготовление так называемых документов «прикрытия» для забрасываемой агентуры.

Для работы ему определили отдельное помещение. Приступив к работе, Прядко обнаружил за собой постоянное плотное негласное наблюдение со стороны начальника канцелярии Валерия Шевченко, непосредственно занимающегося переброской агентуры. Надо было каким-то способом нейтрализовать предателя. Наш разведчик под впечатлением слезки так ожесточился, что готов был вскрикнуть: «Добей его!» Так кричали когда-то римляне — pollice verso! — в Колизее, поворачивая вниз большой палец. «Добей его или он добьет тебя», — стучало в висках.

Повод нашелся — Шевченко злоупотреблял спиртным. Однажды набравшись, как говорится, до чертиков, он уснул и оставил без присмотра портфель с секретными документами. Прядко похитил его, документы выпотрошил возле туалета штаба группы. В результате — Шевченко арестовали, быстро провели расследование и на второй день расстреляли.

«Работу в абверовской канцелярии, — как отмечалось в альманахе «СМЕРШ-60», — Прядко использовал для пользы дела. При изготовлении фиктивных документов он умышленно допускал мелкие неточности, которые впоследствии дали бы возможность советской контрразведке быстро выявить и обезвредить вражеского агента. Эта хитрость чуть было не стоила ему жизни. Проверяя документы у подготовленных к заброске агентов, заместитель начальника абвергруппы, бывший петлюровский офицер Петр Самутин, обратил внимание на допущенные в них ошибки. Прядко тут же арестовало гестапо. Он находился в шаге от расстрела. Однако, сыграв на следствии «под дурачка», Прядко заявил, что неточности были сделаны им случайно из-за спешки в работе и неразборчиво написанных образцов. Приняв во внимание прошлые «заслуги» удачливого агента «Петра Петренко», ему поверили, освободили из-под стражи и оставили в группе.

К октябрю 1942 года Прядко собрал значительное количество сведений о дислокации немецких войск и абверовской агентуре, подготовленной к засылке в тыл Юго-Западного фронта. Учитывая недавний арест и возможные подозрения со стороны немцев, Прядко решает возвратиться к своим. На случай задержания в прифронтовой полосе находчивый разведчик придумал очередную хитрость. Он изъясил из портфеля сотрудника абвергруппы Романа Лысого деньги, которые тот

должен был везти на передовую для вручения группе агентов.

Когда при попытке перейти линию фронта в районе станицы Кабардинская Прядко был задержан германскими солдатами, то причину своего пребывания на передовой он объяснил необходимостью доставки денег, забытых его сослуживцем. Лысый же, обнаружив отсутствие в портфеле денег, подтвердил правильность объяснений Прядко и даже поблагодарил его за добросовестную службу.

В результате этого позиции разведчика «Гальченко» в абвергруппе еще более упрочились. Оставив на время мысль о возвращении к своим, Петр Иванович решил осуществить акцию по компрометации другого пособника оккупантов-Романа Лысого как ярого украинского националиста. Прядко подложил в его папку со служебными документами несколько листовок ОУН, в которых содержались нападки как на москалей, так и на немцев. Когда папка понадобилась тогдашнему начальнику абвергруппы-102 капитану Мартину Руделю, то среди прочих бумаг он обнаружил и националистические листовки. Вскоре Роман Лысый был изгнан из разведоргана, а его работа была временно парализована.

В конце 1942 года абвергруппу возглавил новый начальник — капитан Карл Гесс, зарекомендовавший себя как отпетый пьяница и распутник. Ослабление бдительности и дисциплины в группе «Гальченко» ловко использовал в своих интересах, причем довольно простым способом. В одну из темных ноябрьских ночей Прядко и привлеченный им для подпольной работы шофер группы Василий Матвиенко крупными буквами написали на стене здания, в котором размещалась абвергруппа, следующую фразу: «Здесь живут шпионы во главе с Гессом и прочими бандитами. Вам не уйти от заслуженной кары!»

Утром надпись была обнаружена. Немцы решили, что это дело рук местных партизан. Командованию пришлось принимать срочные меры по локализации последствий раскон-спирации местонахождения армейского разведоргана. В результате все агенты, проходившие в то время подготовку в абвергруппе, были возвращены в лагеря военнопленных. Многим официальным сотрудникам пришлось срочно менять псевдонимы, а Карл Гесс был отстранен от должности начальника.

Войдя во вкус, Прядко вскоре удалось «подставить» еще одного опытного сотрудника абверкоманды фельдфебеля Аппельта, выполнявшего функции казначея и писаря. Воспользовавшись тем, что Аппельт ушел из дома, не закрыв квартиру, Прядко похитил из его портфеля секретные документы со списками агентуры и две тысячи рейхсмарок. За утрату важных документов немца в тот час же отправили в Варшаву, в штаб «Вали», а обучавшихся агентов вновь вернули в лагерь военнопленных.

Лишенный связи с советской военной контрразведкой, Прядко периодически предпринимал попытки сообщить своим о том, что он жив, здоров и продолжает выполнять поставленные перед ним задания. Для этой цели он подбирал надежных людей из числа местных жителей, которым оставлял записки для последующей их передачи в Особый отдел НКВД с наступающей Красной армией. Так, в конце 1942-начале 1943 года подобные записки были оставлены им у патриотически настроенных жителей Ростова-на-Дону и Краснодара.

«Добрый день, дорогие! — писал Прядко в одной из них. — Очень жалею, что не имею возможности быть сейчас с вами — обстоятельства не позволяют. Ну скоро обязательно буду. О ваших беспокойствах мне хорошо

известно. Думаю, вы понимаете, что не от меня все зависит. Передать необходимое сейчас не могу».

Весной 1943 года, когда абвергруппа-102 располагалась в здании школы села Вороновицы Винницкой области, у «Гальченко» созрел дерзкий план ее уничтожения путем поджога. Через Матвиенко он привлек другого шофера группы Ивана и механика электростанции Николая. Однако Николай выдал немцам Матвиенко и Ивана. О Прядко как об организаторе акции он, к счастью, не знал. Арестованные шоферы не выдали Прядко и тут же были расстреляны.

К осени 1943 года прошло уже почти полтора года, как «Гальченко» находился в абвергруппе-102. Практически все это время он не имел связи с Особым отделом, а информации для советской военной контрразведки у него накопилось достаточно. Прядко твердо решил любой ценой пробраться к своим, навстречу наступающей Красной армии. В сентябре он попросил у начальства отпуск якобы для эвакуации семьи, проживающей на Полтавщине. «Ветерану» группы немцы пошли навстречу, его просьба была удовлетворена.

* * *

И вот 25 сентября 1943 года он покинул расположение школы в Винницкой области. Пересидев некоторое время в кукурузном поле и дождавшись прихода наших войск, явился в один из отделов контрразведки Смерш. После непродолжительной беседы с армейскими чекистами агента «Гальченко» направили в Управление ВКР Центрального фронта. Там его встретили с удивлением и радостью.

— Здравствуй, дорогой, — генерал-майор протянул Прядко крепкую руку.

— Здравствуйте, — переминаясь с ноги на ногу, смущенно ответил зафронтной разведчик, ставший героем.

— Петр Иванович, моя фамилия Вадис Александр Анатольевич. Я начальник военной контрразведки фронта. Наслышался о ваших подвигах. Теперь надо бы отдохнуть?

— Какой отдых, товарищ генерал, надо добивать зверя, — осмелев, ответил Прядко.

— Что ж, приятно слышать такой ответ, но мы вас уже не выпустим в абверкоманду, опасно, — утверждающе произнес Вадис.

Итоги самоотверженной работы «Гальченко» за линией фронта впечатляющие. Военная контрразведка получила подробные установочные данные на 24 официальных сотрудников абвергруппы-102, на 101 вражеского агента, причем удалось добыть 33 их фотографии.

Об этих данных, полученных от Прядко, Вадис А.А. информировал начальника УКР Смерш Юго-Западного фронта генерал-майора Петра Ивановича Ивашутина, потому что военная контрразведка 6-й армии, переправившая его через линию фронта для внедрения в подразделение абвера, подчинялась ему. Он гордился подвигом человека-легенды, которого воспитали в коллективе его управления. Ивашутин руководил военной контрразведкой Юго-Западного, а потом 3-го Украинского фронтов с 1943 года и до конца войны. 6-я общевойсковая армия входила в состав 3-го Украинского фронта.

В Москву полетела срочная шифровка:

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Заместителю наркома обороны Союза ССР -

нач. Главного управления контрразведки Смерш

комиссару государственной безопасности 2-го ранга товарищу Абакумову.

Спецсообщение по агентурному делу «ЗЮД»
о возвращении из тыла противника
зафронтового агента «Гальченко»

17 мая 1943 года в распоряжение Отдела Смерш по 57-му стрелковому корпусу после выполнения специального разведывательного задания в абвергруппе-102 возвратился зафронтовой агент «Гальченко».

По заданию 00 НКВД 6-й армии в январе 1942 года он был послан в тыл противника с целью внедрения в немецкий разведорган.

Выполнив это задание, «Гальченко» в начале февраля возвратился из тыла противника, будучи завербованным немецкой разведкой в г. Славянске.

Вторично с соответствующим дезинформационным материалом «Гальченко» был заслан в тыл противника 14 апреля 1942 года и возвратился обратно 17 мая 1943 года.

Из тыла противника «Гальченко» вернулся с двумя немецкими шпионами — Чумаченко и Погребинским. Кроме того, он доставил материалы на 18 официальных сотрудников, 101 агента и 33 фотографии из личных дел, а также образцы бланков и печатей разведывательно-диверсионного органа абвергруппа-102.

Особого внимания заслуживает его информация о возможных планах фашистского военного командования начать летом с.г. наступление на Курском направлении.

Добытые агентом «Гальченко» разведывательные материалы и его отчет о проделанной работе направлены в ваш адрес установленным порядком.

Начальник Управления контрразведки Смерш
Центрального фронта

генерал-майор (Вадис)

18 мая 1943 года

№ 2/8767

исп. 2-е отделение».

Об успешном выполнении зафронтовым агентом «Гальченко» задания военной контрразведки начальник ГУКР Смерш НКО СССР комиссар государственной безопасности 2-го ранга В.С. Абакумов докладывал лично Верховному главнокомандующему И.В. Сталину.

За проявленные мужество и героизм в тылу противника Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 июня 1944 года Петр Иванович Прядко был награжден орденом Красного Знамени. Использовать в дальнейшем Прядко за линией фронта было опасно, поэтому он вернулся в войска на знакомую должность начальника склада ГСМ. День Победы встретил со своей частью в польском городе Щецине.

До 1960 года Прядко служил в частях Советской армии, а после увольнения в запас и отставки работал на различных предприятиях города Ростова-на-Дону. В июне 1996 года директором ФСБ России 82-летнему ветерану Петру Ивановичу Прядко было присвоено звание «Почетный сотрудник контрразведки» и вручен соответствующий нагрудный знак, обладателями которого становятся лишь самые достойные из профессионалов отечественной службы.

Схватка с диверсантами

Храбрость — это когда только вы знаете, как вы боитесь.

Франклин П. Джонс

Интересный эпизод из своей службы в Смерш поведал офицер-оперработник капитан А.В. Попков. В годы войны ему довелось служить в отделе военной контрразведки 7-й-отдельной армии (ОА), действовавшей на южном фланге Карельского фронта. Гитлеровцы проявляли пристальное внимание к занимаемому нашими полками и дивизиями участку. И не мудрено — армия сдерживала противника на подступах к Ленинграду. Она не позволяла соединиться гитлеровским и маннергеймовским войскам на перешейке между Ладожским и Онежским озерами. Фашисты хотели замкнуть второе кольцо блокады города.

Немецкие спецслужбы на этом участке вели активную разведывательно-диверсионную работу. Не проходило ни одной спокойной ночи, передовую армейских воинских частей постоянно прощупывали немцы в надежде найти необходимое «окно» для относительно незаметного и беспрепятственного прохода своей агентуры в тыл наших войск.

Зимой 1942 года командование немецкой разведшколы, расположенной в оккупированном Петрозаводске, решило забросить в тыл 7-й ОА крупную диверсионную группу. Одетые в форму военнослужащих Красной армии диверсанты двигались ночью на грузовой автомашине по льду. Гитлеровцы рассчитывали, что наши наземные радиолокационные

посты не должны были обнаружить грузовик с диверсантами, пока он двигался по льду озера. И действительно, какое-то время автомобиль продвигался незамеченным. Посты РЛС его не видели. Однако возвращавшиеся с задания наши летчики заметили грузовик, находившийся в необычном месте, и немедленно доложили об этом командованию.

«Как только о машине стало известно в Особом отделе армии, — рассказывал А.В. Попков, — сразу же была сформирована группа захвата. Я был включен в нее. Выехав к берегу озера, мы устроили засаду возле дороги. Когда грузовик остановился, его тотчас же окружили наши бойцы. Диверсионная группа была обезврежена».

Это был бескровный успех военных контрразведчиков. С начала лета 1943 года после сокрушительного поражения гитлеровских войск под Сталинградом, прорыва вражеской блокады Ленинграда и успешных наступательных действий частей Красной армии на юге страны на советско-германском фронте установилось относительное затишье.

Гитлеровское командование задумалось, какими силами и в каком направлении нанести по нашим войскам мощный контрудар. Жажда реванша толкала политическое и военное руководство Германии на новые авантюры. Зимой воевать они уже боялись, оставались летние месяцы. И вот восстановить пошатнувшееся военное положение и международный престиж Гитлер решил за счет нового летнего наступления. Кроме того, фашисты рассчитывали на бездеятельность союзников СССР, которые продолжали нарушать обязательства об открытии второго фронта.

Для этого гитлеровцы провели в стране тотальную мобилизацию, форсировали выпуск боевой техники и вооружения. К июлю они сосредоточили на советско-германском фронте свыше пяти миллионов человек.

Местом наступления был избран район Курска, где советские войска глубоко вклинились в расположение противника. Свою операцию они называли претенциозно — «Цитадель». В случае победы они уже выстраивали планы дальнейшего наступления на Москву. Не оставляли фашисты надежды на захват Мурманска и Кировской железной дороги. В период этого затишья Совинформбюро в основном сообщало информацию только о боях местного значения. Но на войне тишина бывает обманчива. Именно в перерывах между боями активизировалась работа вражеской разведки.

Слово Попкову:

«Утром 10 июня 1943 года я собирался выехать в Отдел контрразведки Смерш армии для очередного доклада. Яркое светило солнце. Буйная зелень карельского леса напоминала мне лесные просторы костромского края, где я родился и вырос...

Перед самым отъездом раздался телефонный звонок. Дежурный передал мне приказание начальника отдела срочно прибыть к нему в полном боевом снаряжении. Я проверил содержание полевой сумки, убедился, что компас, топографическая карта, блокнот и карандаш находятся на месте. Вынул из кобуры наган, осмотрел барабан. Положил в полевую сумку дополнительно несколько коробок с боевыми патронами.

В Отделе контрразведки армии сразу же почувствовал, что готовится какая-то серьезная операция. Оторвавшись от телефона, дежурный направил меня к начальнику отдела полковнику И.П. Добровольскому.

Выслушав мой доклад о прибытии, Илья Петрович спросил:

- Как обстановка на вашем участке?
- Все спокойно, — доложил я.

— Придется на несколько дней оторваться от своей части. Мы намерены поручить вам поиск диверсионной группы врага, проникшей в тыл нашей армии. Обычно разведка противника выбрасывает своих агентов на парашютах. Эта группа заброшена на гидросамолете. Как вы думаете почему?

— Вероятно, они имеют большой груз, скорее всего, взрывчатку...»

При инструктаже полковник сообщил, что военным контрразведчикам удалось перехватить и расшифровать радиogramму разведгруппы противника, передаваемую в разведцентр. Из ее содержания стало ясно, что группу возглавляет офицер разведки главного штаба финской армии, но данных об основном задании диверсантов установить не удалось. За истекшее время бандиты стали проявлять себя иными способами. Сначала группа напала на советского командира, находившегося за пределами части. Он погиб в перестрелке с ними. Диверсанты взяли его документы. Потом они сделали попытку ночью напасть на землянку наших летчиков. Но часовой, стоявший в дозоре, своевременно обнаружил диверсантов и открыл по ним огонь. Они поспешно отошли и скрылись в лесу.

Слово А.В. Попкову:

«Развернув на столе карту, начальник Отдела контрразведки армии сказал:

— Последний сеанс радиосвязи диверсанты провели из обозначенного на карте района. Они запросили самолет. Не исключено, что группа намерена провести еще какую-то подрывную акцию и вернуться на свою сторону на гидросамолете. Но, может быть, учитывая, что они уже обнаружили себя, диверсанты намерены быстрее эвакуироваться. Ваша задача — их разыскать и обезвредить.

Ко времени моего прибытия в отдел поисково-истребительная группа была уже сформирована. В нее

вошли два радиста и отряд моряков-автоматчиков под командованием главстаршины Алексеева численностью около тридцати человек. Через десять минут мы уже двигались к лесу по направлению пеленга радиостанции диверсантов».

Перед входом в лес Попков остановил группу и поставил бойцам задачу по розыску и захвату диверсантов, гидросамолета и его экипажа. Двигались гуськом, с дистанцией между бойцами в четыре шага, направляющим был Алексеев. В середине колонны — Попков с радистом. В конце ее — второй радист и замыкающий колонну опытный боец, отвечающий за сохранность радиста и радиостанции. Впереди колонны — дозор, справа и слева — боковые наблюдатели. Скоро чекистская группа втянулась в лес. Отдыхать не приходилось, так как нужно было засветло подойти к месту нахождения диверсантов. На привале радисты стали записывать эфирный текст вражеской радиোগраммы...

В вечерний сеанс радиоперехвата слышимость неприятельской радиостанции резко усилилась, что означало — враг находится где-то близко. Справа виднелось большое озеро. Лес вплотную подступал к воде. Заходящее солнце освещало лишь верхушки высоких деревьев. И вот радист, перехватив вражеское донесение в эфире, сообщил военному контрразведчику, что руководитель диверсионной группы докладывает в центр о невозможности выполнения основного задания. Он просил ускорить присылку самолета для эвакуации участников группы.

Попков через радиста послал радиограмму полковнику Добровольскому. В ней он сообщил, что группа диверсантов обнаружена. А тем временем диверсанты получили ответ:

«Самолет прибудет с наступлением темноты».

Стало ясно, что противник где-то рядом и самолет, чтобы забрать диверсантов, сядет на воду. Бойцы затаились в кустарнике. Попков запретил курение и громкие разговоры. По его приказу были расставлены секреты вдоль берега и обговорены действия — сначала открывать огонь только по самолету.

Сумерки стали стремительно сгущаться. Скоро совсем стемнело. Лес затих, и каждый из чекистской группы стал внимательно вслушиваться в тишину ночи. Напряжение возрастало. Наконец послышался далекий монотонный звук авиационных моторов. Он нарастал, и вот уже по воде заскользил едва различимый силуэт гидросамолета. Его двигатели сбавили обороты, но летчик не выключал их, а потом зажег габаритные огни. Это было сделано для сигнала диверсантам. И тут же от берега отчалили четыре надувные лодки.

— Огонь! — скомандовал Попков.

Одновременно пулеметчики ударили по самолету, а автоматчики открыли огонь по надувным лодкам. Неожиданно стрелок экипажа самолета ответил очередью из крупнокалиберного пулемета. Но вскоре он замолчал, и самолет стал крениться на бок, уходя под воду.

Слово Попкову:

«Полковнику Добровольскому сообщил свои координаты и то, что вражеский самолет подбит и затонул, на месте оставлена небольшая группа для розыска летчиков. С основными силами начал преследование оставшихся в живых участников диверсионной группы».

В лодках, причаливших к берегу, были убитые. Оставшиеся диверсанты быстро скрылись в лесной глухомани. Мы стали их преследовать. Во время боестолкновения с ними Попков был тяжело ранен — автоматная очередь свалила наземь бесстрашного контрразведчика. Склонившемуся над ним моряку-авто-

матчику он сказал: «Продолжайте преследовать диверсантов. Сообщите о случившемся полковнику». Его вынесли из кустов, перевязали кровоточащие раны на ноге и стали преследовать уходящих агентов. А дальше события развивались следующим образом. Заскочив в густые заросли, диверсанты сумели оторваться от группы преследования и вызвали по рации самолет на другое озеро. Двое летчиков были задержаны.

Днем в расположение группы прилетел наш гидросамолет с авиаспециалистами и водолазами. Они подняли затонувшую машину противника с полетной картой и другими документами, представляющими интерес для командования. Допрошенные вражеские летчики сообщили ценные сведения о боевой обстановке и местах дислокации важных военных объектов противника. По ним сразу же «поработала» авиация Карельского фронта. Авиационным ударам подверглись несколько аэродромов со скопившимся самолетным парком и склады горюче-смазочных материалов.

К сожалению, ранение военного контрразведчика оказалось опасным. Капитана сначала переправили в госпиталь Вытегры, а потом — в Москву. Ногу спасти не удалось — началась гангрена. Пришлось срочно ампутировать. После длительного лечения мужественного чекиста как инвалида войны уволили из органов военной контрразведки. Но такие люди не сдаются на милость судьбе. Наш герой освоил специальность краснодеревщика и более сорока лет проработал в Ленинградском объединении «Реставратор». Он часто выступал перед молодежью с воспоминаниями. Рассказывал о самоотверженной борьбе в годы войны армейских контрразведчиков против вражеской разведки.

Сталинский фаворит

Особенностью живого ума является то, что ему нужно лишь немного увидеть и услышать для того, чтобы он мог потом долго размышлять и много понять.

Джордано Бруно

Автору этих строк, только что поступившему на 1-й факультет (военная контрразведка) Высшей школы КГБ при СМ СССР в начале шестидесятых годов, довелось познакомиться, встречаться и общаться с интересным человеком. Это был начальник этого высшего учебного заведения в системе госбезопасности страны — генерал-лейтенант Евгений Петрович Питовранов. Как говорили тогда преподаватели, легендарная личность в органах!

Среди слушателей и преподавателей школы после его назначения на должность прошел слух, что он был любимцем Сталина и при нем же «сидел». Поэтому неслучайно планка повышенного интереса к такому человеку поднималась все выше и выше и задавались типичные вопросы: где он служил и за что сидел? В то время, когда власти пытались засекретить всё и вся, трудно было найти материалы о генерале. Пройдут годы, прежде чем удастся по крупицам собрать документы и в них найти ответ на этот мучивший автора вопрос.

Один из преподавателей — фронтовик, бывший сотрудник Смерша, к сожалению, не помню его фамилию, как-то заметил, что самый умный человек не может знать, что он будет думать, но он должен быть уверен в том, что он будет делать. Это он сказал о

начальнике ВШ КГБ при СМ СССР генерал-лейтенанте Евгении Петровиче Питовранове. Этот емкий афоризм я даже записал в блокнот, а вот зря не оставил данные сказавшего это.

Вспоминается одна знаменательная встреча в актовом зале Высшей школы с первым советским космонавтом СССР Юрием Алексеевичем Гагариным. Это было 28 ноября 1963 года. На сцену, ярко освещенную софитами, широкими шагами вошел высокий генерал-лейтенант в хромовых до блеска начищенных сапогах. За ним шел Гагарин, а дальше тянулась преподавательская свита. На худощавом лице генерала блестели круглые стекла очков в старомодной по форме, как тогда казалось, оправе.

— Кто это? — спросил я рядом сидящего старшекурсника-земляка.

— Что ты до сих пор не видел его?

— Н-н-нет...

— Наш начальник школы — Питовранов Евгений Петрович. Добрейшей души человек. Думаю, скоро сам убедишься в этом.

Питовранов в микрофон немного мягким, но звонким голосом представил космонавта — всенародного любимца.

— Дорогие товарищи, к нам в гости любезно согласился приехать и приехал первый космонавт планеты Земля Юрий Алексеевич Гагарин. Зал взорвался аплодисментами. Все стоя приветствовали героя космоса. Почти час он рассказывал о себе, легендарном полете и о перспективах дальнейшего исследования космического пространства. Потом отвечал на многочисленные вопросы...

* * *

Активно участвуя в культурной и спортивно-массовой работе Высшей школы (редактор стенной газеты 1-го факультета, руководитель гимнастической секции, если память не изменяет, — 25-го спортивного коллектива «Динамо» — всего чекистского вуза), автору довелось ближе познакомиться с генералом. Он уважал искусство и спорт, часто собирая активистов на собеседования. Однажды был организован концерт художественной самодеятельности силами преподавательско-слушательского состава. Автор читал свои стихи. После концерта Питовранов собрал «артистов», поблагодарил за активность и заметил:

— Чекисту нужно обогащать себя различными знаниями, не тушеваться перед аудиторией, тренировать память, больше читать. Знание — это то, что наиболее существенным образом возвышает одного человека над другим. Для вас, будущих оперативных работников, которым придется работать с людьми, знание — орудие, а не цель. Так что — дерзайте, и победа обязательно придет!

Помнится, на этой встрече он вручил призы. Автору этих строк подарил антологию картин «Третьяковская галерея» с надписью «За активное участие в культурно-массовой жизни Высшей школы КГБ» и в конце поставил мелким почерком свою продолговатую подпись. Мы очень уважали Евгения Петровича. От него исходила какая-то аура спокойствия и уверенности. Иногда он заседал в приемной комиссии по специальным дисциплинам, но его присутствие на таких ответственных для слушателей мероприятиях не волновало, а скорее успокаивало. Знали — он объективный арбитр.

В 1966 году Е.П. Питовранов был уволен в запас. С этого времени автору хотелось собрать материалы и написать о нем хотя бы небольшой очерк. Многие он узнал о жизни и службе генерала — от фаворита до

смертника, чекиста от бога — из уст таких рассказчиков, как Железников Н.И, Воробьев Н.А., Соловьев А.К. и других его сослуживцев разного времени, а потом из кое-каких публикаций. Много автор почерпнул, служа (более 20 лет) в Центральном аппарате военной контрразведки КГБ СССР.

Итак, родился Питовранов Евгений Петрович в 1915 году в селе Князевка Петровского уезда Саратовской губернии. Мать была учительницей, отец — священником. Этапы учебы и работы — после семилетки ФЗУ (фабрично-заводское училище) в Саратове, токарь, дежурный по станции, студент Московского института инженеров транспорта (МИИТ) и с четвертого курса в 1938 году был взят на службу в органы госбезопасности. Это был период, когда ежовский вал репрессий уже отхлынул. После стажировки в Центральном аппарате НКВД в качестве оперуполномоченного 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР в конце 1938 года лейтенант госбезопасности Питовранов был направлен в Горький.

Первый «экзамен» на порядочность Питовранов сдал сразу же после назначения на должность исполняющего обязанности начальника 3-го отдела госбезопасности областного управления НКВД по Горьковской области. Узнав, что его предшественник, много лет руководивший этим подразделением, арестован как враг народа и сидит в следственном изоляторе управления, молодой чекист решил переговорить с ним. Начальника управления он убедил о целесообразности этой беседы. Спустя десятилетия по этому поводу Питовранов напишет:

«Тогда, уже на первой встрече с подследственным коллегой, я понял, насколько уязвим сам чекист, всегда по долгу и характеру своей службы находящийся на самом острие политического противоборства, или, как тогда определяли, «классовой борьбы». Тот или иной

его ход, практически любое действие, продиктованное конкретными обстоятельствами, могло, да и сейчас может трактоваться очень произвольно и нередко — в угоду политической или служебной конъюнктуре.

Долгий разговор, проходивший, как того требовала процедура, в присутствии следователя, меня убедил не только в полной его невинности, но, наоборот, — в глубоком осознании своего служебного долга, творческом отношении к делу и в святой вере в коммунистическую идею».

По результатам беседы Евгений Петрович составил глубоко аргументированную Докладную записку на имя начальника управления и добился прекращения следствия по очередному делу «врага народа». Заключение освободили, отправили в отставку, и он дожил до глубокой старости благодаря честности, смелости и порядочности молодого лейтенанта госбезопасности.

Потом была война, заставшая Питовранова в Горьком. Там он вскоре возглавил областное управление НКВД. Затем на аналогичных должностях служил в Кировской и Куйбышевской областях. Именно в это время он работал в тесном контакте с подразделениями военной контрразведки. В первую очередь по обезвреживанию тыла Красной армии от вражеской агентуры. Об этом периоде своей деятельности он честно напишет:

«За всю войну ни одного выходного дня. И почти ежедневно — острые, рискованные, часто головоломные, но требующие безотлагательного решения военно-чекистские задачи.

Диапазон наших обязанностей был чрезвычайно широк и многопланов: подготовка и заброска в немецкие тылы диверсионно-разведывательных групп и борьба с вражескими диверсантами на нашей территории, контрразведывательное обеспечение

бесперебойной работы оборонных предприятий и транспорта, выявление и ликвидация агентуры противника, забрасывавшейся в массовом порядке, борьба с бандитизмом, представлявшем в годы войны особую опасность.

Пришлось изрядно побродить и по кировским, и по вологодским лесам в поисках диверсионных баз и радиогнезд. Свои операции на вражеской территории часто решали совместно с Пантелеймоном Пономаренко, начальником Центрального штаба партизанского движения, и непосредственно с партизанскими командирами Орловским, Ваупшасовым, Медведевым и другими.

Довелось встречаться и с легендарным Кузнецовым — обер-лейтенантом Паулем Зибертом...»

Как-то при встрече с Андреем Кузьмичом Соловьевым автор поинтересовался у него, хорошо знавшего многие перипетии служебной деятельности Е.П. Питовранова, как он попал в сталинские фавориты, а потом вдруг оказался арестованным. Соловьев рассказал, что впервые Сталин обратил внимание на молодого генерал-майора Питовранова в 1943 году. Дело в том, что в один из мрачных осенних дней нарком госбезопасности Всеволод Меркулов докладывал Верховному главнокомандующему об одном ЧП. В США под воздействием вражеской пропаганды «союзников» попросил политического убежища один из советских военпредов полковник Кравченко.

Сталин задал Меркулову вопрос:

— Почему наши граждане чаще поддаются шантажу? Может, потому, что оперативники «союзников» более качественно могут агитировать? Назовите факты обратного, когда ваши работники склонили какого-то высокопоставленного клерка изменить своей родине и попросить у нас убежище?

Меркулов стушевался, потому что у него в памяти за последнее время не было примеров подобных операций.

— Будем искать кандидатов, — виновато ответил он.

— Ищите, — с ухмылкой согласился Сталин и добавил: — Ладно, идите....

Прибыв на Лубянку, генерал Меркулов пригласил начальников разведки и контрразведки ГБ и задал им тот же вопрос, который услышал от вождя в Кремле. Генералы Павел Фитин и Петр Федоров тоже скромно промолчали. Надежда в этом щекотливом вопросе возлагалась на периферийные органы и, в частности, на Куйбышев, где было много иностранцев. По существу, этот город был второй столицей страны. Именно в нем находились почти все дипломатические миссии иностранных государств. А Питовранов к этому времени возглавлял там областное управление НКГБ.

Его вызвали в Москву, и оказалось, что он в состоянии решить эту задачу. У него имелось до десятка наработок — агентов из числа иностранцев и кандидатов на вербовку. Одного из них он назвал и заверил, что попробует его склонить к невозвращению на родину, что вскоре и было сделано. Им оказался английский журналист, редактор газеты «Британский союзник». Англичанин после выпитого «ведра «Столичной» с бодуна написал заявление о том, что разочаровался в капитализме и будет просить политического убежища в Советском Союзе. Меркулов тут же побежал в Кремль и доложил о победе Сталину.

— Кто конкретно осуществил эту операцию? — спросил вождь.

— Генерал-майор Питовранов... Начальник УНКГБ по Куйбышевской области.

— Гм... какая интересная фамилия!

А у Сталина была хорошая память на фамилии. Он в голове мог годами цепко держать имена героев и антигероев...

Второй эпизод, который свел Питовранова со Сталиным, подробно описан А.В. Киселевым в книге «Сталинский фаворит с Лубянки».

После разгрома немцев под Сталинградом и на Курской дуге, когда исход войны уже не вызывал сомнений, Москва заметно ожила. Заработали театры, крупные магазины и рестораны, загудела работа на приостановленных промышленных предприятиях, возвращались из Куйбышева в столицу дипломатические миссии. С ними в Центр был откомандирован и Питовранов. Ему предстояла личная передача московскому руководству наиболее значимых оперативных наработок среди дипломатов, полученных куйбышевскими чекистами за последние годы.

Поздно вечером раздался звонок из приемной Меркулова — дежурный помощник наркома велел срочно прибыть к нему. В «предбаннике» наркома собрались почти все руководители безопасности: заместители Абакумов, Кобулов, Завенягин, Серов, начальники основных оперативных управлений Федотов, Фитин, Судоплатов и другие. Собравшиеся недоуменно пожимали плечами, пытались предугадать причину спешного вызова, чтобы хоть немного собраться с мыслями. Пригласив всех в кабинет, нарком с заметной тревогой в голосе известил, что всех их срочно собирают у Сталина. По полученной им очень скупой информации, инициатива совещания исходит от Молотова...

— И ты тоже, — Меркулов обратился к Питовранову, — возможно, какие-нибудь жалобы остались у них еще по Куйбышеву.

И вот руководители госбезопасности в Кремле. Сталин выглядел удрученным и разгневанным, говорил против обыкновения громко и резко. Его расстроило направленное в МИД СССР представление американского посла Гарримана, подкрепленное

официальным протестом госдепартамента США, из которого следовало, что после возвращения из Куйбышева «персонал посольства обнаружил в ряде служебных и жилых помещений, включая личную резиденцию посла «Спасо-Хауз», несколько подслушивающих устройств, что серьезно противоречит нормам международных отношений вообще и характеру союзнических советско-американских отношений, скрепленных совместной борьбой против нацизма в частности».

Американцы, схватив, что называется, русских за руку, с нетерпением и очевидным злорадством ждали официальной реакции советского правительства.

— С теми сапожниками, кто еще не научился как следует работать, мы разберемся позже, — нервно закончил краткое вступление Сталин, — а сейчас следует решить, какую принципиальную позицию нам следует занять. Считал бы правильным особо не расшаркиваться перед американцами — это выглядело бы по меньшей мере глупо, а спокойно и, главное, убедительно изложить нашу версию... Прошу всех подумать, жду предложений.

Нависла тяжелая давящая тишина, беспощадно быстро летело время...

Сталин ждал ответа. Он то и дело ходил по ковровой дорожке кабинета, держа в руке уже потухшую трубку. Прошло пять, десять, пятнадцать минут. У всех сидящих великанов ГБ не находилось варианта ответа американцам. И... вдруг Верховный услышал за спиной робкое, но, очевидно, спасительное для всех:

— Разрешите, товарищ Сталин?

Поднялся самый молодой генерал, сидевший в глубине, за спинами более высокого руководства.

Сталин удивленно поднял брови:

— Да, говорите, мы вас слушаем. Представьтесь, пожалуйста.

— Генерал-майор Питовранов.

— Докладывайте...

— Товарищ Сталин, Москву, понятно, мы никогда бы противнику не отдали. Но война есть война, и, вообще говоря, могло бы произойти всякое. Кутузов, сдав французам Москву, — она, правда, уже не была российской столицей, но все же, принеся ее в жертву, блестяще выиграл всю кампанию, разгромив сильнейшую армию мира...

Сталин подошел ближе. Генерал продолжал:

— Это, товарищи, я говорю не вам, мы все хорошо знаем нашу историю, — а как аргумент для американских оппонентов. Так вот, мы вроде бы тоже не исключали возможной сдачи Москвы по чисто тактическим соображениям. И на период ее временной оккупации подготовили для противника некоторые сюрпризы. В частности, много домов заминировали, а в некоторых, где, по нашим предположениям, могли бы разместиться высокопоставленные немецкие чины, установили подслушивающие устройства. Понятно, для того, чтобы наши подпольщики могли получать важную информацию. Так, по-моему, могла бы выглядеть основная идея нашей позиции...

Питовранов при докладе прямо глядел в глаза Сталину, а потом взглянул на ряды собравшегося начальства. Они молчали, но тоже пожирали взглядами вождя.

— Ну что ж, предложение дельное, интересное, но не до конца продуманное. Почему же мы все-таки, не оставив немцам Москву, сами потом не сняли эти устройства... жучки?

Теперь все головы, как по команде, повернулись к докладчику. Он не заставил себя долго ждать:

— Сами не сняли по простой причине — выполнявшие эту работу специалисты давно ушли в действующую армию, на передовую. Кроме них в эти дела никто не посвящался — таковы общие и известные, видимо, американцам требования конспирации. За прошедшие три года некоторые погибли, другие воют. Вот закончим войну и будем устранять все ее следы... А сейчас какие могут быть к нам претензии? Ведь эти устройства мы никогда так и не использовали, — он лукаво улыбнулся... — доказать обратное вряд ли возможно.

Едва заметная улыбка скользнула по лицу Сталина... На следующий день министр иностранных дел Вячеслав Молотов принял посла Гарримана и вручил ему ответ советской стороны. Инцидент был исчерпан.

* * *

Активное участие наш герой принимал и в радиоиграх «Семен», «Друзья», «Монастырь» и «Березино», проводимых совместно с военной контрразведкой Смерш 4-м управлением НКГБ с использованием негласных источников. Такими людьми под различными псевдонимами были С. Калабалин, И. Коцарев, Н. Палладий, А. Демьянов, Р. Фишер и другие.

Они внедрялись в разведшколы противника и сигнализировали о конкретной агентуре, готовящейся или заброшенной в наш тыл. Принимались абверовские курьеры со снаряжением и планами диверсионно-террористических действий. За время проведения этих радиоигр через линию фронта и на парашютах с неба в руки чекистов попало более ста агентов. Некоторые, очутившись на советской территории, сразу же, не приступая к выполнению заданий, приходили в органы

военной контрразведки. Большая часть «прозревших» использовалась чекистами в оперативных играх. Кроме того, через них неприятелю доводилась дезинформация, помогающая решать войскам даже фронтовые задачи. Вот один из примеров.

«Дезинформация порой имела стратегическое значение — писал Павел Судоплатов. — Так, 4 ноября 1942 года «Гейне» — «Макс» (А. Демьянов. — Авт.) сообщил, что Красная армия нанесет немцам удар 15 ноября не под Сталинградом, а на Северном Кавказе и под Ржевом. Немцы ждали удара под Ржевом и отразили его. Зато окружение группировки Паулюса под Сталинградом явилось для них полной неожиданностью.

Не подозревавший об этой радиоигре Жуков заплатил дорогую цену — в наступлении под Ржевом погибли тысячи наших солдат, находившихся под его командованием. В своих мемуарах он признает, что исход этой наступательной операции был неудовлетворительным. Но он так никогда и не узнал (а может, знал?), что немцы были предупреждены о нашем наступлении на Ржевском направлении, поэтому бросили туда такое количество войск. Вот она, цена несогласованных действий военного командования и контрразведки, а может, полного их игнорирования высоким военачальником.

Дезинформация «Гейне» — «Макса», как следует из воспоминаний Гелена, способствовала также тому, что немцы неоднократно переносили сроки наступления на Курской дуге, а это было на руку Красной армии».

* * *

В начале победного 1945 года Сталин дал указание Меркулову, которого считал выдвигенцем и протеже

Берии, находившемуся к этому времени в немилости у вождя, осуществить в органах безопасности структурную перестройку. Нарком ГБ, завидуя бурному росту молодого генерала, начал с того, что решил кадровый вопрос начать с отправления Питовранова подальше от себя, предложив ему должность министра госбезопасности Узбекистана. На представлении его вождю Сталин понял идею Меркулова и спросил наркома:

— А не слишком ли далеко вы отправляете его за опытом? Я думал, вы будете держать его рядышком, возле себя. Ну да ладно, отправляйте...

Так генерал Питовранов оказался в Узбекистане постигать тонкости мусульманской догматики и исламского фундаментализма. Но недолго — в 1946 году образовалось МГБ. Возглавить его Сталин поручил В.С. Абакумову, а первым заместителем к нему и по совместительству начальником Второго Главного управления контрразведки страны стал Е.П. Питовранов. И здесь зависть не обошла стороной скромного генерала. Министр госбезопасности начал страдать-печалиться о благополучии молодого заместителя.

Кто-то из великих сказал: зависть не умеет таиться. Она обвиняет и осуждает без доказательств, раздувает недостатки, возводит в преступление незначительную ошибку. Она ступой яростью накидывается на самые неоспоримые достоинства.

Сталин это заметил сразу. Абакумов ревностно наблюдал за стремительным карьерным ростом своего первого заместителя. Держал, как говорится, его «на дистанции». Сработала известная система «противовесов», которой не раз пользовался и сам вождь. А потом начались будни начальника советской контрразведки...

Конец сороковых и начало пятидесятых были годами активизации недобитых националистических бандформирований на территориях Западной Украины и Прибалтики. Молодой начальник контрразведки понимал, что личный пример — венец воспитательной работы. Приходилось самому участвовать в опасных оперативных мероприятиях, находясь на острие конкретных чекистско-войсковых операций.

Одним из примеров было его личное участие в перевербовке матерого латышского националиста, одного из руководителей подпольной организации «Даугавас ванаги» («Ястребы Даугавы»), бывшего курсанта и выпускника немецкой разведшколы в г. Резекне Гунарда Езерше — «Корня».

После подрыва двух воинских эшелонов с большим количеством жертв по согласованию с Абакумовым Питовранов сам занялся расследованием этого ЧП. Он срочно вылетел в Ригу и вместе с латышскими чекистами установил многие интересные обстоятельства в поведении проверяемого и круг лиц, возможно причастных к преступлению. «Корень» был в числе подозреваемых. Через его близкую связь — «Линду», с которой беседовал сам Питовранов, вышли на объект оперативного интереса, с которым решили провести встречу. Кроме того, «Линда» сообщила, что у Езерше есть немецкая радиостанция, по которой он держал связь после войны с американцами. Из-за нее руководство «Лесных братьев» стало подозревать о его работе на советские органы ГБ, поэтому он и скрылся от них.

А зацепкой для беседы служила информация, что Гунард сильно обеспокоен судьбой семьи — матери, жены и двух детей — Эльзы и Пятраса, депортированных недавно куда-то в Сибирь. Но он понимал, что за совершенные преступления его ждет вышка. Через «Линду» довели до него информацию, что

с ним хочет встретиться сам начальник контрразведки страны. Загнанный в угол, Езерше согласился, но поставил условие — встреча должна пройти в темное время суток в заброшенной рыбацкой избушке на длинной песчаной косе. Один на один. Все подходы к избушке просматривались на несколько километров. Организовать засаду было невозможно: на снегу четко отпечатывались любые следы.

Коллеги выражали обоснованное сомнение в целесообразности встречи — риск казался неадекватным, так как Гу-нард утратить нечего и он может повести себя непредсказуемо. Но это не остановило контрразведчика, верившего в успех именно личной встречи.

Со слов уже упоминаемого А.В. Киселева, по условиям встречи на расстоянии примерно в 200–300 метров от избушки Питовранов должен на короткое время мигнуть фонариком. Ответное мигание будет означать, что его партнер уже на месте. Однако ответного мигания не последовало, приближаться к избушке дальше не имело смысла. Но только Евгений Петрович развернулся, как краем глаза засек мигание не из домика, а из-под штабеля старых лодок, лежащих поблизости. Он продолжил движение. Приблизившись метров на пятьдесят, крикнул: «Я без оружия, прошу выбросить твое, но так, чтобы я видел!» Из-под лодки высунулась рука с каким-то предметом, завернутым в шерстяной шарф.

— Вылазь, Гунард! Я к тебе с важным делом, пошли в дом, потолкуем. Привез тебе привет от Эльзы и Пятраса, они уже совсем большие. И мать, и жена тоже здоровы, у меня есть их адрес, — Питовранов говорил непрерывно, чтобы хоть немного сковать серьезного оппонента, да и самому подавить собственное волнение: — Ты видишь, я пришел один. А ты? Я могу

быть уверен, что никого с тобой нет? Иначе никакого разговора у нас не получится.

— Один я, один, не бойся. Ты сам зачем пришел? А где комиссар? — «Корень» неторопливо вылез из-под завала, — мне сказали, что самый главный придет. Или ты на разведку вышел?

— Давай зайдем в дом и там поговорим.

Питовранов вынул служебное удостоверение, протянул Гунардугу: «Читай! Генерал-майор, начальник Главного управления...»

Но тот смотрел не на удостоверение, а на самого пришельца — не верил, что его ровесник может быть уже генералом и командовать всей контрразведкой огромной страны.

— Времени у нас немного, давай только о главном. О семье и твоих личных делах поговорим позже.

Получив заверение о готовности обсуждать любые вопросы, Питовранов заметил, что, хотя обо всех «подвигах» собеседника хорошо известно, мы считаем, что у него остается возможность активно потрудиться на благо собственных детей, их нормального будущего. Нам также известно, что, с одной стороны, его разыскивает советская контрразведка и, естественно, рано или поздно, но непременно найдет, а с другой — на него охотятся «Ванаги». И его поимка — дело недолгого времени. Кроме того, наша служба уже давно «читает» всю его радиопереписку с американской военной разведкой, мы, знаем, как ловко он ее обманывает. Так что ожидать и от нее какой-либо помощи ему уже не следует.

Питовранов предложил ему самому прийти к «Ванагам» с повинной, рассказать им о наличии радиосвязи с американцами, что их непременно заинтересует и снимет с него подозрения о связи с русскими, сообщить им, что американцы обещали «в ближайшее время подбросить оружие и денег и даже

при благоприятных условиях прислать связника». Последующие радиосеансы проводить по имеющемуся расписанию и тем же шифром. Обо всех изменениях заранее оповещать нас через «Линду».

Взамен Питовранов гарантировал сохранить ему жизнь (при любом решении суда) и через месяц-два вернуть семью на прежнее место жительства, или, если это будет вызывать подозрение, в любое другое указанное им место.

«Корню» запрещалось участие в диверсионных и террористических мероприятиях, а упреждающая информация должна направляться по условленным каналам. С этого момента «Корень» перестал существовать, появился «Пятрас» — по имени любимого сына.

«Даугавас ванаги» имели свой канал радиосвязи с американской военной разведкой и, получив от нее подтверждение агентурных отношений с «Корнем», успокоились.

Что же касается новой ипостаси Гунарда — «Пятраса», то через «Линду» он регулярно передавал оперативно значимые материалы, позволившие предотвратить десятки бандитских вылазок. Он очень старался, чтобы искупить свою вину, чтобы когда-нибудь снова вернуться к своей семье. Однако судьба к агенту повернулась спиной — в 1951 году, переправляясь по морскому каналу в Швецию, он погиб — во время шторма выпал из быстроходной лодки. Балтика стала его могилой.

* * *

Со слов участника войны, военного контрразведчика полковника в отставке А.К. Соловьева, хорошо знавшего жизненные вехи Е.П. Питовранова, в 1951 году

«фаворита» Сталина арестовали. Следователь-авантюрист Рюмин «пришил» ему дела «преступлений» МГБ во главе с В.С. Абакумовым. В «Матросскую тишину» были посажены генералы Абакумов, Селивановский, Райхман, Белкин, Эйтингон, а Питовранова же препроводили в одиночную камеру на Лубянке. Если первым сидельцам предъявили обвинение в убийстве Михоэлса, фабрикации «Ленинградского дела» и «Дела врачей», то по Питовранову Рюмин пошел на подтасовку материалов. Он обвинялся ни много ни мало «в практической бездеятельности по выявлению сотрудников нелегальной разведки Великобритании МИ-6 и их агентуры на территории Советского Союза».

Признательные показания на себя и своих коллег этот мерзавец выбивал у чекиста разными способами, в том числе применяя изощренные пытки. Но Питовранов вел себя стойко, с подчеркнутым достоинством, не опорочив ложью ни одного из своих коллег. После этого его стали бить следователи Рюмин и Коняхин еще сильнее. И вот однажды своим палачам он сказал:

— Хватит издеваться, давайте бумагу и ручку, я напишу... Только не беспокойте, надо собраться с мыслями.

Следователи прибодрились.

— «Потёк» Пит, — пренебрежительно заметил Рюмин.

— Не «потёк» сегодня, это случилось бы завтра. Он уже на последнем издыхании, — услужливо заметил подчиненный Коняхин.

Через три дня Евгения Петровича снова пригласили на допрос.

— Что это? — вскричал Рюмин.

— Письмо товарищу Сталину...

— О чем?

— Мои мысли по ряду актуальных проблем контрразведывательной деятельности МГБ, — гордо, твердым голосом проговорил уставший от побоев арестант... Рюмин похолодел, потом его бросило в жар: он понимал, что такой документ он не сможет утаить или уничтожить...

В декабре 1952 года Питовранов был освобожден, а после встречи со Сталиным назначен руководителем внешней разведки в лице Первого Главного управления МГБ. После смерти Сталина МГБ и МВД объединили снова. Берия стал министром большого МВД. У него были три зама: по МВД — С. Круглов, по МГБ — И. Серов и по общим вопросам — Б. Кобулов. Питовранова назначили замом к Серову. После ареста Берии и событий в Берлине летом 1953 года Питовранова направили уполномоченным МГБ в ГДР.

В 1957 году он возвратился в Москву, побывал советником правительства КНР по вопросам безопасности, а потом был назначен начальником Высшей школы КГБ. Началась хрущевская «перетряска» органов — зрелые, опытные кадры были не нужны, от них почему-то избавлялись. В 1965 году генерал-лейтенанту Е.П. Питовранову исполнилось 50 лет, и новое руководство с Лубянки объявило, что на следующий год он будет уволен.

Автор был свидетелем прощального вечера в 1966 году. Высшая школа торжественно провожала на пенсию молодого генерала. Некоторые женщины-преподаватели плакали. Мужики катали желваки и недобрым словом поминали кабинетное, никогда, возможно, не рисковавшее чиновничество. Это была месть недоброжелателей за ум, порядочность и деловитость Евгения Петровича. Потом он скажет: «Тогда впервые в жизни я почувствовал, как сильно может болеть сердце. Трудно было скрывать от друзей

опустошающее и в чем-то схожее с тюремным заключением чувство безысходности».

О дальнейших путях Питовранова на гражданке — это уже другая тема.

Месть за победу — война

Многие начинают мстить раньше, чем их успели обидеть.

Веслав Брудзиньский

Это было в конце 70-х годов минувшего века. Заместителем начальника военной контрразведки КГБ СССР был генерал-лейтенант Матвеев Александр Иванович. Автору этих строк, как редактору стенгазеты «Чекист», редакция поручила накануне очередного праздника Дня Победы взять интервью у заслуженного фронтовика, куратора РВСН. До сих пор эти записи остались у автора — они святы.

Созвонившись с генералом, было определено время встречи. Внешне он казался несколько замкнутым, неразговорчивым, даже хмурым человеком. В небольшом кабинете Александр Иванович сидел за столом со стопкой бумаг и что-то внимательно читал, но, когда увидел гостя в проеме двери, медленно поднялся со стула-кресла и протянул руку для приветствия. На вопросы отвечал короткими чеканными фразами. Оказалось, что война его застала в Запорожье на должности секретаря горкома комсомола. А потом по разнарядке его направили в органы военной контрразведки. Учиться чекистскому ремеслу доводилось в боевой обстановке в 983-м стрелковом полку 253-й стрелковой дивизии.

— Помню, я нашел свой полк, располагаемый в балке, в пяти километрах от Кривого Рога. Однажды в поисках комиссара полка я с дивизионным политотдельцем Петрученко оказался на подсолнечном поле. Там же я впервые увидел фашистов. Они были

почему-то именно такими, какими я их представлял по кинофильмам, книгам и плакатам. Немцы надменно сидели в проезжавших машинах и мотоциклах с поднятыми головами, в расстегнутых мундирах, с засученными рукавами, готовые к насилию и убийствам. Ах, как мне захотелось полосонуть из автомата по ним. Во мне нарастали гнев и решимость вступить с ними в бой, — спокойно рассказывал генерал. — Ну я и поддался соблазну и чуть не погубил себя и старшего товарища. Когда проезжала очередная группа мотоциклистов, я, примостившись на бугорке, дал длинную очередь из ППШ. Головная машина перевернулась, и на нее наскочила другая. Образовалась свалка. Послышались стоны и крики. Пришлось срочно переменить место стрельбы. Я отбежал в сторону, метров на двести. Это спасло нам жизнь. Немцы открыли шквальный огонь из пулеметов и автоматов по полю. Из этого первого боевого крещения я сделал вывод: никогда не спеши и не руководствуйся эмоциями!

Он говорил языком опытного практика, ясно излагал мысли. О далеком прошлом военного лихолетья говорили его горящие глаза.

— Приходилось не только заниматься вопросами борьбы с вражеской агентурой, поддержания на соответствующем уровне режима секретности, выявления паникеров и членовредителей, вскрытия намерений отдельных военнослужащих перейти на сторону врага, но и наравне с другими воинами ходить в атаки и даже драться врукопашную, — откровенничал Александр Иванович. — Помню, на четвертые сутки мы с боями вышли к Днепру. К этому времени полк наш был сильно потрепан. В части осталось несколько минометов и противотанковых ружей, а личного состава — всего около трехсот человек. Мы с напарником — оперуполномоченным Панариным наряду с решением

оперативных задач поднимали боевой дух воинов. Помню, пришли на позиции к солдатам, стоящим в противотанковом рву. Они сражались отчаянно, но их было мало. В поле дымились подбитые ими фашистские танки. Бойцы умудрились даже побывать в утробах броневых монстров и добыть трофеи: автоматы «шмайссеры», пистолеты и гранаты с длинными деревянными ручками.

Радость была неопишима, когда я впервые увидел работу «катюш». Они наводили ужас на врага и вызывали у нас гордость. А было это так. О скоплении немцев перед нашим участком фронта командование дивизии доложило в штаб армии: комдив просил поддержать «огоньком». Через пару часов в нашу часть прибыла группа офицеров-артиллеристов для рекогносцировки местности. Они обследовали визуально передний край противника, сделали отметки на картах и убыли. Мы думали, что нас будут поддерживать 82-мм минометы, какие были и в полку. Однако вечером этого же дня в наше расположение прибыло восемь машин, крытых брезентом. Они были похожи на понтонные установки.

А тем временем «понтонные» рассредоточились, сбросили брезентовые чехлы и стали извергать какие-то огненные стрелы. Реактивные снаряды попадали прямо в гущу скоплений фашистских войск. Поле боя превратилось в фантастическое извержение огненных стрел, летящих через наши головы. Кругом все пылало, казалось, что сама земля горит под ногами у бегающих в ужасе фашистов. Немцы, оставшиеся в живых, бросали оружие и с диким воем перепуганных насмерть зверей убегали вглубь своих боевых порядков. Увиденный эффект нашего нового оружия сильно воодушевил личный состав, и боеспособность значительно возросла. Немцы затихли...

На вопрос о первых оперативных успехах он рассказал, что это случилось осенью 1941 года в районе Большого Токмака.

— А было это так: ночью на участке одного из батальонов при переходе через линию фронта боевым охранением были задержаны трое вооруженных военнослужащих. Я прибыл в штаб батальона. В блиндаже сидели неизвестные. Один в звании старшины, а двое — рядовые. Я приказал разоружить их и приступил к допросу. Один из задержанных заявил, что он родом из Запорожья. Поначалу я обрадовался, что встретил земляка, а потом понял, темнит мой «землячок». Стал колотить — он и признался, что они заброшены немцами с целью осуществления диверсий на железнодорожном узле Волноваха. Вскоре мы их отвезли в Особый отдел армии...

Вторым успехом было разоблачение предателя-подстрекателя некоего Боркова. Нашему полку для усиления был придан бронепоезд. Экипаж его формировался на месте, в том числе из числа военнослужащих, недавно вышедших из окружения противника без какой-либо проверки. И вот мы получили сигнал, что красноармеец Борков распространяет изменнические настроения. Подвели к нему доверенных лиц, и стало ясно, что он вынашивает планы сколотить группу для захвата бронепоезда.

С учетом предстоящего наступления в целях пресечения преступных намерений было принято решение Боркова арестовать. По указанию начальника Особого отдела дивизии мне приказали провести первый допрос задержанного и содержать его временно в расположении полка. Борков «чистосердечно», как мне показалось, стал признаваться и каяться. Заявил, что готов «свое действие искупить кровью в бою». Я расслабился, и чуть было не поплатился жизнью. Вечером Боркова привели

ко мне в штаб полка. В соседней комнате отдыхала смена солдат с автоматами. Цель беседы с преступником — оформление необходимых документов для передачи его в дивизию. Конвоиру я предложил подождать за дверью. Когда все препроводительные материалы были готовы, я встал из-за стола и направился к двери вызвать конвоира. В это время Борков бросился в комнату и, схватив автомат, направил его в мою сторону. Я прыгнул на него и ударом рукоятки пистолета в живот уложил его на пол. Солдаты помогли скрутить предателя. Это был для меня урок с полученной оценкой «двойка» от своего руководства... Он заметил, что потом были печальные дни отступления по Украине в сторону Ростова-на-Дону, затем к Волге, участие в боях за Сталинград.

— Мне довелось быть участником Сталинградской битвы с августа 1942 по февраль 1943 года. Я в то время являлся заместителем начальника Особого отдела 99-й Краснознаменной стрелковой дивизии. В то время Сталинград был пеклом, в котором сгорали каждодневно тысячи человеческих жизней. В числе пополнения полков дивизии наряду с призванными резервистами прибывали военнослужащие, вышедшие из окружения противника в одиночку и бежавшие из немецкого плена. Гитлеровские спецорганы абвер, «Цепелин» и другие широко использовали эти каналы засылки своей агентуры в наши войска с целью:

- выявления новых частей Красной армии;
- распространения провокационных и пораженческих слухов с целью подрыва боеготовности наших войск;
- склонение военнослужащих к измене Родине путем перехода через линию фронта;
- совершения диверсионных и террористических актов в частях и окружениях войск.

Геббельсовская пропаганда вела усиленное идеологическое воздействие при помощи листовок и радио. С самолетов сбрасывались тысячи тонн этой макулатуры, а специальные громкоговорители, установленные на автомашинах, вещали на русском языке разоруженческие тексты. Выступали предатели-перебежчики, рисовавшие «прелести» нахождения в немецком плену.

С учетом напряженной обстановки, возникшей на многих фронтах, 28 июля 1942 года Сталин, как Главнокомандующий страны, издал приказ № 227 «Ни шагу назад». Заявляю со всей откровенностью, что этот приказ сыграл важную роль по стабилизации обстановки на фронтах. В корне пресекались паникерство, членовредительство и самовольное оставление боевых позиций.

Процесс поиска вражеской агентуры не прерывался, образно говоря, ни на час. Однажды во время бомбежки склада МТО дивизии с земли было выпущено несколько сигнально-осветительных ракет в направлении этого склада. Военным контрразведчикам стало ясно, что это дело вражеской агентуры. Стали искать. И вот от агентуры поступило сообщение, что в деревне, недалеко от склада, появились двое военных, устроившихся на постой в избе. Хозяйке дома они представились военнослужащими одного из наших полков. Проведенной проверкой по спискам личного состава указанного полка они не значились. Арестованные признались, что являются агентами немецкой военной разведки, заброшенными в расположение нашей дивизии с диверсионно-разведывательными задачами.

19 ноября 1942 года Советская армия перешла в генеральное наступление. Предельно прижатая Сталинградская «пружина» дала обратный ход, стало веселее — мы погнали врага на Запад. Немец стал

другим. Был даже такой забавный случай: в наш Особый отдел забрел один гитлеровский солдат и попросил принять его... в плен!!! В честь победы под Сталинградом многим армиям и соединениям были присвоены звания гвардейских. Наша 99-я Краснознаменная стрелковая дивизия стала именоваться 88-й Гвардейской стрелковой дивизией.

19 апреля 1943 года СНК СССР принял секретное постановление о реорганизации особых отделов в органы контрразведки Смерш (Смерть шпионам) с передачей их вновь из НКВД в ведение Наркома обороны СССР. Это решение привело к еще большему взаимодействию армейских и флотских чекистов с военным командованием.

Потом была снова Украина с проблемами бандеровщины и отрядов так называемой УПА, за ней Польша — с «партизанами» Армии Крайовой. В этот период я уже был начальником Особого отдела 47-й гвардейской стрелковой дивизии.

Бои за Берлин были особенно кровопролитны. Наша дивизия воевала в составе 8-й гвардейской армии (ГА), упорно продвигавшейся к центру германской столицы. 30 апреля над поверженным рейхстагом взвилось победное красное знамя!

1 мая на командный пункт 8-й ГА был доставлен начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал Кребс для переговоров. От нашего предложения сложить оружие он отказался, поэтому сразу после его ухода наши войска открыли ураганный огонь по фашистам, оборонявшим Берлин. И враг не выдержал, запросил пощады. А на следующий день в расположение нашей дивизии с белым флагом в руках явился и сдался командующий обороной Берлина генерал артиллерии Вейдлинг.

Командир дивизии Шугаев, комиссар Николаев и я допросили фашистского генерала. Он сидел на стуле и

испуганно глядел на нас. Потом скорбным голосом промолвил, что полностью убедился в окончательном окружении Берлина...

«Я смотрел на этого сгорбившегося, дрожащего фашистского генерала, – напишет со временем А.И. Матвеев в своей книге «1418 дней и ночей Великой Отечественной войны», – и в памяти вставали образы гитлеровских вояк начального периода войны – наглых, беспощадных, уверенных в своей безнаказанности грабителей и убийц, автоматной очередью, виселицами и душегубками насаждавших на замечательной советской земле «новый порядок».

Вооруженный до зубов гитлеровский солдат почитал себя вершителем человеческих судеб, везде, где он проходил, оставались пепелища городов и сел, страшные могилы с трупами стариков, женщин и детей. И вот теперь настал долгожданный час, когда не рядовой фашистский солдат, а гитлеровский генерал держал в дрожащих руках белый флаг и слезно молил о пощаде. И в моем сердце поднималась огромная волна радости и гордости за великий советский народ, за нашу Родину и Великую Победу!

Вейдлинг был доставлен в штаб армии, и вскоре по радио (на немецком языке) был оглашен его приказ о капитуляции фашистской Германии...

Моросил мелкий весенний дождик. И мне пришли на память строки из рапорта генерал-фельдмаршала Чернышева Захара Григорьевича, бравшего в 1760 году во время Семилетней войны вражеский Берлин: «Берлин сдался на аккорд. День был дождливый».

Всего было пленено более 79 тысяч вражеских солдат и офицеров».

Но вернемся к беседе. Генерал закончил свою речь о взятии Берлина и добавил:

— А потом была специальная командировка, где продолжалась война после войны, но об этом как-

нибудь я расскажу позже.

И это «позже» оказалось только через несколько десятилетий, о чем он перед смертью написал в своей первой и последней книге-исповеди.

* * *

Автор часто задумывался, почему Александр Иванович Матвеев не возглавил ВКР в масштабе КГБ СССР? Ведь будучи начальником Управления особых отделов КГБ ГСВГ, в его подчинении был человек, который стал его начальником — капризный, самолюбивый, высокомерный в обращении с подчиненными. Несмотря на чекистское прошлое, его пригласили для работы в партийный штаб. Тогда модно было обкатывать отдельных чекистов в цэковских кабинетах, а потом возвращать их со Старой площади на Лубянку. И нашел он ответ на странице книги своего коллеги и соседа по месту жительства, крупного аналитика и честного человека полковника Виктора Редченко — «Признать утратившим силу».

Он писал, что в главке в это время уже прочно утвердился партийный воспитанник Н.А. Душин. После довольно длительного пребывания в отделе административных органов ЦК КПСС в качестве заведующего сектором он сразу же возглавил военную контрразведку.

В управлении повоевало номенклатурным ветерком. Чисто цэковские безапелляционность, амбициозность и отсутствие способности даже теоретически допустить наличие интеллекта у подчиненного — не совсем пришлись по вкусу. Со сцены быстро стали исчезать умные и талантливые руководители: Матвеев, Евдокушин, Николаев, Нарышкин и другие. Их место заполняли люди с явно выраженной склонностью к

приспособленчеству. Длительное пребывание на данном посту одного человека привело к нивелировке кадрового аппарата в центре и на местах; возрождению усредненного типа руководителя, мыслящего категориями внешнего, показного благополучия, способного на угодничество и обман.

Период деятельности этого руководителя в истории военной контрразведки отмечен рождением новой психологии людей, способных занять любые посты и должности без оглядки на собственные возможности, потерявших ощущение меры ответственности, не боящихся власти и рвущихся к ней.

Итак, Матвеева не стало, но автору этих строк хотелось все же выяснить, на какой «войне после войны» он был. Став председателем совета ветеранов ВКР, Матвеев стал еще более замкнут. Коллеги скупно делились данными о его специальной командировке: не знали всех перипетий ее или не хотели «бежать впереди паровоза». И все же автор однажды задал Матвееву прямо в лоб вопрос о его работе сразу после войны на территории Западной Германии. Он улыбнулся и тихо из-за того, что плохо чувствовал, ответил:

— Молодой человек, это большая тема при сравнительно малом моем пребывании за границей. Думаю, в моей книге вы прочтете об этом. Я уверяю вас, скоро...

А слово «скоро» продлилось несколько лет. Писать со слов некоторых «свидетелей» автор не мог, но, когда в руки попала небольшая книга Матвеева «1418 дней и ночей Великой Отечественной войны», он нашел в ней главу «Спец-командировка».

Дело в том, что в конце войны в отделы ВКР Смерш из различных источников стали поступать данные об эвакуации из Берлина и его окрестностей на юг Германии различных фашистских спецорганов. Работники абвера предложили свои услуги

американцам. С этой целью они пытались передать недавнему врагу и себя, и свою агентуру для подрывной работы против советских Вооруженных сил (ВС). С ними эвакуировались разного рода предатели — бывшие наши военнослужащие.

В 47-ю дивизию начальником Особого отдела прибыл представитель контрразведки 1-го Белорусского фронта майор В.П. Михайлов. Он имел специальное задание по проверке этой информации.

«Во время боев еще на Одерском плацдарме, — пишет Матвеев, — был взят в плен офицер туркестанского легиона Мустафаев. Он привлек внимание в связи с тем, что рота, которой он командовал, прибыла на Берлинский фронт из Южной Германии... В частности, он рассказал, что на место боевых формирований туркестанского легиона, которые отправлялись на фронт, прибывали из Берлина и других районов Восточной Германии какие-то секретные подразделения, среди личного состава было много выходцев из СССР. Документы и показания пленных, захваченных десантом, оказались весьма ценными. Они неопровержимо доказывали, что фашистские разведорганы действительно концентрируют свои силы на юге Германии. После доклада о добытой информации от Центра было получено указание: «Для более глубокой ее проверки подобрать и направить на юг Германии своих надежных людей». Проведение этой операции было поручено Михайлову и Матвееву.

Поскольку война подходила к концу, отобранных людей надо было перебросить на юг Германии в потоке беженцев на Запад... В числе переброшенных за линию фронта были Мустафаев... и Беспалов, служивший в РОА. Оба они прибыли на Берлинский фронт из южногерманского города Ульм».

Матвеев подобрал для своего коллеги кандидата — некую Ренату Лонге, которая впоследствии прочно

внедрилась в интересующую военных контрразведчиков организацию. Михайлов поверил своим агентам, так как они чистосердечно раскаялись в совершенных ими преступлениях, предоставили важную информацию об агентуре и официальных сотрудниках спецорганов, расположенных теперь в городах Штудгарде и Ульме. Михайлов стал активно перебрасывать своих людей в эти места, часто выезжая в южную Германию для встреч с ними. Но вскоре он трагически погиб при загадочных обстоятельствах — не исключалось предательство. Было подозрение и на теракт.

Его должность предложили подполковнику Матвееву. Он согласился с будущей работой и изменением фамилии на Смирнов. Путь к будущему месту работы лежал через Франк-фурт-на-Майне, Баден-Баден, Нюрнберг, Тюбинген. Именно в Тюбингене находилась советская миссия по репатриации, которую должен был возглавить Смирнов.

«Благополучно добравшись до места, — писал Матвеев от третьего лица, — Смирнов нанес визиты французским оккупационным властям, установил контакт с представителями ЮНРА, занимающимися репатриацией советских граждан, и приступил к посещению лагерей для перемещенных лиц, где содержались граждане многих стран, в том числе и советские люди, угнанные во время войны в Германию».

При посещении одной из секций ЮНРА он увидел Ренату Лонге, которая не подала вида окружающим ее сотрудницам, что знакома с господином Смирновым. Это обстоятельство озадачило контрразведчика: боится или работает по заданию? В дальнейшем сомнения развеялись, и до самого окончания своей деятельности в миссии Рената Лонге оказывала неоценимые услуги Смирнову, как и другой немец — Вальтер Шток, свято верившие, что основными героями в борьбе с немецким фашизмом были все-таки русские солдаты и офицеры.

Матвееву-Смирнову пришлось пережить массу провокаций, чинимых нашими послевоенными «союзниками». Особенно активно работали против советской миссии представители французской и американской разведок. Они предпринимали всяческие действия, чтобы отговорить советских граждан от возвращения в Союз, используя для этого всю предательскую нечисть из числа карателей, полицаев, старост, агентов абвера и другого отребья, у которых руки, как говорится, были по локоть в крови. Они понимали, что Смирнов — это личность, переигрывавшая в противодействии руководителей разведслужб Франции, Британии и США в лагерях. Однажды они спровоцировали поход против нашей миссии, якобы взбунтовавшейся части советских граждан, нежелающих выезжать на Родину. Цель — физическое устранение Смирнова. Но все обошлось благодаря выдержке и мужеству нашего героя. Матвеев понимал, что «союзники» активно используют канал репатриации для засылки в страну диверсантов, террористов и шпионов из числа людей, совершивших злодеяния на оккупированных территориях во время войны. И эти данные он получал через свою агентуру.

Второе покушение на жизнь Смирнова было совершенно во время поездки в лагерь города Ульм. Не доезжая до места очередной работы с перемещенными лицами, его машина наскочила на шипы, искусно расставленные на шоссе. Машину повело в сторону встречного движения, и совершенно случайно не произошло катастрофы. Когда Смирнов и опытный водитель вышли разобраться с ситуацией, к машине, как по команде, стала приближаться группа людей. Слышна была русская речь. Потом контрразведчики услышали выкрики: «Бей комиссаров», «Бей большевиков» и матерную брань. Толпа вплотную приблизилась к машине. Смирнов достал табельное

оружие — пистолет ТТ и дважды выстрелил вверх. Люди на мгновение замолкли. И тогда он решительно и громко сказал:

— Я офицер Советской армии. Да, я большевик. Я всю войну воевал на фронте, и мне не страшны ваши угрозы. Вы можете меня убить. Вас тысячи, а я один. Но помните, этим вы совершите тягчайшее преступление, и моя Родина вам этого никогда не простит, а в ответе будут все, кто здесь присутствует.

— Бросай оружие, — и снова раздалась гнусная брань.

— Оружие мне вручено под присягой, — сказал Смирнов, — и пока я живой, не выпущу его из рук. Вы объясните толком, что здесь происходит, почему с такой враждебностью нападаете на своего соотечественника?

А потом возник диалог, и на надуманный вопрос о расстреле всех пленных он сумел аргументированно ответить и снизить накал страстей. Толпа стала медленно растекаться в разные стороны. А несколько человек — Волошенко, Максимов и Гайдук выразили готовность помочь с ремонтом. Через несколько минут они прикатали новые скаты, а старые камеры завулканизировали. По дороге к лагерю заехали в гаштет перекусить. Все трое наперебой рассказывали, что в лагере ведется злобная антисоветская пропаганда. Систематически приезжают представители ООН, НТС и других антисоветских зарубежных организаций. Американцы тоже часто выступают и агитируют перемещенных лиц не возвращаться на родину, а выезжать в США, Канаду, Австралию и другие страны.

Возвратившись в Тюбинген, Смирнов нанес визит руководителю бюро ЮНРА Лонгле и заявил ему официальный протест по поводу инспирированных провокаций. Француз сделал удивленное лицо и заявил,

что совершенно не информирован об этих событиях. Смирнов понимал, что все это блеф и лицемерие, но такова жизнь, как говорят французы.

Третье покушение на жизнь Смирнова было спланировано при организации посещения больного соотечественника в госпитале города Зальцнера вместе с представителем Красного Креста при ЮНРА немкой Шмидке Ингой.

Инга вспоминала, что по дороге в больницу Смирнов поинтересовался у доктора, что известно о больном, чем он болен, когда заболел, в каком состоянии находится в настоящее время. Она сказала, что незнакома с его историей болезни и выполняет сейчас чисто благотворительную миссию Красного Креста. Шмидке произвела впечатление открытой и добропорядочной женщины...

Когда прибыли в клинику, Смирнов попросил врача ознакомить его с историей болезни советского гражданина Федотова. Шульц — шеф клиники вопросительно посмотрел на офицера и его сопровождающую и сказал: «Разве вы не знаете, что ваш соотечественник Федотов болен проказой?» Инга после этих слов изменилась в лице. Смирнов взял себя в руки И СПОКОЙНО спросил:

— Тогда с какой целью вы пригласили меня с госпожой Шмидке к больному?

— Исключительно по настоянию больного, — промямлил Шульц.

— Вы врач и прекрасно знаете, что проказа — это особое инфекционное заболевание, общение с такими больными исключено, — сказал Смирнов. — Как вы намерены организовать встречу с больным?

— Да, конечно, это самое страшное заболевание, но он, бедняга, так просил, — засуетился Шульц и, продолжая оправдываться, пробормотал: — Если вы все же пожелаете встретиться с больным, мы примем все

меры безопасности. У нас есть спецкостюмы, и встреча будет происходить в комнате, отгороженной от больного толстым органическим стеклом.

— Хорошо, только кроме нас с доктором Шмидке должны будут участвовать вы, как шеф клиники, главврач Шнайдер, лечащий врач и представитель эпидемической службы города, — возбужденно произнес советский офицер.

Встреча состоялась в составе указанной группы в боксе больного через стекло. Около стола было срочно смонтировано переговорное устройство. В комнате Смирнов увидел какое-то чудовище, по очертаниям напоминающее человеческое тело. Вся его поверхность была покрыта струпьями. Он двигался по комнате и что-то жевал. Увидев советского офицера, радостно воскликнул:

— Здоровья желаю, товарищ Смирнов!

— Что вы хотели?

— Разыщите моих родственников и сообщите им о моей болезни.

— Я все сделаю, но в таком состоянии ваша репатриация на Родину невозможна, — откровенно заметил Смирнов.

— Да я и сам понимаю, но мне посоветовали обратиться к вам.

— Кто посоветовал? — уже строго спросил представитель советской миссии.

— Лечащий врач Манфред...

Отвергнув предложение Шульца выпить кофе, Смирнов и Шмидке покинули клинику. По дороге женщина заплакала, живо представив последствия для семьи ее общения с заразным больным. Смирнов был возмущен этой провокацией американцев. Прощаясь, немка поблагодарила советского офицера за спасение ее жизни.

— Ах, какая я была беспечная, — вымолвила опять всплакнувшая Инга.

Последнее событие заставило Смирнова задуматься о том, что контрразведчики бывших союзников решили избавиться от него чужими руками, используя недобитых гестаповцев и предателей из числа бывших советских граждан.

Но его негласные источники работали четко, снабжая советскую военную контрразведку информацией о готовящейся в лагерях Золингена, Шварцбурга, Грослебен и других вражеской агентуре для переброски в СССР по каналу репатриации. Так, в СССР были выведены явные агенты США и Франции Малиновский, Поляков и другие, через которых были завязаны оперативные игры с разведорганами бывших союзников. Но руководители ЮНРА Гофре, Лонгле и Рой никак не могли успокоиться — провалы их планов шли один за другим.

Узнав, что Смирнов увлекается рыбалкой, Рой пригласил его посетить дачу ЮНРА на Баден-Зее.

— Там можно организовать отличную ловлю спиннингами с лодок, — заверил Рой. Смирнов согласился, так как ранее бывал на Баден-Зее, что на границе с Австрией и Францией, примерно в 100 км от Тюбингена. Но он был, однако, поражен той любезностью иностранца, которой последний рассыпался в разговоре. Утром следующего дня пять человек советской миссии уехали на рыбалку.

Дадим слово Матвееву:

«Утром в 6.00, как было условлено, — легкий завтрак и все рыбаки, облачившись в спортивные костюмы, отправились к причалу, где были подготовлены резиновые надувные лодки... Оружие и портфель оставил под сохранность переводчика Макарова...»

Сотрудник, представленный Смирнову, назвал свою фамилию — Готье. Это был мужчина спортивного склада, ему было лет 30. Он не знал русского языка, слабо владел немецким, на котором и пришлось изъясняться. Рыба ловилась хорошо. Одна, вторая, третья... Скоро Смирнов выловил уже десять судаков и двух огромных угрей. И вдруг из днища лодки ударил фонтан воды. Вода быстро прибывала, наполняя лодку. Напарник что-то бормотал, озираясь по сторонам. Лодка перевернулась, а Смирнов оказался под лодкой. Он намеревался вынырнуть и отплыть в сторону. Но в этот момент какая-то сильная рука схватила его за ногу и потянула в глубину озера.

«Ловушка», — промелькнула мысль у офицера. Он на мгновение освободился от захвата, вынырнул и набрал воздуха, но в этот момент его снова схватили и потянули ко дну. Он был хорошим пловцом и физически сильным человеком. Открыв глаза, Смирнов увидел акваланг. Он тут же ухватился за шланг и с яростью сорвал с головы диверсанта маску. Тот сразу же освободил ноги. Под водой завязалась борьба. Дыхание у офицера было на пределе. Пытаясь вырваться из объятий аквалангиста, Смирнов нащупал рукой на боку комбинезона какой-то твердый предмет — это был нож. Он начал наносить своему врагу беспорядочные удары. Наконец руки его повисли, и наш офицер пробкой вынырнул на поверхность. Он увидел перевернутую лодку и напарника, плывущего к нему. В этот момент он понял, что Готье тоже соучастник, поэтому закричал с ножом в руке, чтобы он не подплывал к нему, а вызвал спасателей. И только когда он их увидел, то опустил нож на дно и сам поплыл к напарнику. При приближении он заметил, что под его спортивным костюмом находится легкий надувной жилет.

Спасательный катер и лодка Роя подошли почти одновременно. Спасатель, подняв Смирнова на катер,

потребовал немедленной доставки его в госпиталь. Подполковник категорически отказался это и потребовал доставить его на виллу к Рою. Все стало ясно!

Разбирательство пришло к выводу, что лодка напоролась на корягу-топляк. Рой с иезуитской гримасой принес извинения и высказывал сожаления, но Смирнов молчал о том, что пережил. О своих добродетелях он подумал: «Чем они отличаются от гитлеровских палачей, только разве трусостью, норовят настигнуть свою жертву из-за угла». Это было четвертое покушение на жизнь представителя советской миссии в Тюбингене.

Предоставим еще слово автору:

«Спустя неделю после провокации на Баден-Зее, Смирнов получил из Центра сообщение о том, что на уровне штабов французских и американских оккупационных войск в Германии сделано представление штабу советских оккупационных войск в Германии о невозможности дальнейшего пребывания в их оккупационных зонах советского офицера Смирнова, возглавляющего советскую миссию по репатриации в Тюбингине. Это обосновывалось утверждением, что Смирнов занимается пропагандой, наносящей ущерб союзникам».

Однако советское командование эти обвинения отвергло как необоснованные, и требование об отзыве было отклонено. Надо было выждать время и завершить свои оперативные дела в связи с предстоящим отъездом и провести заключительные встречи с помощниками. Вскоре Смирнов получил указание прибыть в Берлин — специальная командировка закончилась. Предстояла новая не менее трудная и ответственная работа в системе военной контрразведки...

Герой Днепра и его сын

Мертвые правят живыми.

Огюст Конт

Война — это всегда бедствие. Кто-то из великих мыслителей сказал, как кометы обнаруживаются иногда при затмении, так и герои нередко вызываются неожиданными бедствиями. Военное лихолетье, внезапно обрушившееся на нашу страну 22 июня 1941 года, втянуло в свой кровавый водоворот многих людей: молодых и пожилых, мужчин и женщин, атеистов и верующих...

Война, как говорится, в одинаковой степени или мере облагает данью и мужчин, и женщин, но только с одних взимает кровь, с других — слезы, хотя ради истины надо признаться, что она нередко питалась кровью и слезами одновременно у обоих полов.

Одним из таких вброшенных в горнило испытаний войной был рядовой Чикулаев Гордей Трофимович, ставший потом сотрудником НКВД и МВД СССР. Родился он в 1912 году в селе Чистое Макушинского района Курганской области. Солдат практически с первого до последнего дня войны находился на фронте в матушке-пехоте, постоянно участвуя в боях в качестве пулеметчика.

Война в корне изменяет жизнь. Обыкновенные дни становятся эпопеей, а простые люди, ничем не отмеченные в мирной жизни, — героями. С самого начала войны у Гордея стало томиться сердце. Став владельцем грозного оружия — пулемета «максим», он хотел поскорее встретиться с врагом на поле брани, с тем тайным человеком, который пришел на его тихую

благодатную землю, чтобы сначала убить его, потом его родителей, братьев и сестер, соседей и знакомых и властвовать, властвовать одному. А оставшихся живых, нареченных быдлом, унтерменшами и недочеловеками, превратить в послушное стадо рабов. Так думали они, фашистские бонзы, пытавшиеся выпестовать новую расу господ — арийцев в созданном бесноватым фюрером с амбициозными надеждами на тысячелетнюю жизнь Третьем рейхе, но просуществовавшем всего лишь двенадцать лет...

Сражался Гордей под Тулой и под Москвой в роковом 41-м с мрачными картинами отступления, окружения, поражениями в боях, пленом и гибелью многих тысяч соотечественников. Все это он, простой русский мужик, видел своими глазами, видел и большую беду, ползшую коричневым потоком по нашей земле с Запада — все на Восток и на Восток. Потом его часть была переброшена в Сталинград для усиления легендарной 62-й армии Чуйкова.

Суровой осенью 1942 года во время одного из боев он был первый раз ранен во время стрельбы из пулемета — незабвенного «максима». Сначала огнем опалило левое плечо, потом сразу же воспламенилась вата в фуфайке, обжигая тело. Он попытался поднять раненую руку, но она уже не слушалась. Правой рукой Гордей отер пыль и пот с лица и вот тут-то понял — пуля утонула где-то в мышцах предплечья. Потом звуковая и зрительная картины стали постепенно теряться, исчезать из сознания. Очнулся на мгновение — сердце слабо шевелилось под левым соском. Стало как-то предательски холодно за грудиной. Потом этот презренный хлад стал опускаться все ниже и ниже... Санитары подобрали бойца, находившегося почти без сознания из-за большой потери крови, отправили в медсанбат, а доктора уже там через пару недель поставили воина на ноги.

Потом были дороги наступления: очищение от коричневой чумы городов Сумы, Ромны, Прилуки... Он видел, как земля его Родины умирала под горячим железом вражеских бомб и снарядов, заутюженная траками бронемашин, самоходок и танков, затоптанная коваными сапогами гитлеровцев. А потом видел и другое явление: как эти современные «рыцари» совсем не слабые ни тактикой, ни стратегией, ни умом командирским, ни самой что ни на есть современной боевой техникой, с неохотой покидали пределы Советской России. Эти хваленые войска вермахта выдавливались мощью отечественного оружия, мужеством солдат и наработанным опытом полководцев.

За успешные действия при освобождении города Сумы 340-й стрелковой дивизии, в состав которой входила часть пулеметчика Чикулаева, было присвоено почетное право называться «Сумской». Именно в одной из деревушек под городом Ромны — в Москаливке автор этих строк вместе с матерью и бабушкой (отец был на фронте) мытарили военную годину. Они прятались от налетов фашистов в погребе. И вот радость освобождения!!!

Местные жители радушно встречали солдат-освободителей, проходивших через деревню. Одаривали их чем могли из своего скудного скарба, в основном семечками подсолнухов и тыкв. Для солдат это была земная радость. Кто знает, может, и рядовой Чикулаев проходил этим путем мимо нашей земляной норы?! Пути военные, дороги фронтовые неисповедимы. И наконец форсирование Днепра в 1943-м. Дрался Гордей со сметкой — умно и мужественно, что позволило ему совершить подвиг и стать Героем Советского Союза.

Но все по порядку.

Тихая осенняя ночь. Почти безветрие, над могучим Днепром медленно проплывали рваные клочья предутреннего тумана. Бойцы 1144-го стрелкового полка 340-й «Сумской» стрелковой дивизии с нетерпением вглядывались в правый берег, занятый неприятелем. Стояла невероятная тишина, не верилось, что идет война. Казалось, люди и природа спали крепким сном. Противник берег боеприпасы, наши — маскировали место форсирования реки.

Передовой отряд полка подошел к деревне Людиж, живописно расположенной на левом берегу Днепра. Селяне с любовью и радостью встречали своих освободителей. Командир дивизии Герой Советского Союза И.Е. Зубарев получил приказ на форсирование Днепра и захват плацдарма на противоположном берегу на этом участке. (Он вскоре погибнет при освобождении Киева.) Селяне делились всем, что могло держать на воде воинов: досками, бревнами, лодками, корытами... Разбирали даже строения под плавсредства. А ведь была осень — вода в Днепре в это время не для купания.

Пулеметчик рядовой Чикулаев со своим любимцем «максимом» обратился к одному из местных жителей:

— Батя, подскажи, как добраться с такой пушкой на тот берег?

— Бери мой челнок, правда, посудина шаткая, но на своем вербном горбу он вас двоих дотянет.

— А еще одного — напарника возьмет?

— Он и четырех допрет. Захвати только мое весло.

— Ну, спасибо, отец...

Долбленка лежала на песке. Чтобы не выдать подготовку переправы звоном цепи, Гордей аккуратно смотал ее и нежно уложил на днище. Потом солдаты тихо закатали пулемет. И переправа началась. Все шло спокойно. Короткое весло работало тихо. Приходилось проявлять изворотливость, держать равновесие при

неустойчивом положении тела. Гордей приказал второму номеру сидеть, не шевелясь, в середине челна, а сам, приютившись на корме, вел деревянную посудину, как опытный эквилибрист.

Челнок, который воины любезно нарекли «катерком», с грозным оружием и двумя бойцами медленно шел в сторону неприятельского берега, чуть сносимый течением. Приходилось постоянно учитывать этот фактор. Но на середине реки переправляющихся пулеметчиков заметили фашисты. В небо со змеиным шипением взлетели осветительные ракеты. А затем залаяли пулеметы, затявкали минометы, стали бить винтовки. К челну полетели разноцветными пунктирами трассирующие пули. Ухали разорвавшиеся мины, поднимая белые столбы оглохшей воды. Перелет — недолет, справа — слева... Река быстро проглатывала горячее железо, словно радуясь, что оно не досталось бойцам-освободителям. С левого берега ударили по немцам и наши пехотинцы — поддержали «огоньком» горстку смельчаков.

«Надо спешить, иначе я стану мишенью... кроткая овца всегда волку по зубам. Только вперед!» — скомандовал себе Гордей и стал что было сил грести. И все же никак не проходило тревожное ожидание чего-то рокового. Но вот наконец и берег. Бойцы оказались на земле и стали отстреливаться. Чикулаев со своим напарником стреляли в темноту на голоса, в сторону вспышек выстрелов, по силуэтам гитлеровцев, которые шли, то пригибаясь к земле, то в полный рост, поливая теперь смельчаков горячими струями свинца из «шмайссеров». Неприятельские мины ложились все ближе и ближе к позиции пулеметчиков. Отстреляна одна пулеметная лента, вторая. Пули уходили в темноту, и вдруг рикошет — короткая очередь брызнула щебенкой и высекла снопы искр.

«Такое явление может происходить при столкновении пуль с бетоном», — подумал Гордей. На третьей заправке ленты пулемет заклинило. А тем временем немцы, наращивая свою мощь, спешили опрокинуть десантников в реку. Чикулаев вспомнил, что у него в ватнике до десятка гранат. И вот в момент горящей осветительной ракеты он заметил, что немцы переходят высокую насыпную дорогу, а рядом — он четко отметил — белел срез бетонной трубы водоотвода, в которую несколько минут назад попадали его пули. Он, не раздумывая, бросился к срезу трубы с одной мыслью — пролезть через трубу и в темноте забросать с тыла фашистов гранатами. И тем самым вызвать переполох и панику. Но, будучи широкоплечим от природы, он с трудом протиснул торс в бетонное жерло. И вот труба преодолена. Оказавшись на противоположной стороне дороги, он четко зафиксировал на фоне играющего огнем горизонта контратакующих фрицев.

«Теперь это мои трофеи, — усмехнулся, скрипя зубами, солдат. — Нет, сволочи, не уйдете от моих гостинцев. Это же настоящая удача — оказаться в нужном месте и в нужное время». В спины неприятеля полетели фугасы — заработала карманная артиллерия. После каждого взрыва шелестели осколки, слышались крики, стоны, ругань в стане противника. Чикулаев сменил позицию и снова метнул несколько гранат. Враг в замешательстве, он опешил, считая, что советские воины заходят к нему с тыла. Поэтому фашисты дрогнули и побежали к своим окопам.

Эта смелая выходка пулеметчика помогла без потерь причалить к берегу дополнительным нашим силам. Плацдарм территориально заметно расширился. Потом Гордей бросился к остывшему пулемету, он ровно застучал, как швейная машинка. Еще несколько

десятков фрицев отправилось на небо искать философские ответы на вопросы о земной истине.

Через несколько часов на правом берегу уже находился весь 1144-й стрелковый полк. В районе Пуща-Водицы 5 ноября 1943 года Гордей получил второе ранение. За успешное форсирование Днепра и мужество, проявленное при освобождении Киева, рядовому Чикулаеву Гордею Трофимовичу было присвоено звание Героя Советского Союза. Да, эти люди тогда жили «...не ради славы, ради жизни на земле!»

* * *

Сын Героя — генерал-майор в отставке Чикулаев Ефим Гордеевич любезно согласился рассказать об отце и принес на встречу с автором небольшую часть семейного фотоархива.

— А как сложилась дальнейшая, я имею в виду, послевоенная судьба вашего отца? — спрашиваю у генерала.

— В 1944 году после выписки из госпиталя русского солдата гостеприимно приютила украинская столица. С получением квартиры вскоре в Киев переехала вся наша семья. Послевоенные годы, как известно, были нелегкими: и холодными, и голодными. Вскоре отца пригласили на работу в органы НКВД. Он дал согласие. Работал на разных оперативных должностях в УВД по Киевской области: участковым в районе, оперуполномоченным, а затем инспектором при областном управлении. Рядовой Красной армии закончил милицейскую службу в звании старшего лейтенанта...

Отца не стало в 1992 году. Бережно храню память о нем не только как о Герое, отважном солдате и милиционере. А прежде всего как об отце — скромном

труженике, а не совке, хотя некоторые борзописцы и пытаются сегодня наречь этим уничижительным и подлым словом, называя его по заграничному — брендом, наших убеленных сединами и не раз проливавших кровь за общую Родину ветеранов. Часто эта публика говорит о них с иронией, в насмешливом тоне.

— В чем причина, по-вашему, такого хладнокровия отца во время свершения мужественного поступка при переправе Днепра, ведь он мог погибнуть и при обстреле челнока, и при захвате плацдарма?

— Я часто задумывался над понятием «мужества» и пришел к выводу, что мужество состоит не в том, чтобы смело преодолевать опасность, а в том, чтобы не паниковать и встретить ее с открытыми глазами. Паника и страх застят не только глаза, но и логику поступка, они разряжают энергию воли, сковывая ее паутиной нерешительности. По-моему, у Бомарше есть такое выражение, что когда человек поддается страху перед ужасом, он начинает ощущать ужас страха.

Отец мне говорил то же самое, только простым, доступным языком. Он откровенно признавался, что боялся, как и все его друзья, погибнуть, но постоянно внушал себе мысль, что надо действовать хладнокровно, тогда голова поможет сделать правильный выбор в критической ситуации. Конечно же, не исключал и элемента непредсказуемости, когда независимо от правильного выбора решения задачи твоя судьба, а проще — жизнь вверялась господину случаю. На войне, по его наблюдениям, подобные картины были не редкостью.

— Что повлияло на вас, Ефим Гордеевич, связать свою жизнь с армией, а затем перейти на оперативную работу, где вы достигли высоких должностей?

— Конечно же, авторитет отца и деда Трофима Тарасовича — «бомбардира-наводчика», отвоевавшего

всю Первую мировую войну в артиллерии. Я тоже прошел часть их фронтовых дорог.

После окончания Сумского артиллерийского училища попал служить в 7-й полк 24-й мотострелковой дивизии во

Львове Прикарпатского военного округа, а оттуда предложили перейти на работу в органы военной контрразведки. Прошел практически все оперативные ступени — от оперативного уполномоченного до начальника Особого отдела КГБ Северо-Кавказского военного округа и начальника Управления Юго-Западного направления (Ставки) ВС СССР.

А еще вспоминаю слова отца, когда я приехал домой после окончания военного училища с отличными оценками в дипломе: «Вот так, как учился, так и служи, сынок. Не ради оценок в дипломах и славы ради, а ради офицерской чести. Все остальное обязательно к тебе придет, и слава тебя найдет! Только так можешь вырасти!»

После окончания Новосибирской школы (курсов) КГБ Ефим Гордеевич с головой окунулся в работу: служба в ГСВГ, участие в Пражских событиях 1968 года, обслуживание Управления внутренних войск в КВО, руководство особыми отделами Киевского, Берлинского гарнизонов, 20-й Гвардейской армии ГСВГ, Северо-Кавказского военного округа и наконец Юго-Западной ставки ВС СССР.

Причем дороги военного контрразведчика проходили совсем не в спокойной обстановке — рушилась страна. То, что натворили политикане, приходилось нередко подчищать военным контрразведчикам. В одной из бесед с автором генерал-майор Чекулаев поведал один случай, происшедший в Приднестровье.

По заданию бывшего министра внутренних дел Молдавии Воронина в распоряжение места дислокации

объектов 14-й армии был заслан человек, мягко выражаясь, с недобрыми намерениями. Один из оперуполномоченных вычислил засланного «казачка», и материалы доложил своему непосредственному руководству. Но вмешался чванливый и не всегда адекватный командующий 14-й армии А. Лебедь, который пошел навстречу просьбам кишиневских властей и попытался освободить задержанного лазутчика. Больше того, сумасбродный генерал арестовал армейского чекиста.

Чего стоило начальнику Управления военной контрразведки Ставки принципиальному чекисту Ефиму Гордеевичу Чекулаеву поставить на место зарвавшегося генерала с бонапартистскими амбициями. А ведь за спиной у этого «полководца» был такой же непредсказуемый президент, которому он поначалу очень нравился своей напористостью. Но наш герой не побоялся тумakov сверху, операция по задержанию лазутчика прошла успешно и была доведена до логического конца...

После увольнения со службы Ефим Гордеевич более десяти лет проработал в службе безопасности МГТС. Это его коллектив провел большую работу по разоблачению изготовителей фальшивых жетонов для таксофонов.

Когда в середине 90-х Москву и Подмоскowie охватила эпидемия массового хищения кабелей с медной и алюминиевой проволокой (порой вырезалось до десятков километров кабелей), Чекулаев добился через московское правительство, в частности Лужкова, который поначалу не соглашался с доводами специалистов, закрытия некоторых пунктов приема цветных металлов. Было их 125, а стало 55! Воровству был нанесен существенный удар...

И вот, что я подумал — передо мною судьбы двух поколений скромных защитников Родины, которых не

сломили крутые изломы жизни, одного в горячем открытом бою, другого в сражениях на незримом фронте. В них ни на грамм не было честолюбия, они сторонились использовать административный ресурс и авторитет полученной власти в решении личных вопросов. Ушли со службы добровольно, уступив место молодым. Они жили без трескучей патриотической риторики, понимая, что власть — такой стол, из-за которого никто добровольно не встает. Они встали, когда пришло их время! Их бури времени не смяли. О таких людях обычно говорят — это чистая династия сынов Отечества!

Нюрнберг под взглядом оперативника

*Люди, с которыми плохо обошлись,
мстят.*

Рэйчел Манус

Этому человеку судьба подарила интересную и долгую жизнь. На следующий год он запланировал отметить свой юбилей — 95-летие. При встрече так и сказал: «Мы из того поколения, которое закалило лихолетье. Поэтому до юбилея — доживу!» Я приехал по приглашению в его крохотную однокомнатную квартиру, в которой он живет со второй женой. Первая умерла. Дети выросли — разбежались...

— Живу, как живу, всего хватает. Много ли нам, старикам, надо? Одни копят, словно должны жить вечно, другие тратят, словно тотчас умрут. Я придерживался золотой середины, — улыбнулся ветеран, — поэтому и достиг таких возрастных высот. Никогда не жадничал, считал и считаю — старая штука, смерть, а каждому внове... богатый ты или бедный. Сегодня некоторые думают только о деньгах, мы думали об Отчизне...

Полковник Козловцев Леонтий Иванович, «Почетный сотрудник госбезопасности», рассказал, что родился в деревне Старая Крапивенка Тульской области 22 июня 1915 года. Срочную службу проходил с 1937 по 1939 год в 58-м кавалерийском полку, командиром которого был будущий маршал Советского Союза И.Х. Баграмян.

В 1940 году отслужившего молодого человека определили на учебу в Ростовскую межрегиональную школу НКВД (НКГБ), в которой преподавались азы

оперативной работы: диверсионной, разведывательной и контрразведывательной. Срок обучения в школе был всего год — спешили. Война ломилась в двери страны. Выпускникам присвоили звание лейтенанта... А дальше стандарт того поколения — фронтовые дороги... Тем, кто выжил, — желанная Победа! Но Леонтию Ивановичу повезло — он стал еще и свидетелем суда над главными военными преступниками фашистской Германии. С первого до последнего дня заседания военного трибунала нашему герою пришлось присутствовать на процессе века.

— Давайте, Леонтий Иванович, отмотаем пленку времени. Куда вы попали после окончания школы?

— Закончилось присоединение Западной Белоруссии к БССР, и чувствовалось дыхание приближающейся войны. Поэтому молодых оперативников направили в командировку в город Брест для оказания помощи властям в эвакуации мирного населения. Следует напомнить, что Брестская крепость перешла в состав СССР 22.9.1939 года. Она использовалась для расквартирования частей Красной армии и войск НКВД. Но особенно запомнились картины насильственного отселения неблагонадежного элемента — перебежчиков, бандитов, всякого рода неблагонадежных как польских граждан, так и наших. Их грузили в товарные вагоны и отправляли вглубь территории СССР.

— А где застал вас день вашего рождения? Он же совпал с началом войны? Какие впечатления вынесли вы из 22 июня 1941 года?

— Впечатления страшные по своему апокалипсическому накалу. Брест обстреляли и бомбили сразу же с началом фашистского вероломства. Артподготовка частей вермахта началась в 3.15. Каждые 4 минуты огневой вал продвигался по 100 метров вперед. В городе взрывались снаряды, мины и

бомбы. День превратился в ночь от поднятой пыли и дымов, заслонявших огни многочисленных пожаров. Всюду убитые, стоны раненых, дикое ржание покалеченных лошадей, мечущиеся женщины с детьми на руках. До сих пор эти картины я вижу в снах, а ведь сколько воды утекло!.. Вот уж правда, воспоминания — это страна, в которую человек способен входить, когда ему заблагорассудится.

— А какова была дальнейшая судьба энкавэдэшника? Куда вас определили?

— Военные части и подразделения НКВД сразу распределились в Брестской крепости. Напор немцев был таков, что крепость к 9.00 22 июня уже была окружена. Остальные армейские части вели оборонительные бои на правом берегу Буга против переправившихся войск противника. Это были войска, как потом выяснилось, 45-й и 31-й пехотных дивизий генерал-майоров Ф. Шлипера и К. Калмукоффа. Нам наше руководство приказало немедленно влиться в боевые подразделения Красной армии и выходить из окружения.

В колонах отступающих были военные, милиционеры, местные чиновники и другие. Шли лесами и бездорожьем, преодолевая многочисленные болота, постоянно отстреливаясь от наседавших фашистов. Вышли в районе Могилева. Меня и двоих коллег по школе Никулина и Циракашвили определили в один из полков 283-й стрелковой дивизии на должности оперуполномоченных. И опять горечь отступления. Разорвавшейся рядом миной я был тяжело ранен. Отлежав в госпитале, снова оказался на фронте. Теперь мы наступали в районе Мценска.

Сейчас на особистов вешают всякие небылицы. Скажу честно — в окопах были все равны, и пуля-дура не разбирала, какой черепок просверлить. Мои коллеги ходили в атаку, отбивали контратаки и наравне с

красноармейцами бились в рукопашную под Орлом. Нам помогали армейцы бороться с паникерами, мародерами, предателями и агентурой противника. Я не помню, чтобы были взаимные претензии. Нашего брата уважали. Сегодня в фильмах моих коллег-трудяг лепят какими-то уродами, недоумками и палачами. Так и хочется спросить, какие мерзавцы их консультируют?

После проверки моей работы комиссией Смерш из Москвы я был определен направлением 2-го отдела УОО 1-го Белорусского фронта. Моими начальниками были генералы

Вадис А.А., Ивашутин П.И., Королев Н.А. и Железников Н.И. На фронте все страшно, но, слава богу, с кровопролитными боями дошел до Берлина...

— Расскажите подробнее, как вы попали на Нюрнбергский процесс и о ваших впечатлениях при встречах с нацистскими бонзами, ставшими фигурантами международного трибунала? Какова реакция была у них на конкретные обвинения в суде?

— С санкции начальника 2-го отдела ГУКР НКО Смерш полковника С.Н. Карташева троих офицеров-контрразведчиков УКР фронта: меня, Красильникова и Хелипского направили на этот международный процесс. Я недавно прочел книгу бывшего руководителя разведки ГДР Штази Маркуса Вольфа. У него слова о Нюрнберге полностью совпали с моими впечатлениями. Я их даже записал:

«Было ощущение какой-то призрачности, когда я, идя по совершенно разрушенному Нюрнбергу, городу, который когда-то называли шкатулкой для драгоценностей Германии, думал о том, что люди, сегодня сидящие на скамье подсудимых, именно здесь, в Нюрнберге, принимали расовые законы и торжествовали. Пребывая в зените своего могущества».

С первого дня — 20 ноября 1945 года и до последнего — 1 октября 1946 года я присутствовал на

заседаниях, и каждый день видел стаю притихших и опустошенных нелюдей, набравшихся наглости оправдываться, косить под дурачка, требовать к себе отношения как к военнопленным.

Когда я зашел в зал, первое впечатление было таково: а где же остальные бонзы?

Первым сидел Геринг — черная душа нацистского заговора... Он сильно исхудал, поэтому мешки под глазами казались еще больше. Френч на экс-рейхсмаршале без погон болтался, как на чучеле пиджак. А когда-то его грудь и живот, усеянные орденами, сравнивали с витриной ювелирного магазина.

Он играл теперь после Гитлера роль наци № 1. В его лице было много ипостасей: провокатор и убийца, грабитель и вор, трус и хам... Он пытался играть «верного паладина» того, кому присягал и кого предал в тяжелую минуту. Он пытался искусственно держаться, ерничать, выгораживать себя. Запомнился день объявления приговоров. Первого ввели Геринга. Лорд юстиции Лоуренс объявил:

— Герман Вильгельм Геринг, Международный военный трибунал признает вас виновным по всем четырем разделам «Обвинительного заключения» и приговаривает... Герман сорвал наушники и стал размахивать руками. Оказалось, испортилась система перевода. Специалисты быстро устранили поломку. Когда «великий знаток живописи» стал вслушиваться дальше, судья проговорил:...и приговаривает к смертной казни через повешение!

Геринг пошатнулся, как мне показалось, мгновенно побледнел, однако устоял на ногах.

Особенно неприятно было слушать палача — верзилу со шрамами на костистом лице, с тяжелой квадратной челюстью — шефа безопасности СС Кальтенбруннера. Он занял свое место на скамье только 10 декабря — говорили, что все эти дни болел.

Как только он присел, то соседи, Кейтель справа и Розенберг слева, демонстративно повернулись к нему спинами. Как же, со смертью Гиммлера он теперь стоял на первом месте, если говорить о представительстве карательных органов рейха на нюрнбергской скамье подсудимых.

Обуреваемый страхом, он отвечал односложно: типа «не знал», «приказали», «только здесь ознакомился с ужасными фактами», «верил в фюрера», «подвели рьяные подчиненные», «я всего лишь передаточное звено» и прочее. Он даже просил трибунал поверить ему, что, как только он узнал о кровавых делах гестапо, решил покинуть свой пост, но Гитлер не удовлетворил его просьбу. Припертый свидетельскими показаниями к стенке, он то бледнел, то краснел, то покрывался испариной предательски-холодного пота... Будучи адвокатом, он пытался разыграть карту человека, случайно оказавшегося на вершине РСХА. Создалось впечатление, что это была трусливая личность.

— А как вели другие военные преступники? Бытует мнение, что некоторые пытались переложить всю вину на четырех «гэ» — Гитлера, Гиммлера, Гейдриха и Гесса. Правда ли, что по-разному реагировали подсудимые на показы фильмов-доказательств?

— Да! Вели себя они неодинаково, но все гадко по-своему. Запомнилось, когда показывали фильмы «Фабрики смерти» и «Варшавское гетто». Погас свет в зале, но над 22 бандитами он горел. Я имел возможность наблюдать за их лицами. Геринг и Гесс ни разу не взглянули на экран. Шахт, скрестив руки на груди, демонстративно повернулся к экрану спиной, показывая тем самым, что к зверствам он отношения не имел. Палач Польши Франк и главный рабовладелец Заукель разрыдались...

Единственно, кто смотрел на экран с удовольствием и злорадством, был Штрейхер — один из идеологов

нацизма и главный редактор газеты «Дер Штюрмер» — «Штурмовик». Он первым из нацистских бонз начал публичную проповедь о поголовном уничтожении евреев. Ему на процессе напомнили его газетные слова, обращенные к нации. Я их выписал из недавно прочитанной книги «Семь узников Шпандау» Фишмана, а потому и вспомнил. Вот они:

«Вы должны сознавать, что евреи хотят погубить наш народ... На протяжении тысяч лет евреи уничтожали другие народы; давайте начнем сегодня дело уничтожения евреев... Евреи всегда жили кровью других народов, им нужны были убийства и жертвы... Полная и окончательная победа будет достигнута, когда весь мир освободится от евреев».

Беспардонному Штрейхеру нечем было крыть, поэтому он стремился сделать хорошую мину при плохой игре...

Кейтель пытался позиционировать себя ярким сторонником исполнительного пруссачества. Запомнились мне его слова в оправдание своего «послушания», я их записал, о том, что традиции и особенно склонность немцев сделали, мол, нас милитаристской нацией. Свидетель генерал Винтер на процессе напомнил «исполнительному» Кейтелю слова о том, что если он так пекся о чести, то надо было выбрать неповиновение, коль повиновение не приносило чести. Вообще он держался по-военному. Стоял всегда прямо, словно кол проглотил. В последнем слове подсудимый высокопарно изрек, что он заблуждался и потому не был в состоянии предотвратить те глупости, что необходимо было предотвратить.

— В этом моя вина! — воскликнул фельдмаршал.

Так и хотелось тогда напомнить слова его земляка Отто фон Бисмарка, что глупость — дар Божий, но злоупотреблять им не следует.

Генерал-полковник Иодль куражился больше, подражая Герингу. Он пытался вести себя в рамках «армейца, крепкого духом». Был бы я помоложе, можно было написать целую книгу воспоминаний. Жаль, что не сделал этого.

— Леонтий Иванович, вы работали под руководством легендарного С.Н. Карташова и были причастны к фильтрационным мероприятиям в приемно-пересыльных лагерях. Накануне Дня Победы не могли бы вы вспомнить какой-нибудь из эпизодов вашей оперативной работы, завершившийся, как говорят оперативники, «конкретным конечным результатом?»

— На фронте была масса подобных эпизодов, но я остановлюсь на случае, происшедшем во время моей службы в ГСВГ. Это было уже в мирное время — в 1947 году. Мы получили сигнал, что в Восточном Берлине проживает немка, муж которой азербайджанец по фамилии Самедов, обитает в ФРГ. Проверили его по учетам. Выяснилось, что с 1941 года он числится как пропавший без вести. Стали глубже проверять обстоятельства исчезновения его с передовой. Оказался он перебежчиком — изменил Родине в бою. Кроме того, через немецкую агентуру узнали, что он периодически нелегально навещает супругу. Решили устроить засаду на квартире немки, но он сбежал из-за нерасторопности молодых сотрудников.

Второй приход оказался для него последним. На допросе Самедов подтвердил данные об инициативном побеге к немцам в начале войны. По его заявлению, это преступление было совершено им под Брянском.

Западногерманская разведка Гелена сразу же прибрала его к рукам и стала готовить для «большой работы» — заброски на территорию СССР. Но карьера агента БНД (Федеральная разведовательная служба ФРГ) не состоялась — советская военная контрразведка во взаимодействии с немецкими друзьями, так мы

называли тогда коллег из ГДР, пресекли шпионскую акцию. Подобных случаев было масса. Когда-нибудь расскажу...

— Чем живете сейчас? Бываете ли на родине в Тульской области?

— Последний раз был с сыном. Ездили на автомашине — поездом уже не могу, старость — не радость. Приехал и оказался раздосадован диким случаем...

— Что же случилось?

— Понимаете, в соседнем селе Голощапово стояла небольшая изумительная по красоте церквушка. Стояла себе да стояла. Сколько раз мимо нее я проезжал и радовался ее золотыми куполами. Советские богоборцы не разрушили, немцы были — не подняли на нее руки, а вот пришли «новые русские», и очень им понравились, видно, купола. За ночь, как говорили мне местные жители, вывезли церквушку — остался только один фундамент. Местная власть тоже «не знает», кто совершил этот вандализм и когда. А поэтому на душе от того дня кисло и противно. До чего может довести людей нажива...

Мы долго еще сидели на небольшой кухоньке с отставным полковником. Он говорил и говорил. Показывал свои фронтовые фотографии и блокнотные заметки. Потом словно встрепенулся и вымолвил:

— Понимаешь, мой молодой коллега, время идет, нет, стремительно несется, а проклятых вопросов не становится меньше.

— Каких же?

— До сих пор ни в одной лаборатории не получено противоядия от фашизма — этой безусловной чумы двадцатого века. Перекочевала она уже в двадцать первый век, только под другими лозунгами, программами, идеями...

— Я думаю, одолеем ее.

— Надеюсь!

— Какую проблему вы видите сегодня в толковании истории прошедшей войны?

— Скажу откровенно, ни один период в истории XX века не подвергался такому форсированному искажению, как начальный период Великой Отечественной войны. Именно по этому периоду высказано сколько выдумок, что приходится напоминать снова и снова то, что было на самом деле, а не высосано из пальца.

Так, в периоды правления Хрущева и Ельцина наша пресса усиленно внедряла миф о страшных репрессиях в армии в 1937 году, в ходе которых было якобы уничтожено 37 тысяч офицеров. Я был не только слепой свидетель, но и зрячий исследователь этого времени. Дело в том, что 37 тысяч — это не число уничтоженных, а число уволенных из армии по всем мотивам: 8 тысяч — по смерти, болезням, здоровью и моральному разложению и 29 тысяч — по политическим соображениям. К 1 января 1941 года из этих 29 тысяч 13 тысяч были восстановлены в кадрах РККА, а из оставшихся 16 тысяч уволенных арестовано около 6 тысяч. Из них расстреляно было около 3 тысяч. На 1 января 1941 года в Красной армии насчитывалось 580 тысяч офицеров, так что количество репрессированных составляло не более 1-1,5 %, то есть не превышало естественной убыли.

— Где вы почерпнули эти материалы?

— Опыт, прожил вон сколько лет, черпал знания из бесед со старшими товарищами и читал честные СМИ. А нам талдычат до сих пор, что неудачи первых месяцев войны были связаны с репрессиями против комсостава Красной армии. Глупости все это. Давайте всмотримся в историю войны. Гитлер планировал покорить Союз и взять Москву, чтобы потом ее уничтожить, стереть с лица земли за девять недель. Вера его на успех

основывалась на результатах покорения европейских стран. Вы посмотрите: Данию он оккупировал за сутки, Голландию — за пять суток, Бельгию — за двенадцать, Францию — за сорок четыре.

А с чем немец встретился в России — одна Брестская крепость сопротивлялась полчищам вермахта почти месяц. Гарнизон на Моонзундских островах держался шесть недель, сколько вся Франция, а Севастополь — свыше восьми месяцев, дольше, чем подвергшаяся агрессии вся Западная Европа! Враг под Севастополем потерял более 300 тысяч своих вояк — больше, чем во всей Западной Европе с 1 сентября 1939-го по 22 июня 1941 года! И это при том, что Франция и Великобритания вместе со своими союзниками накануне войны превосходили Германию как по численности своих вооруженных сил, так и по оружию.

Поневоле задумаешься, что чистка коснулась в основном военной оппозиции и тех командиров, которые были недостойны носить это высокое звание в силу разных негативных проступков и преступлений. А то, что зарвавшиеся отдельные высокие военные чины с претензиями в Наполеоны вредили делу консолидации командного состава РККА — это факт. Пришедшая на смену им «молодежь» продемонстрировала свою волю к победе самым лучшим образом и одолела коварного врага. Поэтому в истории человечества нет больше подвига, равного подвигу нашего народа во Второй мировой войне.

Сегодня мы славим тех, «кто командовал ротами, горло, сжимая врагу», а не тех политических авантюристов, которых больше всего интересовали высокие посты в армии. Фамилии их я не буду называть, они известны.

Смертники...

*Успех одного отважного человека
всегда побуждает к рвению и мужеству
целое поколение.*

Оноре де Бальзак

Время все дальше и дальше отдаляет нас от тех событий, которые связаны с Великой Отечественной войной, в их числе — героическая оборона Москвы, контрнаступление наших войск и провал гитлеровского плана «Тайфун» по захвату и уничтожению столицы.

Города не ведут дневников, улицы не пишут воспоминаний, дома не оставляют мемуаров. Но их безмолвие — особый язык. Он понятен лишь тем, кто связал свою судьбу с судьбой города. Об одном из таких людей, связавших свою жизнь с Москвой в грозное военное время, был и герой настоящей главы.

Ветераны — это золотой фонд любого государства. В народе уважают опыт, возраст и мужество тех, для которых война не кончилась. Они, эти оставшиеся долгожители, до сих пор досматривают цветные сны с баталиями на полях сражений и хитроумными операциями по разоблачению вражеской агентуры и обезвреживанию бандитов. То, что ветераны пролетели, проехали, прошли и проползли при защите Отечества, — незабываемо для них и не должно быть предано забвению поколениями.

Имена наших ратников, сеятелей добра должны помнить и власть имущие, ставшие теми, кто они есть сегодня, и простые граждане. Гордиться славой своих предков не только можно, — как писал А.С. Пушкин, — но и должно, «не уважать оной есть постыдное

малодушие». Благодаря нашим молчаливым скромным героям Родина смогла выжить в страшной войне, в которой немецким фашизмом было поставлено на кон само существование нашего народа. Это их, наших ветеранов, либерально-олигархическая богема, часть которой и сегодня при власти, через СМИ, функционирующие по законам дикого рынка, еще недавно презрительно называла «совками», неудачниками, недобитыми сталинистами, коммунофашистами, красно-коричневыми и прочими гадкими словами. Каких только грязных эпитетов на них не вешали, стоило им с теплотой вспомнить о своих быстропролетевших годах. И ничего удивительного в этом нет — деньги стали определяющим мотивом деятельности говорящей и пишущей братии.

Но люди не выбирают ни время, ни матерей, ни Родины. Ветераны — герои своей эпохи, они любят свои песни, дорожат прошлым, как и родителями, подарившими им жизнь. Никогда на свете не было такого открытого, могущественного и опасного для страны и ее народов вызова зла в лице гитлеровской Германии. Советская Россия выиграла это небывалое по масштабам и жестокости сражение, освободив от западноевропейских варваров не только себя и Европу, но и весь мир. И потому Запад не может простить ей этой победы, поскольку победа СССР над Гитлером означала победу и над Западом. Ведь именно в лоне западной демократии был взлелеян и возвращен фашизм — о чем там не любят вспоминать.

Переписывая историю, некоторые западные борзописцы договорились до того, что не Россия, а Запад выиграл Вторую мировую войну. И возникает вопрос — а почему только один народ — советские люди положили на алтарь победы половину всех жертв в этой вселенской сшибке? Ответ может быть таков — основную тяжесть войны он вынес на своих плечах!

Как говорится, память — это медная доска, покрытая буквами, которые время незаметно сглаживает, если иногда не восстанавливать их резцом. К великому сожалению, с развалом СССР и приходом чванливо-хаповатых «новых русских», разбогатевших в одночасье по «доброй» воле высокого чиновничества, щедро раздававших госимущество только своим, — государству этот резец в 90-х годы XX века оказался не нужен.

Скоро не стало и мастеров, умеющих работать резцом благодарной памяти. А потом были сорваны и медные доски. На могилах прошлого стали топтаться новые хозяева — разрушители страны, которую мы потеряли. Эти варварство и дикость потрясли многих трезвомыслящих людей. Мы должны помнить о тех, и кто выгравирован на этой доске, и кто ушел в небытие «неизвестным». К великому сожалению, с годами быстро тает список незащищенных, как никогда прежде, ветеранов, которым многие обязаны рождением, учебой, работой и самой жизнью сегодня.

Как написал поэт Михаил Львов,

...Поклонимся великим тем годам,
Тем славным командирам и бойцам,
И маршалам страны, и рядовым,
Поклонимся и мертвым, и живым,
Всем тем, которых забывать нельзя,
Поклонимся, поклонимся, друзья!..
Всем миром, всем народом, всей землей
Поклонимся за тот великий бой!..

Именно такому живому, славному бойцу прошлого-Алексею Филимоновичу Бойко хочу поклониться. Я знаю его с 1974 года по времени работы в центральном аппарате военной контрразведки КГБ СССР. О себе он никогда ничего не говорил, и только с годами через

других сослуживцев постепенно вырисовывались контуры его личности и стали известны некоторые интересные факты из его войсковой и оперативной биографии.

Узнав, что он участник исторического Парада 7 Ноября 1941 года, единственный из оперативного состава, кто остался живым, я решил написать о нем небольшой очерк. Именно это обстоятельство подвигло меня, и я напросился на встречу с Алексеем Филимоновичем, живущим по соседству со мной на Комсомольском проспекте. Жена Антонина Дмитриевна умерла несколько лет назад. Два сына, два внука и внучка живут отдельно. Появилось уже пять правнуков. Какой богатый человек!

И вот несмотря на преклонный возраст, ветеран содержит небольшую квартирку в идеальном состоянии. Сам себя обслуживает: он и уборщик, и повар, и заботливый отец, дед и прадед. По его словам, он мастер по приготовлению щей, его кулинарные способности высоко оценивают те, кто пробовал его блюда.

— Почему вы раньше никогда не говорили, что участвовали в Параде 1941 года? Не из-за природной ли скромности? — поинтересовался я.

— Скромность, скромность... Знаете, она — середина между бесстыдством и стеснительностью. Скромность, хвастающая своей скромностью, — это уже не скромность, а высокомерие, облаченное в одеяние скромности. Ложная скромность — самая утонченная уловка тщеславия, — отвечал чекист. — Только время способно вызвать интерес у потомков к их корням, потому что оно — мудрый учитель, но, к сожалению, и оно безжалостно убивает своих учеников. Вот и мое время пришло: болезни, боли, лекарства, госпитализации. Многих из моих сверстников время убило. Осталась только память о друзьях-товарищах. Я

пока жив и хочу жить так, как хочу, как умею, быть не в тягость родным и близким.

— Прекрасно, вы остались бойцом, а потому сама смерть, наверное, испугалась оперативника, — с шуткой замечая я.

— Нет, эта старуха не боится никого...

* * *

Родился Алексей Филимонович Бойко 1 октября 1922 года в селе Кобрино Тальновского района Черкасской области. После окончания средней школы юноша в 1940 году был призван на срочную службу в армию. Попал в 19-й горно-кавалерийский полк войск НКВД СССР, где прошел курс обучения молодого бойца, и в декабре того же года его направляют в составе молодых солдат в 10-й мотострелковый полк войск НКВД в город Ташкент. Надо отметить, что в годы становления советской власти в республиках Средней Азии полк активно участвовал в боевых действиях против вооруженных формирований басмачей. На полотнище боевого знамени части имелись следы пулевых прострелов — отблески былых сражений...

— Где и как вас застало известие о начале войны? — интересуюсь у ветерана.

— Сообщение о нападении фашистской Германии на СССР поступило ранним утром 22 июня 1941 года, когда подразделения полка с полной выкладкой на плечах совершали очередной марш-бросок. Это было незабываемое время. Дело было в Узбекистане. Мы двигались вдоль горного ручья. Вдруг резкий звук мотоцикла. Он обогнал нашу колонну и исчез вдаль. А пять минут спустя раздалась команда: «Привал!» Еще не успев скинуть на землю поклажу, я услышал тихое, неизвестно кем сказанное слово — «война»...

По приказу высшего командования уже в июле полку было дано указание срочно отправиться в Москву. По железной дороге эшелонами подразделения части прибывали в столицу. Москва в то время выглядела сурово. Прифронтовой мрачный город находился практически на осадном положении. Чтобы поднять боевой дух у населения, наша рота часто использовалась для маршрутирования по Пятницкой улице, у Покровских ворот, в других местах города, чтобы показать жителям — в Москве есть защитники.

Полк сразу же вошел в состав 1-й Отдельной мотострелковой дивизии особого назначения им. Ф.Э. Дзержинского (ОМСДОН), которой командовал генерал Павел Артемьевич Артемьев, ставший с 1941 года сначала начальником Управления оперативных войск НКВД, а потом с октября 1941 по октябрь 1943 года — командующим Московской зоной обороны. В 1943 году ему было присвоено звание генерал-полковника. Он был смелый и справедливый военачальник. Так во всяком случае о нем отзывались солдаты и офицеры НКВД.

— Какие задачи были поставлены перед вашим 10-м полком?

— Во-первых, в короткие сроки обеспечить высокую боеготовность части для возможного участия в обороне на ближних подступах к столице. Во-вторых, проведение изучения местности с выездами на автотранспорте в районы Можайска, Наро-Фоминска, Серпухова, Михнева и других населенных пунктов с целью определения наиболее вероятных участков появления войск противника и организации боевых действий по ликвидации их прорыва. В-третьих, при выездах преследовалась также задача ликвидации десантов и диверсионно-террористических групп противника, организация прочесывания лесных массивов. А то, что гитлеровцы будут активно работать в этом направлении, никто не сомневался. Столица

манила спецслужбы нацистской Германии — это ведь была «десятка» в мишенной системе борьбы с нашими как оборонными объектами, так и органами государственной безопасности. Я выезжал на эти мероприятия в составе пулеметной роты.

В связи с быстрым приближением немецких войск фельдмаршала Федора фон Бока, руководившего группой армий «Центр», столица готовила «достойную встречу» непрошеным гостям.

Постановлением Государственного комитета обороны (ГКО) «Об охране Московской зоны» от 12 октября 1941 года НКВД СССР предписывалось наведение «жесткого порядка» на тыловых участках фронта, прилегающих к территории Москвы с запада и юга по линии Калинин-Ржев-Можайск-Тула-Коломна-Кашира, которые разбивались на семь секторов. При НКВД СССР организовался штаб охраны Московской зоны, которому в оперативном отношении были подчинены войска НКВД, в том числе и наш 10-й полк ОМСДОНа, милиция, районные подразделения НКВД, истребительные батальоны и заградительные отряды. А уже 19 октября ГКО объявил Москву на осадном положении...

Нам нарезались также задачи по борьбе с паникерами, ворами, насильниками, грабителями, разбойниками, спекулянтами, мародерами и другой нечистью, пользующейся некоторое время неразберихой в городе, особенно в начальный период войны. Кроме того, мы отслеживали также случаи массового бегства мирного населения в сельскую местность к родственникам и в эвакуацию, а также контролировали процессы передислокации на восток некоторых крупных оборонных предприятий.

В нашем полку была команда выпускников снайперской школы. Это были лучшие стрелки нашего полка. Команде ставилась задача встретить неприятеля

прицельным огнем, в случае его втягивания в Москву через западный сектор города. Охота должна была вестись на офицеров и генералов, въезжающих в столицу. Для этой цели каждый наш воин знал «свой чердак» на Кутузовском проспекте. Наши станковые пулеметчики тоже имели свой сектор обстрела с чердачных помещений относительно высоких в то время зданий. Была полная реальность того, что противник сможет появиться на этом направлении — бронированный клин танкового генерала Гудериана стремительно приближался к столице со стороны Тулы.

— Алексей Филимонович, а приходилось ли реально вам задерживать в Москве мародеров?

— Такие факты были нередки. Мерзость появляется там и тогда, где и когда она надеется что-то урвать, жируя на несчастье своих жертв. Мы жестко пресекали подобные преступления в столице. Эти наглые потрошители чужого имущества хорошо были осведомлены о конкретных брошенных квартирах. Знали они, кто выехал, а поэтому часто действовали дерзко. Мы их вылавливали, передавали в органы НКВД, где некоторых судами военных трибуналов приговаривали к высшей мере социальной защиты общества — расстрелу. И скажу честно, такие жесткие карательные меры очень скоро дали положительные результаты. От мародеров столица стала постепенно избавляться.

* * *

— Алексей Филимонович, сегодня по рассекреченным документам ФСБ РФ, изложенным в книгах «Укрощение «Тайфуна» и «Лубянка в дни битвы за Москву», известно, что на случай вторжения гитлеровских войск быстро создавались группы

сопротивления и подполья для ведения боевой, разведывательной и диверсионной работы. Минировались различные объекты, группы запасались оружием, взрывчатыми и горючими веществами.

— Недавно удалось прочесть материалы о том, что в тяжелые московские дни в органы госбезопасности в московскую группу пришла бывшая ткачиха с комбината «Красная роза». Молодая девушка Аня Камаева, окончив ускоренный курс разведшколы, готовилась для физического уничтожения главарей нацистской Германии в случае захвата Москвы. После войны она продолжала свой тернистый путь разведчицы на нелегальной работе за границей. Она была одним из консультантов фильма «Семнадцать мгновений весны». Этот процесс был масштабен и всеохватен. Как это проходило?

— Я тогда не мог знать всех тонкостей, но со временем стало известно, что кроме этого минировались различные объекты, запасалось оружие, взрывчатые и горючие вещества, продовольствие для подпольщиков. Приготовления были необходимы, так как передовыми частями 4-й немецкой танковой армии по маршруту Рославль-Юхнов-Медынь-Малоярославец двигались к столице подразделения особой команды «Москва» во главе с начальником 7-го управления РСХА, штандартенфюрером СС Зиксом. Задача у него была одна — ворваться с передовыми частями в Москву и захватить важнейшие объекты. Противостоять этому специальному подразделению врага должны были боевики ОМСДОН НКВД СССР, в особый период располагавшиеся в Доме Союзов и в ГУМе на Красной площади.

10-му полку совместно с Отдельной бригадой особого назначения ОМСДОНа была поставлена задача — защита центра Москвы и Кремля по линии Охотного Ряда до Белорусского вокзала. Одна из

моторизированных частей ОМСДОН участвовала в ликвидации прорвавшихся к мосту через Москву-реку близ Шереметьево немецких мотоциклистов и бронетранспортеров. Все они были уничтожены, попав в своеобразный огненный мешок.

Планировалось использование нелегалов-боевиков, входивших в состав нескольких подпольных групп, оставляемых в Москве в случае отступления и сдачи города. Их конкретные задачи нам не были известны, но мы догадывались, что это наши самые смелые воины, а по существу, — смертники. Они должны были ликвидировать немецко-фашистских бонз. По всей вероятности, и Аня Камаева должна была стать такой смертницей. Эта работа была возложена на начальника Московского областного управления НКВД М.И. Журавлева. Немец почти что праздновал победу.

Спустя годы выяснилось, что в ночь с 8 на 9 октября 1941 года в кругу своих сообщников Гитлер хвастался — великий час пробил: исход восточного похода решен... Москва будет скоро окружена и стерта с лица земли. Но суд истории безжалостен!

— Алексей Филимонович, вы участник, как теперь известно, исторического парада 7 Ноября 1941 года. Как это было? Какая была погода? Стоял ли Сталин на Мавзолее Ленина? В последнее время в СМИ появились отдельные статьи, авторы которых пытались доказать его отсутствие, а показ его на трибуне Мавзолея — монтаж. Даже Солженицын договорился до того, что назвал этот парад опереточным и заявлял, что Сталина в Москве якобы не было.

— Начну с конца. Глупости все это. Это нечто иное, как попытка проходимцев и всяких нечистых душой переписать нашу историю.

Парад принимал Буденный, с поздравительной речью выступил Сталин, которого я видел и слушал, стоя в одной из парадных коробок. Он сказал тогда,

обращаясь от имени партии и народа к советским воинам, проникновенные слова, основной смысл которых помню до сих пор. По памяти точно не передам их дословно, а вот то, что есть в исторической литературе, — полностью подтверждаю:

«На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят поработанные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойны этой миссии!»

Именно так и сказал Сталин.

Надо отметить, что Москва уже на пятые сутки с начала войны была объявлена на военном положении. События развивались стремительно и, надо прямо сказать, не в нашу пользу. Нужно было показать миру и советским гражданам, что Москва стоит и выстоит. Необходимо было поднять планку патриотического духа, вдохнуть людям веру, что враг не войдет в столицу, что она, власть, во главе со Сталиным владеет обстановкой. Что касается погоды, то снегопад и сильный ветер в тот день мешали не только возможным бомбардировочным атакам противника с воздуха, но и церемонии прохода войск и военной техники. Снег падал то крупными мягкими снежинками, то вовсе переставал, чтобы через минут пять-десять снова швырнуть в лица не белые пушинки, а колючие, сухие небесные послания. Иногда порывы ветра чуть было не сбивали нас с ног.

Но вы посмотрите киношную хронику того патриотического действия и убедитесь в монолитности парадных коробок и синхронности шагов проходящих воинов мимо правительственной трибуны. Одна наша рота сразу после парада направилась на Волоколамское направление и почти вся полегла там. Возвратились в

полк единицы — почерневшие от пороховой копоти, израненные, все в земле... Было много раненых моих боевых товарищей. Помню, мы пели ротой песню, где были такие слова:

*Мы выроем немцу могилу
В туманных полях под Москвой...*

И вырыли ее — много немцев погибло на подступах к советской столице.

Я с остальными воинами по приказу командования убыл в Лефортово, на Красноказарменную улицу, дом № 4. В этом доме располагался штаб 10-го мотострелкового полка особого назначения. Мы прибыли в свои подразделения для выполнения специальных и, я бы сказал, специфических задач, которые осуществлялись в Москве и в Подмосковье вплоть до середины 1944 года. В том числе по очистке столицы от «пятой колонны» и диверсантов. По существу, я «провоевал» в Москве, а потому, «...Москвою привык я гордиться» и горжусь до сих пор. Стыдно было только в 1993 году, но не за столицу, а за власть предрежащих, за их преступление. Вот тогда было не по себе... Той бойней разве можно гордиться?! Это был наш позор.

В 1944 году выезжал в составе полка для выполнения специального задания НКВД СССР в Румынию.

— А как вы попали в военную контрразведку, будучи пулеметчиком?

— В декабре 1944 года приказом командира полка я был переведен в распоряжение отдела контрразведки Смерш дивизии имени Ф.Э. Дзержинского на оперативную работу. А в начале апреля 1945 года, после непродолжительных занятий на курсах, меня откомандировали для работы в должности

оперуполномоченного военной контрразведки Смерш 98-го пограничного отряда Западного погранокруга в город Любомль Волынской области. По прибытии в часть в оперативное обслуживание принял маневренную группу и некоторые другие подразделения штаба погранотряда. Эта группа вела не только разведку, но и активно участвовала в боестолкновениях с бандитами разного пошиба: бандеровцами, оуновцами, уповцами, бульбашами, как только они себя и мы их ни называли.

Так в течение 1945–1946 годов постоянно выезжал вместе с маневренной группой для борьбы с бандитским подпольем ОУН-УПА на территориях Волынской, Ровенской и Львовской областей. Встречались страшные картины кровавых следов недобитых лесных братьев — бандеровцев. Заваленные трупами колодцы; зарубленные семьи тех, кто был призван в Красную армию; утопленные в водоемах колхозные активисты; задавленные и повешенные молодые девчата, кстати, украинской национальности, прибывшие из восточных областей на помощь землякам-украинцам: учителя, библиотекари, повара, медсестры, врачи, работницы почты, связистки и другие.

Охотились мы и за связниками ОУН И УПА. За лояльность к новой — советской власти бандеровцами вырезались или рубились топорами целые семьи ни в чем не повинных, как правило, незащищенных сельских граждан. В города бандеровцы боялись входить — знали, могут получить достойный отпор.

Кроме того, мы еще бандитов выкуривали, как тараканов из щелей, — всевозможных схронов и землянок, болот и лесов, нор и берлог, где они прятались от неминуемого возмездия. Иногда приходилось вступать в настоящие бои с не разоружившимися достаточно крупными отрядами

оуновцев, в которых встречались даже немецкие военнослужащие. Правда, в последнее время, исходя из указания службы безопасности ОУН, они старались избавиться от «компрометирующего материала». Еще недавние украинские друзья гестаповцев и абверовцев теперь группами расстреливали немцев.

Война в этих местах шла и после войны, вплоть до середины пятидесятих годов. Страдало местное мирное население, в основном сельское, терроризированное воинствующими националистами. Они крутили и крутили страшную мясорубку репрессий, хотя разум должен был им подсказать, что они ну никак не справятся с народом и его армией, вышедшими победителями в схватке с таким зверем, как фашистская Германия. Но они продолжали свое гнусное дело — боялись ответственности за свои злодеяния, а потом были обречены пакостить. Пуля их ожидала и по суду, и в боестолкновении с чекистами.

— Какие правительственные награды, Алексей Филимонович, вы считаете самими дорогими? — задал я ему неожиданный вопрос.

— Самыми дорогими наградами я считаю те, которые получил как рядовой в военное лихолетье: за участие в оперативных мероприятиях в годы войны: орден Отечественной войны 2-й степени и медали «За оборону Москвы», «За боевые заслуги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». Они для меня самые желанные, самые дорогие.

— А дальше как сложилась ваша судьба?

— В 1946 году я был переведен в Москву, где до июля 1952 года работал сотрудником 8-го отделения отдела контрразведки МВД СССР. С 1952 по 1956 год обслуживал военностроительные батальоны, занятые на строительстве стартовых площадок для размещения зенитно-ракетных комплексов Московского округа ПВО, а с 1956 по 1975 год трудился в 1-м отделе 3-го

Управления КГБ СССР. Пришлось оперативно обслуживать ряд важных управлений Министерства обороны и Генерального штаба ВС СССР.

С марта 1975 по март 1977 годов состоял в действующем резерве органов КГБ. А потом настал естественный процесс — увольнение со службы. Кстати, этот понятный процесс я перенес спокойно. Надо было уступать дорогу молодым — это закономерность жизни. Наша зрелость закатывалась за горизонт, всходило солнце нового поколения сотрудников военной контрразведки...

* * *

Алексей Филимонович проводил большую патриотическую работу. Часто встречался со школьниками Центрального административного округа (ЦАО), рассказывая им правду о событиях минувшей войны и особенно об обороне столицы и контрнаступлении под Москвой в зиму 1941–1942 годов и о проведенных операциях военными контрразведчиками по обезвреживанию наших войск от гитлеровской агентуры.

Он собирал материалы для музея о своем 10-м мотострелковом полку особого назначения ОМСДОН НКВД СССР, отслеживая судьбы своих однополчан. Хотел создать своеобразную книгу-память о своих ветеранах. Полковник А.Ф. Бойко являлся членом совета «Общественной организации ветеранов — участников исторического Парада на Красной площади 7 Ноября 1941 года». С благодарностью и уважением поддерживал личные и деловые связи с сотрудниками Первой службы Департамента военной контрразведки ФСБ и ее ветеранами. Он нередко выступал перед

молодыми сотрудниками военной контрразведки Департамента ВК ФСБ РФ.

Автору этих строк довелось слушать негромкий голос Алексея Филимоновича о громких делах его поколения. Но в этих повествованиях полковник никогда не говорил о себе, своих конкретных действиях, вершившихся порой в сложнейших ситуациях военного и послевоенного периодов службы, — больше речь шла о сослуживцах.

Вот уж действительно, достоинства человека есть драгоценные камни, которые ярче играют в оправе скромности. Об участии в конкретном деле он так и не рассказал. На мой вопрос — почему, ответил: «Я же не один действовал!» В этом ответе он весь.

Наш герой был увлеченным человеком, такие люди одержимы занятостью домом и в обществе. У них нет времени оглядываться на окружающих, красоваться перед ними. Вот почему такие, как Алексей Филимонович Бойко, у которых, несомненно, много достоинств, но еще больше скромности, нередко годами остаются в тени, незамеченными вчерашними друзьями и сослуживцами.

В 2017 году ушел из жизни наш герой в квадрате.

Часть 3

Предатели

Эпохой трех «П», трех предателей из числа военных разведчиков, установивших преступную связь с иностранными спецслужбами в период шестидесятых годов минувшего века оперативники КГБ и ГРУ называли Попова, Пеньковского и Полякова. Автор решил поместить работу по ним военной контрразведки как воспоминание о будущем.

По материалам разработок есть чему учиться и нынешнему поколению чекистов. Хотя и говорят: у каждого времени свои герои и антигерои, своя музыка и песни, свое понимание прошлого и настоящего... Однако ничего не может измениться в борьбе против спецслужб противника. Они как действовали, так и будут действовать — тонко, коварно и постоянно. В избавлении ведомств от «кротов» в одинаковой степени заинтересованы как офицеры военной разведки, так и сотрудники военной контрразведки, ибо дело борьбы с ними — это дело государственное.

Интересная одна деталь — вся эта троица прямо или косвенно соприкасалась со служебной деятельностью генерала армии И. Серова — лютого ненавистника апостола Смерша В. Абакумова, верного паладина Н. Хрущева по работе на Украине и любимца Г. Жукова по службе в Германии как заместителя главнокомандующего советской военной администрации. Интересная деталь: именно прославленный маршал ходатайствовал перед руководством страны о присвоении Серову звания Героя Советского Союза.

После войны сотрудник ГРУ подполковник Петр Попов стал порученцем при генерале Серове, с Олегом Пеньковским находился в дружественных отношениях, а Дмитрий Поляков при правлении все того же Серова в КГБ и ГРУ безнаказанно развил свою преступную деятельность.

О трех зловещих предателях в офицерских погонах и пойдет речь в третьей части этой книги.

Кривая дорога «Грейспейса»

*Страшен нам укус того врага, что
другом кажется среди людей.*

Муслихаддин Саади

Мудрые люди говорили, что враг не может предать. Предатель — это всегда тот, кто еще вчера находился рядом, был другом, а для высокого чиновника даже шептуном. Поэтому не зря говорится, не торопись делиться с друзьями самым сокровенным. Всегда оставляй в своем доме, полном гостей, запертую на ключ кладовку, в которой никому, кроме тебя, нет доступа. Всегда оставляй дверь, в которую никто, кроме тебя, не сможет войти. Для спецслужб — это аксиома!

Предательский укус шпиона Попова в отношении военной разведки и вообще Вооруженных сил СССР был крайне болезненным. Как же появился Петр Семенович Попов (1923–1960) на орбите ГРУ?

В 1942 году он ушел на фронт. Воевал достойно, судя по материалам личного дела, так как имел правительственные награды. Закончил войну офицером-снабженцем. Сослуживцы отмечали в нем такие черты характера, как замкнутость, вспыльчивость и нервозность. Вместе с тем он отличался дисциплинированностью и исполнительностью, что не могло не повлиять на выбор себе порученца генералом И.А. Серовым, который занимал должность заместителя маршала Г.К. Жукова по военной администрации. Генерал И.А. Серов, кроме того, по совместительству был заместителем наркома НКВД СССР — маршала Л.П. Берии.

Порученец понравился высокому начальнику своим служебным рвением. Все аттестации, хранившиеся в его личном деле, были положительны. Попов, страдавший из-за малого роста и худобы, часто замыкался, держался особняком, а поэтому плохо сходилась с сослуживцами. Но, с другой стороны, умел вовремя подставить начальнику свою мокрую спину «от напряжения» на ответственной службе. Именно за заслуги перед генерал-полковником Серовым последний отправил его по тыловой стезе на учебу.

В 1947 году Попов окончил Военную академию тыла и снабжения. После этого по протекции того же генерала Серова после сдачи вступительных экзаменов его приняли в Военно-дипломатическую академию ГРУ, которую он окончил в 1951 году и был направлен в Австрию в качестве стажера легальной венской резидентуры ГРУ. В городе Калинине (ныне Тверь) оставались его жена с двумя детьми.

Кстати, контингент советских войск в Австрии находился до 1955 года. Молодому разведчику была поставлена задача по вербовке австрийских граждан для работы против Югославии, с руководством которой в то время были напряженные отношения. Именно в это время у Попова завязался роман с австрийкой Эмилией Коханек. Для времяпрепровождения в ресторанах, театрах, снятых номерах на несколько часов в гостиницах нужны были деньги. Судя по материалам разработки будущего матерого шпиона, имеют право на существование три версии, как Попов был завербован в качестве агента ЦРУ.

Первая — американская: Попов пошел на сотрудничество из корыстных соображений, подбросив в автомобиль вице-консула в Вене записку с предложением сотрудничества на негласной основе. А после встречи с ним попросил устроить ему выход на церэушников.

Вторая — самого Попова: его похитили в Вене двое сотрудников легальной резидентуры ЦРУ, которые под угрозой тайного вывоза в США и суда над ним за шпионаж заставили его подписать подписку о добровольном сотрудничестве с их разведкой.

Третья — его любовница, гражданка Австрии Эмиля Коханек, вероятно сотрудничавшая со спецслужбами США, вывела Попова на американцев. Ведь любовник нуждался в деньгах. Расходы на встречи с Эмилией росли — зарплаты не хватало.

Вербовка американцами Попова под псевдонимом «Грейспейс» состоялась в 1954 году. Его первым куратором стал молодой, но уже достаточно опытный сотрудник ЦРУ Джордж Кайзвальтер, выступавший под фамилией Гроссман. Ему помогал другой разведчик — Ричард Ковач. А Джордж через два десятка лет засветится еще раз, работая с другим предателем — экс-генерал-майором Поляковым, о котором будет рассказано ниже. Американец не жалел денег — щедро оплачивал товар, продаваемый советским офицером.

Сильной стороной этих двух американцев была способность глубокого убеждения в правоте действий Попова против тоталитарного режима при беседах с обязательными выпивками. Так отмечался на конспиративных квартирах сданный Поповым «добротный товар» американским купцам. А его было много. За два года сотрудничества с ЦРУ Попов передал Кайзвальтеру имена 400 разведчиков и других оперативников ГРУ и даже КГБ.

Понимая, что россиянина могут в любое время откомандировать в Союз в связи с выводом советских войск из Австрии и американцам придется работать с агентом в условиях Москвы через тайники, Джордж направил в советскую столицу своего коллегу Эдварда Смита. Тот выполнил приказ — подобрал несколько мест для закладки тайников. Побывавший в 1953 году в

отпуске Попов проверил работу Смита и пришел к выводу, что места будущих закладок и выемок никуда не годятся: подобраны дилетантски и в случае их использования опасны разоблачением.

За время пребывания в Австрии предатель выдал практически всю нашу агентуру, которую знал по долгу службы, а также систему подготовки оперативного состава в КГБ и ГРУ и организационно-штатную структуру этих ведомств. В дальнейшем Кайзвальтер получал от него информацию о текущей деятельности советской военной разведки в Австрии, о ТТД (тактико-технические данные) вооружения и военной доктрине того времени. ЦРУ получило через Попова копию отчета о проведенных в 1954 году в районе города Тоцк первых в Советском Союзе учений с применением ядерного оружия.

* * *

В 1954 году Попова отозвали в Москву.

«Неужели из-за Дерябина? (в феврале 1954 года сотрудник КГБ в Вене сбежал в США. — Авт.), — подумал предатель. Но в ГРУ никаких претензий к нему не предъявили. Больше того, в июне 1955 года кадровики направили его в ГДР в город Шверин, что практически повлиало на обрыв связи Попова с Кайзвальтером. Но агент по заранее оговоренному каналу послал письмо своему «благодетелю».

Прошло дней десять, и Попов получил письмо в заклеенном конверте, подсунутом под дверь его квартиры. В письме говорилось:

«Здравствуй, дорогой Макс!

Привет от Гроссмана. Жду тебя в Берлине. Здесь есть все возможности так же хорошо провести время,

как и в Вене. Письмо посылаю со своим человеком, с которым ты должен завтра встретиться в 8 часов вечера около фотовитрины, возле Дома культуры им. Горького в Шверине, и передать ему письмо».

На практике знаю, разоблаченные эпизоды временного прерывания с ними работы противника объясняли появлением проблесков внутреннего раскаяния и мыслей, что от них разведка отстанет. Были ли эти мысли у Попова? Наверное, появлялись из-за страха разоблачения при продолжении подлой игры в дальнейшем. Но корысть и «друг» Кайзвальтер его нашли и тут.

Связь с Поповым ЦРУ поддерживалась через немку по имени Инга, а в дальнейшем к грязной работе советского отщепенца подключился агент-курьер ЦРУ Радтке. Встречи происходили практически ежемесячно в определенный день. На каждом таком кратковременном свидании курьер получал пакет для Кайзвальтера и передавал Попову письмо и пухлый, как правило, конверт с деньгами.

Личных встреч Попова с Кайзвальтером в Шверине не было. Они возобновились после того, как шпиона перевели в 1957 году в Восточный Берлин. По долгу службы он мог посещать и Западный Берлин, где они продолжили лично встречаться на конспиративной квартире.

— Мой друг, — притворно произнес янки, — теперь я для тебя не Гроссман, а Шарнхорст.

Читая некоторые следственные материалы автор нашел такие объяснения разоблаченного шпиона по обстановке того периода:

«В Берлине Гроссман взялся за меня основательнее. Он интересовался буквально каждым моим шагом. Например, после возвращения из отпуска, который я проводил в Советском Союзе, Гроссман потребовал наиподробнейшего отчета о том, как я провел отпуск, с

кем встречался, требовал, чтобы я рассказал о мельчайших деталях. На каждую встречу он приходил с заранее подготовленным вопросником и во время беседы ставил мне конкретные задания по сбору информации».

В 1957 году руководство Центра «щучку кинуло в речку» — перевели его в Карлсхорст, где поручили узкий участок работы с нелегалами военной разведки. Но, несмотря на соблюдение командованием принципа конспирации, Попову удалось собрать установочные данные на некоторых из них и передать противнику...

24 ноября 1958 года Попов в последний раз встретился в Берлине с Кайзвальтером и был отозван в Москву. Там же его познакомили со специально вызванным из Москвы его будущим куратором-разведчиком ЦРУ под «крышей» атташе посольства США Расселом Лэнжелли. Договорились, что их личные встречи в советской столице будут происходить в ресторанах «Астория» и «Арагви».

Американцы знали, что скоро им с Поповым придется работать в Москве, поэтому его стали быстро экипировать всем нужным снаряжением: средствами тайнописи, шифровальными и дешифровальными блокнотами, радиопланом эфирных передач, подробной инструкцией пользования шифрами и адресами, по которыми он мог известить ЦРУ из СССР о неожиданных изменениях в обстановке, письмами-при-крытия.

На одной из встреч Кайзвальтер вручил Попову специальный приемник с миниатюрным магнитофоном. Там же янки вручил россиянину инструкцию, в которой говорилось:

«План на тот случай, если вы останетесь в Москве. Пишите тайнописью по адресу: Семья В. Нраббе, Шильдов, у л. Франца Шмидта, 28. Отправитель — Герхард Шмидт. В этом письме сообщите все данные о вашем положении и дальнейшие планы, а также когда

вы будете готовы принимать наши радиопередачи. Радиоплан следующий: передачи будут по первым и третьим субботам каждого месяца. Время передачи и волна указаны в таблице...»

В середине 1958 года руководство военной резидентуры поручило подполковнику Попову вывести в Нью-Йорк нелегала — молодую женщину по фамилии Тайрова. Она выехала хорошо проработанным каналом по американскому паспорту. Но оборотень Попов предупредил ЦРУ о ее вояже. Янки тут же подключили к ее сопровождению костоломов ФБР. Однако те сработали так грязно, что наш нелегал заметил за собой плотную слежку. Она, удачно обманув пинкертонов, выскользнула из затягивающейся петли и благополучно добралась до Москвы. При разборе «полетов» в ГРУ, Попов обвинил в непрофессиональных действиях Тайрову. Его объяснения были приняты за истину, и он остался работать в центральном аппарате военной разведки.

* * *

В январе 1958 года в Москву в качестве атташе административно-хозяйственного управления прибыл 36-летний Рассел Аугуст Лэнжелли. В ходе наблюдения за его поведением в советской столице были установлены неопровержимые факты его тесного сотрудничества с разведчиками, действующими с позиций легальной резидентуры ЦРУ в Москве. Быстрое включение в разведработу создало впечатление у оперативников КГБ, что он прибыл для работы с конкретным, пока не известным «оборотнем» из советских граждан.

Вот один из примеров — 21 января 1959 года Лэнжелли дважды выезжал на машине из посольства в

город для посещения магазинов. Он даже купил цигейковую шапку, но главное не ушло от внимания службы НН (наружного наблюдения) — он активно проверялся. Вечером того же дня он снова выехал из посольства. На проспекте Мира машина попала в пробку. Неожиданно он руль передал жене, а сам вышел из авто и торопливо направился в сторону метро. Спустившись на платформу, Лэнжелли последним сел в вагон, но когда двери стали закрываться, он, придерживая ногой одну из створок, ужом проскользнул в образовавшуюся щель. Потом выйдя из метро «Проспект Мира», явно проверяясь, он, посмотрев на часы, направился в сторону автобусной остановки. Ровно в восемь часов с янки поравнялся неизвестный в форме подполковника Советской армии (СА). Пройдя некоторое время рядом, они в этот момент незаметно для окружающих, но не для «наружки» обменялись какими-то предметами и разошлись.

Перед контрразведчиками стояла задача не упустить офицера и установить его личность. Доехав до гостиницы «Останкино», он остался там ночевать. Теперь труда не составило выяснить его фамилию. Военным оказался подполковник интендантской службы СА Петр Семенович Попов, 1923 года рождения, прибывший из Калинина...

Теперь территориальная контрразведка стала активно работать с армейскими чекистами. Все собранные материалы концентрировались в ДОР (дело оперативной разработки. — Авт.) под названием «Бумеранг», а сам фигурант дела проходил под кличкой «Иуда» — другого названия трудно было придумать.

В ходе изучения и анализа работы радиоразведывательного центра США во Франкфурте-на-Майне было установлено, что с января 1959 года для агента, находящегося на территории СССР, по субботам

в 22.00 и воскресеньям в 6.30 стали посылаться шифровки.

Контрразведку КГБ СССР заинтересовала и переписка Попова с гражданкой Австрии Эмилией Коханек, как уже знает читатель, его любовницей по службе в Вене. Совместные агентурно-оперативные мероприятия (АОМ) военной контрразведки и территориальных органов сразу же принесли положительные результаты, дающие возможность серьезно заняться подполковником Поповым.

Попов к началу 1959 года был полностью обставлен оперативным наблюдением. Служба НН 7-го Управления КГБ установила, что после январской встречи Лэнжелли и Попова последний активизировал свою деятельность. Он несколько раз приезжал из Калинина в отдел кадров ГРУ. Встречался с офицерами центрального аппарата военной разведки. В Калинине теснее стал общаться со своим знакомым — офицером, служившем на особо важном подразделении ПВО страны.

Когда стало очевидным, что Попов расширяет и углубляет свои связи с носителями секретов, а подозрение о его сотрудничестве с иностранной разведкой уже не вызывало сомнения, руководством КГБ СССР было принято решение негласно задержать подозреваемого. Огласка не нужна была на том этапе его разработки. 18 февраля 1959 года Попова арестовали. Личный обыск показал, что перед контрразведчиками явный шпион. Из карманов его одежды достали записную книжку, в которой значился домашний телефон Лэнжелли, пароль для вызова на встречу с разведчиком ЦРУ, 6 листов специальной копировальной бумаги, блокнот с тайнописным текстом довольно пространныго очередного агентурного сообщения, подготовленного для передачи Лэнжелли:

«Отвечаю на Ваш номер один. Ваши указания принимаю к руководству в работе. На очередную

встречу вызову по телефону перед отъездом из Москвы. При невозможности встретиться перед отъездом напишу на Краббе. Копирка и таблетки у меня есть, инструкция по радио не нужна. Желательно иметь адрес в Москве, но весьма надежный. После моего отъезда постараюсь два-три раза в год выезжать на встречи в Москву.

Сердечно благодарю Вас за заботу о моей безопасности, для меня это жизненно важно. За деньги тоже большое спасибо. Сейчас я имею возможность встречаться с многочисленными знакомыми с целью получения нужной информации. Еще раз большое спасибо».

А на квартире в Калинине в ходе официального обыска обнаружались остальные улики шпионской экипировки: инструкция по способам связи с разведцентром в США, план радиопередач, шифровальные и дешифровальные блокноты, а также средства для проявления тайнописных текстов, хранившиеся в тайнике, оборудованном в охотничьем ноже, катушке для спиннинга и помазке для бритья.

На первых же допросах Попов признался в своем сотрудничестве с американской разведкой и заявил, что в 1953 году он был секретно задержан сотрудниками ЦРУ в Вене и ходе угроз и грубого шантажа со стороны янки сломался...

В процессе следствия удалось установить, что предатель выдал американцам четырех советских военных разведчиков, назвал известных ему агентов из числа иностранцев, сдал несколько явочных и конспиративных квартир, используемых ГРУ, раскрыл, в том числе по предъявленным фотографиям, более 80 офицеров военной разведки. Вместе с тем он сообщил сведения об организации и новых изменениях в структуре ГРУ, системе отбора и подготовки военных разведчиков, ТТД не некоторые новейшие образцы

вооружения, а также секретную информацию стратегического и политического характера.

* * *

Логика развития событий, связанная с негласным арестом шпиона Попова, подсказывала чекистам использовать предателя в качестве приманки в ходе оперативной игры. Наверное, контрразведчики вспомнили легендарные операции Смерша в годы войны с использованием разоблаченной немецкой агентуры в оперативных играх. Цель была одна — поймать с поличным сотрудника ЦРУ Лэнжелли, снабдить янки добротной дезинформацией и помочь руководителям ГРУ за время игры успеть вывезти раскрытых Поповым нелегалов в страны, где они были бы в безопасности. Кроме того, «служба Попова на Урале» позволяла сократить количество встреч с американским разведчиком.

Попов согласился участвовать в игре с ЦРУ, надеясь хоть как-то замолить свои грехи. Сразу же появился вопрос с легендой столь длительного молчания Попова. Решили, что его направили служить в Алапаевск командиром отдельной части, так как перепроверить объяснение своим агентом было трудно — Свердловская область в то время была закрытой для посещения иностранцев. Решение «поиграть» с янки потянуло за собой и ряд других вопросов — придать Попову соответствующий респектабельный вид, поэтому его перевели на улучшенный режим питания с увеличением прогулок.

В ходе оперативной игры были проведены четыре встречи Попова с Лэнжелли под контролем контрразведки. Первые две проходили в ресторане «Астория» — 18 марта и 23 июня 1959 года. Третья

встреча — в ресторане «Арагви». На этих встречах шпиону Попову передавались крупные суммы денег в знак благодарности за «честную и активную работу» во благо всемирной демократии на земле, носителем которой является только США, инструкции по дальнейшей работе, данные об изменениях в способах связи.

За время оперативной игры мероприятия по выводу из-за границы преданных Поповым нелегалов успешно завершились. Американцев прилично на шпиговали дезинформацией, и, кроме того, истек срок следствия по делу. В связи с этим оперативниками было принято решение о закруглении операции и задержании с поличным Лэнжелли.

15 октября Попов вызвал американца на встречу утром следующего дня в автобусе маршрута № 107. Это была четвертая и последняя встреча — Лэнжелли и Попов обменялись информацией в салоне общественного автотранспорта, что было мастерски зафиксировано оперативными кинодокументалистами. При выходе из автобуса шпион и разведчик были задержаны. Как образно писали газеты тех дней, «Бумеранг», сделав затяжной и опасный круг, в руки зарубежных хозяев не возвратился. Оператора Лэнжелли объявили «персоной нон грата», и он покинул пределы СССР на третий день после провала своей операции по связи со своим агентом.

По этому поводу в газете «Правда» 20 октября 1959 г. № 293 (15052) появилась коротенькая публикация под заглавием «В Министерстве иностранных дел Союза ССР». В ней

ГОВОРИЛОСЬ:

«16 октября с.г. Министерство иностранных дел СССР предложило выехать из Советского Союза атташе посольства США в Москве Р.А. Лэнжелли, поскольку его действия несовместимы со статусом аккредитованного

дипломатического работника. Лэнжелли использовал свое пребывание в СССР для проведения разведывательной работы.

16 октября с.г. Лэнжелли имел в Москве конспиративную встречу с находящимся в Советском Союзе американским агентом, которому он передал инструкцию по дальнейшей шпионской работе, средства тайнописи и крупную сумму денег. Во время этой встречи оба ее участника были задержаны советскими компетентными органами, а шпионские материалы были у них изъяты.

Министерство иностранных дел СССР обратило внимание посольства США в Москве на недопустимость подобных действий дипломатических сотрудников посольства».

А «Иуда» в январе 1960 года предстал перед Военной коллегией Верховного суда СССР. Вердикт от 7 января 1960 года гласил:

«Попова Петра Семеновича признать виновным в измене Родине и на основании ст. 1 Закона об уголовной ответственности подвергнуть расстрелу, с конфискацией имущества».

Потом на Западе стали гулять байки о том, что Попов был первым предателем из ГРУ, которого в назидание другим сотрудникам заживо сожгли в топке крематория. Эту глупость через некоторое время стал тиражировать предатель из другого поколения сотрудников ГРУ, изменивших Родине, капитан Резун. Будучи завербованным английской разведкой и боясь разоблачения, он бежал в Англию и стал массово печатать пасквилы под псевдонимом Виктор Суворов. Пройдет время, и многочисленные опусы Резуна превратятся в макулатуру, а Суворов для россиян будет только один — Александр Васильевич с его одной, но бессмертной книгой «Наука побеждать!»

Дело «Бумеранг» мы, молодые военные контрразведчики начала 70-х прошлого века, штудировали, как говорится от корки до корки, чтобы перенять опыт старшего поколения коллег, участвующих в ДОР на «Иуду». Иудино племя, к сожалению, не перевелось, что подтвердила вся дальнейшая история борьбы с иностранными разведками.

Перейдем ко второму предателю в системе трех «П» в ходе борьбы с оборотнями в погонах — Пеньковскому.

Янус в трех лицах

Распродажа друзей — не признак банкротства, а признак карьеры.

Леопольд Новак

Впервые автор услышал историю о предательстве полковника Олега Пеньковского — он же «Янг», «Алекс» и «Герой», в grossбухах МИ-6 Великобритании и ЦРУ США, на лекции по оперативной подготовке в Высшей школе КГБ. Но разве он мог предположить, что пройдет некоторое время, и автор окажется в том подразделении военной контрразведки, сотрудники которого принимали активное участие в разоблачении матерого шпиона двух разведок в недрах ГРУ.

В литературных (аналитических. — Авт.) делах в середине 70-х годов еще было много свежих материалов о деятельности предателя, так как непосредственное участие в его разоблачении принимал оперативник, ставший со временем начальником 1-го отдела 3-го Главного управления КГБ СССР генерал-майор И.А. Ермолаев и его коллеги, защищавшие военную разведку от посягательств спецорганов противника.

Военная карьера полковника Пеньковского даже на первый взгляд была довольно необычной. После окончания в 1939 году Киевского военного училища был направлен в войска политруком батареи. Участвовал в Польском походе и Зимней войне 1939–1940 годов. В 1940–1941 годах — помощник начальника политотдела по комсомольской работе Московского артиллерийского училища. Через год стал старшим инструктором по комсомольской работе Политуправления Московского

военного округа (МВО). 1942–1943 годы — офицер по особым поручениям Военного совета МВО; 1943–1944 годы — начальник учебного отряда, а позднее командир артбатальона 27-го артполка 1-го Украинского фронта (1-го УФ); в 1944–1945 годы — порученец командующего артиллерией 1-го УФ С.С. Варенцова, будущего главного маршала артиллерии. В 1945 году — командир артполка 1-го УФ.

Потом карьера стремительно росла: Военная академия им. М.В. Фрунзе; старший офицер мобуправления штаба МВО; офицер Главного штаба Сухопутных войск; Военно-дипломатическая академия СА; учеба на Высших курсах в ВА им. Ф.Э. Дзержинского; с 1953 года и до позорного завершения карьеры в 1962 году — служба в ГРУ. В 30 лет он стал полковником.

На служебную карьеру Пеньковского повлияли многие факторы: связи в верхах, женитьба по расчету и весь букет качеств приспособленца. Это было время, когда система продвигала только людей с теми установками и способностями, которые ей были нужны. Но вот парадокс, замечено, карьеру делают не самые умные и эффективные, а самые авантурные, амбициозные, неталантливые, а «свои». Ничего не изменилось с тех пор в этом мире.

С 1960 по 1962 год — работа «под прикрытием» в качестве заместителя начальника Управления внешних сношений Госкомитета Совета министров СССР по науке и технике (ГКНТ). На одном из приемов в Москве делегации бизнесменов Пеньковский познакомился с Гревиллом Винном, оказавшимся не только предпринимателем, но и агентом британской разведки МИ-6. И он решился действовать, понимая, что мысль о скорости, быстрее любой скорости. По существу, это знакомство стало точкой отсчета предательской деятельности советского полковника, завершившейся скоро его арестом...

В ноябре 1960 года он предложил свои услуги ЦРУ, в апреле 1961 года — английской разведке МИ-6. Так кто такой Пеньковский? Документы дела оперативной разработки (ДОР) свидетельствовали, что, будучи по натуре авантюристом, он вел двойную жизнь. Одна была фальшивая, показная, другая — реальная, подлинная. Из этих двух ипостасей он хотел иметь выгоду в виде высоких зарплат, подарков, служебных перспектив, считая, что деньги не главное, но главное — на них можно купить. Он лебезил перед начальством, умел показать мокрую спину при минимальных затратах собственных сил. Некоторые сослуживцы принимали его угодничество как человеческую доброту, а карьеризм — как служебное рвение. Нередко успехи сослуживцев он выдавал за свои.

Помнится, на одном из занятий по оперативной подготовке генерал-майор И.А. Ермолаев на вопрос автора о личных качествах «оборотня» ответил примерно так:

— Качество личности — это ее совокупный психологический портрет, к сожалению, у нас мало изучается и не измеряется роль человека в коллективе. Порой руководство оценивает работника, создавшего себе репутацию словами, а не делами. Не случайно в личных делах многих военнослужащих, в том числе офицеров разведки, лежали характеристики-близнецы с одной стандартной концовкой: «...предан социалистической Родине, Коммунистической партии... хранить секреты умеет» и прочее. Так было и с Пеньковским.

Даже у оперативника, обслуживавшего подразделение, в котором трудился будущий шпион, были на него разрозненные данные, но он не смог

свести их в единый психологический портрет. Объективно же этот портрет сложился только в ходе следствия. В нем есть такие мазки: человек умный, обладает организаторскими способностями, одновременно тщеславен и честолюбив, любил, когда его замечали и отмечали, постоянно искал высокопоставленных покровителей и через них всякий раз пробивал карьеру. Даже женитьбу на дочери известного генерала подчинил своему пути к успеху.

Крепкой семьи не создал и действовал, сообразуясь с собственной логикой авантюриста. Была у него еще одна характерная черта — постоянное подчеркивание своей близости к высокопоставленному начальству...

На вопрос, как и когда оперативники вышли на «крота», Ермолаев ответил, что первые подозрительные признаки косвенного характера появились у работника тогда, когда стали поступать данные о проявлении Пеньковским повышенного интереса к секретам, выходящим за пределы его должностных обязанностей. Таких сигналов, считавшихся тогда субъективными, было несколько. Но когда появилось сообщение, что при работе с секретными документами он закрывает на замок дверь кабинета, чекисты стали пристальнее присматриваться к полковнику...

И вот 30 декабря 1961 года сотрудники наружного наблюдения (НН) засекли подозрительную встречу жены английского дипломата Анны Чизхолм с неизвестным мужчиной в подъезде дома № 4 по Арбатскому переулку. При установлении личности им оказался советский гражданин, полковник ГРУ Олег Пеньковский. С этого времени и началась активная работа по сбору улик на предателя.

Было установлено, что он вне службы вел разгульный образ жизни, который требовал больших расходов. О его времяпрепровождении ходили легенды. Офицер любил расслабиться в ресторанах и кафе с

нужными ему людьми, то ли для «ошкуривания» объекта беседы — получения от захмелевшего болтуна секретных сведений, то ли из-за рыцарского ухарства в щебетании с дамой сердца. Однажды он так «назююкался», что, сидя за столиком в ресторане с очередной жрицей любви, в знак подчеркнутого уважения к даме снял с ее ноги туфельку, налил туда шампанского и, провозгласив тост за здоровье присутствующей, выпил из этого «бокала».

— Браво, браво! — закричала публика, редко видевшая такое проявление чувств кавалера к не первой свежести молодой особе...

* * *

У бравого полковника зарплаты на утехи не хватало. И он решил найти легкий, но грязный и опасный источник их получения — связать судьбу свою со шпионажем. Контакт с американцами не получился — они осторожничали. Надо заметить, что в то время начальник контрразведки ЦРУ США Д. Энглтон не очень доверял инициативникам. Тогда Пеньковский в апреле 1961 года, находясь на представительском ужине в ресторане гостиницы «Националь», рассказал англичанину Г. Винну о себе, работе в ГРУ и своем желании сотрудничать с разведкой Великобритании.

А уже 20 апреля того же года во время командировки в Лондон в гостинице «Маунтройял» он встретился с высокопоставленными чинами МИ-6 и ЦРУ, где и был завербован, получив псевдоним «Янг». Вербовку закрепили письменным обязательством — подпиской. Тут же в номере ему была поставлена задача по сбору политической, военной и экономической информации. Заморские хозяева передали своему агенту чувствительный транзисторный

приемник для прослушивания шифрованных радиопередач, блокнот с шифрами и кодами, средства для нанесения и проявления тайнописи, миниатюрный фотоаппарат «Минокс», фотопленки и другие предметы шпионской экипировки. Все это он, вернувшись в Москву, спрятал дома в оборудованном тайнике письменного стола. С этого рубежа «оборотень» начал активно работать в ГРУ против военной разведки и всей страны.

Во время вояжей по роду службы в европейские столицы Пеньковского «натаскивали» как собаку для охоты. На конспиративных квартирах (КК) его обучали (занятия шли по несколько часов), как советскому военному разведчику стать первоклассным шпионом. В то же время «доили» — устно выпытывали все то, что он хранил в памяти. А хранил он много, так как собирал товар для продажи. Выслуживаясь перед «хозяевами», Пеньковский заявлял: «Взорву в Москве все что угодно, выполню любое задание».

Для снятия стресса ему предлагали секс с проститутками, работавшими на английскую разведку. От такого отдыха он, естественно, не отказывался. Шпион понимал, что это своеобразная плата за страх, за нервное перенапряжение в ходе предательской работы. О низости и скотстве своих поступков не думал, корыстолюбивый мечтатель думал только о деньгах, больших деньгах. О фактах обширных связей Пеньковского с женщинами легкого поведения и прожигания жизни в питейных заведениях потом признаются на судебном процессе свидетели — его собутельники по пьяным оргиям — Рудовский и Финкельштейн.

За время заграничных поездок «крот» передал противнику 106 экспонированных фотопленок, в которых было более пяти тысяч кадров. В них

находились материалы секретного характера, полученные разными путями на шпионской стезе...

А теперь к вопросу его «засветки». Согласно плану по связи в Москве шпион должен был передать часть собранных им секретных материалов при личной встрече с женой английского дипломата Анной Чизхолм на Цветном бульваре, где она часто гуляла с детьми. Коробка конфет, в которой лежали четыре фотопленки, была передана в качестве «угощения» детям англичанки на лавочке одной из детских площадок, куда якобы «случайно» забрел Пеньковский. Естественно, он не знал, что уже находится «под колпаком» контрразведки.

«Затуманить» шпионские контакты и обеспечивать безопасность своего агента в советской столице должны были сотрудники посольства Великобритании А. Рауссел, Г. Кауэлл, его жена П. Кауэл, Р. Чизхолм и его жена А. Чизхолм, Д. Варлей, Ф. Стюарт и сотрудники посольства США А. Дэвисон, Х. Монтгомери, Р. Карлсон, Р. Джэкоб, В. Джонс.

В 1962 году в ходе агентурно-оперативных мероприятий (АОМ) был визуально получен еще один серьезный уликовый факт. Контрразведчики зафиксировали момент фотографирования Пеньковским на подоконнике окна каких-то документов, что дало еще одно основание подозревать хозяина квартиры в причастности к разведке противника. Уже тогда техника позволяла фиксировать не только манипуляции подозреваемого в шпионаже с листами машинописного текста, но и четко определить его работу с неизвестным фотоаппаратом. После получения такой информации на квартире подозреваемого был проведен негласный обыск, в результате которого оперативники обнаружили тайник со шпионской экипировкой.

22 октября 1962 года после получения санкции от генерального прокурора Пеньковский был арестован

при выходе из здания ГКНТ. В ходе теперь официального обыска на квартире подозреваемого в шпионаже был обнаружен тайник с арсеналом шпионского снаряжения: шифры, коды, средства тайнописи, два фотоаппарата «Минокс», микрофото пленки, машинописные листы секретных документов, письма прикрытия и т. д. Тогда же была изъята и инструкция с рекомендациями в работе по радиосвязи, в которой говорилось:

«Мы считаем, что этот способ имеет большие преимущества с точки зрения безопасности... Вам очень важно натренироваться, чтобы Вы могли узнать и записать цифры при передаче... для этого нужно просто регулярно практиковаться».

А вот то, что касалось тайников:

«Они будут оставаться основным способом для посылки сообщений и материалов Вами. Для оперативности этого способа нам необходимы описания тайников, обещанные Вами. Вам придется в будущем находить и другие. При выборе тайников имейте в виду, что они должны находиться в местах, нормально доступных иностранцам. Мы считаем, что будет лучше, если мы будем заранее согласовывать день и час, в который Вы будете заряжать условленный тайник, чтобы мы могли его сразу же опустошить, не дожидаясь сигнала...»

Дальше в шести пунктах шло подробное разжевывание технологии работы с тайниками. «Оборотень» на следствии и суде признался, что фотографировал технические отчеты по ракетно-артиллерийской тематике и другие секретные материалы, выуживал данные военного характера у своих знакомых военнослужащих, сообщал ТТД о советском вооружении, которые получил во время службы в армии. Он признался, что на сотрудничество и иностранными разведками он пошел из корыстных

побуждений — не хватало денег на развлечения с собутыльниками и женщинами легкого поведения.

И еще одна деталь о его аморальности и дичайшей безнравственности в ходе борьбы за свою паскудную жизнь. Вчитавшись в его обращение к руководству КГБ при СМ СССР на третий день после ареста, делается зябко сердцу, нет, оно леденеет, особенно вспоминая слова, кажется, Гумбольдта о том, что нравственность народов и человека зависит от уважения к женщине:

«Прошу Вас оказать мне доверие и помочь реабилитироваться и вернуться в наше Общество и в свою семью ценой огромнейшей пользы, которую я сейчас еще имею возможность принести. Я смогу вырвать у врага гораздо больше сведений и материалов, нежели передал.

Это реально с точки зрения сложившихся в настоящее время условий, что является моей жизненной целью. Не превращайте меня в труп — это будет подарком врагу. Забросьте туда, где меня ждут. Большого вреда я уже не принесу, и Вы ничем не рискуете.

Беру на себя следующие условия: если изменю своему обещанию и буду присылать некачественные материалы или «дезу» — уничтожьте семью, да и со мной Вы можете всегда расправиться. Но этого не будет. В горячем стремлении принести сейчас реальную пользу Родине — моя сила.

Помогите искупить преступление.

О. Пеньковский 25. X. 1962 г.»

Он был предателем — и страхи его были страхами предателя. Подонок отдавал на заклятие даже семью — трех женщин, жену и двух дочерей, младшей было всего 8 месяцев, ради сохранения своей подлой жизни.

* * *

Как уже упоминалось, Пеньковский вышел на англичан через Г. Винна. Кто же этот господин? Родился он в Англии

в 1919 году в семье инженера, работавшего в шахтах Среднего Уэльса. После окончания школы продолжил учебу, получил высшее образование. В начале войны был призван в армию по мобилизации и служил в военной разведке. По завершении военного лихолетья занялся бизнесом. Вначале коммерческая деятельность не заладилась — не хватало средств и опыта. В это время, по всей вероятности, ему подставила плечо английская разведка. Не без помощи МИ-6 он основал две компании — «Грэвилл Винн лимитед» и «Мобайл Экземишенз лимитед». Собака лает там, где она привязана, а его разведка привязала к себе...

Будучи представителем этих и ряда других фирм, Винн мотался по странам Европы. Бывал и на территории СССР. Английская разведка стала активно работать с ним начиная с 1955 года, понимая, что его деятельность — это прекрасная «крыша» для операций по связи. Его подучили шпионскому ремеслу на спецкурсах. Таким образом, он стал профессиональным разведчиком, использующим легальные возможности для проведения подрывных акций на территории Советской России как главного противника в ходе холодной войны.

После ареста Пеньковского Винн вскоре был задержан -2 ноября 1962 года в Будапеште спецслужбами ВНР и на основании договора с СССР был передан его представителям. Вполне понятно, каким представителям... На суде было установлено, что Винн, выполняя задание МИ-6, намеревался направить в Москву несколько фургонов, согласовав это мероприятие с ГКНТ, для демонстрации фильмов,

показа диапозитивов и чтения лекций на техническую тематику.

В одном из фургонов был устроен тайник, в котором Пеньковского планировали вывезти на Запад в случае непредвиденной ситуации. Советский «крот» беспокоился за свою шкуру, неоднократно ставя вопросы гарантий своей безопасности. Американцы и англичане обещали разные варианты оставления СССР, вплоть до побега на подводной лодке, рыболовецкой шхуне или самолете. Специалисты английской разведки в Лондоне изготовили для своего агента фальшивый паспорт на имя Бутова Владимира Григорьевича с тем расчетом, что в случае опасности он должен был перейти на нелегальное положение и находиться определенное время в условленном месте. Эта забота так растрогала предателя, что он отправил в Центр шифровку такого содержания:

«Мои друзья!

Получил ваше письмо с паспортом и описанием к нему... Крепко жму ваши руки, большое спасибо за заботу обо мне, я всегда чувствую вас рядом с собой. Ваш друг.

5 сентября 1962 года».

Пеньковскому иностранцы обещали звание полковника английской и американской армий, ответственную должность в разведке этих стран и оклады в несколько тысяч долларов. По тем временам это была внушительная сумма. Кстати, находясь в одной из командировок в Лондоне, он на конспиративной квартире даже примерял полковничью форму армии США. Спецслужбы его лицемерно хвалили, но вывозить за границу не спешили — им казалось, он еще мало поработал на них.

Автор не раз обращался как к оперативным, так и следственным материалам по делу Пеньковского не только для расширения своего контрразведывательного

кругозора, но и для проведения занятий с личным составом подразделения. Это был уникальный опыт разоблачения матерого шпиона, и это опыт ветеранов нельзя было потерять. Он в полную меру использовался нами в разоблачении более крупного «оборотня» — генерал-майора Полякова, а чем будет рассказано ниже.

О том, как работали контрразведчики на последней фазе ДОР, видно из содержания протокола следственного эксперимента для подтверждения правильности показаний шпиона о способе использования тайника № 1.

«В ночь на 2 ноября 1962 года на столбе № 35 по Кутузовскому проспекту в Москве была сделана ранее описанная Пеньковским метка. В это же время в подъезде дома № 5/6 по Пушкинской улице был заложен тайник в виде спичечной коробки, обмотанной медной проволокой, при помощи которой она крепилась к костылю, поддерживающему отопительную батарею. В коробку было вложено донесение, изъятое у Пеньковского при аресте. Подъезд был оборудован специальной аппаратурой, позволяющей видеть и фотографировать действия человека, изымающего содержание тайника.

В 8 часов 50 минут были набраны номера телефонов, названные Пеньковским, а в 9 часов 20 минут у столба с меткой появился помощник военно-воздушного атташе посольства США в Москве А. Девисон. Он дважды прошел мимо столба, внимательно осматривая его. В 15 часов 15 минут в подъезд дома № 5/6 по Пушкинской улице зашел человек, который в момент изъятия содержимого тайника был задержан сотрудниками органов госбезопасности. При проверке документов этот человек оказался сотрудником американского посольства в Москве Р. Джэкобом».

Эксперимент лишний раз подтвердил, что Пеньковский — реальный, действующий агент иностранной разведки, с которым противник сотрудничает четко и профессионально.

А теперь об ущербе, нанесенном стране шпионом. Он был огромен по своим политическим, военным и экономическим параметрам. Это было время становления наших Ракетных войск стратегического назначения (РВСН). Разворачивались на боевые дежурства межконтинентальные баллистические ракеты (МБР). Режим секретности в то время по этому роду войск был жестким, потому что это были особо охраняемые секреты нашего нового оружия. Пеньковский через свои связи в центральном аппарате МО СССР по крупицам собрал и выдал данные о некоторых местах расположения этого грозного оружия с координатной привязкой к конкретной местности, а также отдельные планы по строительству новых шахтных колодцев для МБР.

Военному ведомству пришлось срочно менять не только планы оснащения РВСН ракетной техникой, но и «уходить» с отдельных, уже готовых боевых позиций. Стоили эти мероприятия государству очень и очень дорого.

Огромный вред нанес «Янг» ПВО страны, выдав святая святых — отдельные элементы системы опознавания, называемой «свой — чужой». Пришлось казне СССР тратить колоссальные средства на восстановление режимных мер.

Кроме того, Пеньковский «проинформировал свое новое руководство» о структуре центрального аппарата ГРУ по состоянию на 1960–1961 годы, руководителях военной разведки и отдельных офицерах, работающих в резидентурах за рубежом, местах дислокации некоторых НИИ ГРУ, доктринальных сведениях о стратегическом и тактическом использовании

нелегальной разведки. Этим самым он не только сковал и дезорганизовал деятельность наших разведывательных аппаратов за границей, но и практически бросил отдельных вчерашних коллег под жернова контрразведки противника.

Вместе с тем он передал секретные сведения о военной политике страны, о направлениях в развитии новейших видов оружия, в частности, лазерного... Ущерб стране, нанесенный шпионом, был огромен. Нетрудно представить, что негативные последствия были во много крат больше и опаснее для боеготовности Советской армии, если бы чекисты не выдернули этого «крота» из своей норки, прорытой не без помощи спецслужб янки и томми. Неслучайно реакция руководства СССР была молниеносной и жесткой. Были сняты с должностей и разжалованы до званий генерал-майоров: начальник ГРУ генерал армии И. Серов, главный маршал артиллерии С. Варенцов. Seriously наказали и ряд других генералов и офицеров.

11 мая 1963 года Военная коллегия Верховного суда СССР огласила приговор изменнику Родины О. Пеньковскому и Г. Винну. Суд приговорил Пеньковского к расстрелу, а Винна — к 8 годам лишения свободы. Суд также вынес частное определение о незаконной деятельности ряда сотрудников посольств США и Великобритании в Москве.

А 17 мая того же года центральные газеты опубликовали сообщение:

«Президиум Верховного Совета СССР отклонил ходатайство о помиловании Пеньковского О.В., приговоренного Военной коллегией Верховного суда СССР за измену Родине к смертной казни — расстрелу.

Приговор приведен в исполнение».

Так закончилась операция советских контрразведчиков по Янусу в трех лицах — «Янгу», «Алексу» и «Герою», так называемого противником в

своих документах, нацеленного спецслужбами противника на длительную работу. Нужно признать, большую помощь в работе контрразведчиков по разоблачению матерого шпиона оказывали руководство ГРУ и отдельные офицеры военной разведки.

Это был ощутимый удар по ЦРУ и МИ-6. За провал Пеньковского слетели со своих должностей непосредственные руководители агента в американской и английской разведках. А чтобы хоть как-то реабилитироваться перед своим руководством, разжечь антисоветские настроения и опорочить Советский Союз, ЦРУ сострепало фальшивку под названием «Записки Пеньковского», изданную в ноябре 1965 года, наверное, в трехлетний юбилей провала своего ценного агента. Это был от начала до конца фальшак. По этому поводу бывший сотрудник ЦРУ Пол Плэкстон в одной из статей журнала «Уикни ревью» писал: «Утверждение издателей «Записок...» о том, что Пеньковский передал рукопись на Запад еще осенью 1962 года, звучит нелепо, так он, зная, что за ним внимательно следят, не стал бы подвергать себя опасности разоблачения».

А еще один осиновый кол забил издателям «Записок...» известный «специалист по русскому вопросу» Зорза из английской газеты «Гардиан». Он тоже воспринял эту книгу как фальшивку и обратился в ЦРУ за ее русским текстом. Однако, как пишет Зорза, «штаб американской разведки не смог предъявить оригинала».

Вот и вся правда о Пеньковском и его несуществующих «Записках»...

* * *

Прошло время, почти полстолетия, и вдруг стали появляться отечественные фейки относительно предателя Пеньковского и его якобы положительной роли в укреплении взаимоотношений между СССР и США. Офицер ГРУ Генштаба, сбежавший в Англию, капитан Владимир Резун, он же ставший писателем и кормящийся своими литературными заработками, много пишет. Говорят, суммарный тираж книг предателя в России уже превысил тиражи Брежнева. «Суворов» поражает своей способностью ставить исторические события с ног на голову. Тут и блеф о сожжении живьем Пеньковского в мини-крематории на территории ГРУ, и роль последнего в предотвращении третьей мировой войны, и байки о внедрении начальником ГРУ И. Серовым «оборотня» в ГКНТ для дезинформации противника, и о том, что он действовал не самостоятельно, а по указкам свыше, и прочая бредятинна.

Совсем не обидно читать, когда в этой тематической меже барахтаются провалившиеся в нее журналюгидилетанты. Их можно простить, это их не вина, а беда. Но, когда встречаются подобные обоснования со стороны российских спецслужбистов, делается неловко.

В 2010 году вышла книга бывшего советского разведчика Анатолия Борисовича Максимова «Главная тайна ГРУ. «Дело Пеньковского» — герой, а не предатель!». Внимательно прочел ее: анализ скрупулезный есть, логики не увидел. Сомнения в правдоподобности содержания книги сразу же выстрелили пулей. В ствол книги был заложен старый патрон с подмоченным пороховым зарядом знакомого американского калибра — «Записки Пеньковского». Убеждать автора нет смысла — Пеньковский слишком много сдал такого, за что заплачено большими

деньгами и кровью, чтобы руководство страны пошло на это шарлатанство.

Шпион получил по «заслугам» того, что и кого он предал. И в этом весь сказ, который нашел подтверждение через несколько близкостоящих источников к исполнению приговора предателю. Судьбу он написал сам — ее ему Кремль и МО СССР не создавали.

Опаснейший «крот»

*Совесть обычно мучает тех, кто не
ВИНОВАТ.*

Эрих М. Ремарк

«Мы окружены горами... окружены врагом сильным, восгордившимся победою... Со времени дела при Петре, при Государе Императоре Петре Великом, русские войска никогда не были в таком гибелью грозящем положении... Нет, это уже не измена, а явное предательство... разумное, рассчитанное предательство нас, сколько крови своей проливших за спасение Австрии. Помощи теперь ждать не от кого, одна надежда на Бога, другая — на величайшую храбрость и высочайшее самоотвержение войск, вами предводимых... Нам предстоят труды величайшие, небывалые в мире! Мы на краю пропасти! Но мы — русские! С нами Бог!» — писал Александр Васильевич Суворов.

В мае 1991 года в Англии вышла книга «Беспощадный воитель», написанная корреспондентом Британской радиовещательной корпорации Томом Мэнгоулдом. В ней раскрывалась деятельность агента спецслужб США под псевдонимом «Топ Хэт», являвшимся сотрудником ГРУ Генштаба советским генерал-майором Дмитрием Федоровичем Поляковым. Но к тому времени агент уже был обезврежен. Он являлся самым высокопоставленным «кротом», которого когда-либо имели американцы внутри ГРУ Генштаба ВС СССР.

Упомянутая книга посвящена главному охотнику за шпионами, начальнику контрразведки ЦРУ Джеймсу

Энглтону, по вине которого, как считает автор, произошел провал этого ценного агента для ЦРУ в системе советской военной разведки. Американцы его величали «агентом века», мы называли «предателем столетия». Он проработал в качестве «крота» в ГРУ Генштаба ВС СССР более двух десятков лет.

Но вернемся к Энглтону, который был страстным поборником холодной войны и ярким противником работы с инициативниками советского блока, предлагавшими добровольно свои услуги ФБР или ЦРУ. Он считал их подосланными агентами КГБ или ГРУ и утверждал, что Запад стоит перед неминуемым массовым наступлением органов госбезопасности СССР.

Необходимо отметить, что недоверие к перебежчикам у Энглтона возникло в самые критические и взрывоопасные годы противостояния двух великих держав после Второй мировой войны. Запад с большим трудом сдерживал разведывательную активность советских спецслужб.

Инцидент с самолетом У-2, Берлинский кризис 1961 года, Карибский — годом позже, отставание США от СССР в ракетостроении и освоении космоса, активизация деятельности коммунистических и рабочих партий, усиление мощи Группы советских войск в Германии и других групп войск за границей создали благоприятный фон для подобных утверждений, тем более среди лиц, специализирующихся по Советскому Союзу. Это было время, когда две сверхдержавы вцепились друг в друга и поставили будущее всей Земли на карту. Жупел всесильного КГБ витал над США и Западной Европой. Однако наши трезвые политики и представители спецслужб понимали, что такое славословие советским органам безопасности нужно в первую очередь противной стороне для искусственной подпитки антисоветизма и выколачивания все новых и

новых ассигнований на борьбу с вражескими акциями — реальными и мнимыми.

Родившееся не без помощи Энглтона всеобщее недоверие к перебежчикам нанесло определенный и, надо сказать, немалый вред ЦРУ и ФБР. В 1976 году он был уволен из разведки США, озлобился, стал злоупотреблять спиртным, а вскоре превратился в законченного алкоголика. Ни годы, ни опыт не ослабили его убеждений в неизбежной «победе коварного и хитрого КГБ».

* * *

В книге Мэнгоулда речь идет об агенте американских спецслужб, тайно сотрудничавшем с ними более двадцати лет. По учетам ФБР он проходил под псевдонимом «Топ Хэт», а, работая в дальнейшем на ЦРУ, агент перевоплотился по милости американских разведчиков в «Бурбона».

Еще ранее — 27 февраля 1978 года — в журнале «Нью-Йорк мэгэзин» появилась статья Эдварда Эпштейна под названием «Легенда», в которой автор делает тонкий намек на «Бурбона» — советского разведчика-«оборотня».

Основываясь на некоторых собственных данных и учитывая эти публикации за рубежом о существовании агента (лишнее доказательство, как на деле янки заботятся о безопасности своих помощников, тем более такого уровня), советская военная контрразведка приступила к более активным розыскным мероприятиям «крота».

Для того чтобы вычислить «оборотня», чекистам понадобился скрупулезный анализ материалов на каналах вероятной утечки секретных данных. Круг лиц, имевших отношение к «убежавшей» информации,

постепенно сужался, и настало 7 июля 1986 года, когда генерал-майор Поляков был задержан по подозрению в принадлежности к агентуре спецслужб, как тогда называли «главного противника». Думается, таким же противником США остались и для теперешней России.

Следует заметить, что весь комплекс агентурно-оперативных мероприятий проходил в русле активного взаимодействия различных подразделений КГБ СССР, в особенности территориальных органов, оперативно-технических подразделений, наружной разведки и ряда самостоятельных служб.

Несмотря на отсутствие прямых данных о подозрительных моментах в действиях Полякова во время нахождения в длительных заграничных командировках, из информации, переданной внешней контрразведкой КГБ, можно было сделать определенные выводы. Суть их заключалась в том, что объект искусно маскировал «официальные» контакты с американскими разведчиками, работавшими под «крышами» военных атташе.

Впервые Поляков попал в поле зрения американцев, когда в качестве сотрудника ГРУ Генштаба в 1951–1956 годах работал в Военно-штабном комитете ООН в Нью-Йорке. Затем на молодого и энергичного майора в конце пятидесятых годов в Берлине обратили внимание бывшие сотрудники ЦРУ Дик Кович и Джорж Кайзволтер. Советский офицер в Германии выполнял специальные задания Центра. Американцы начали изучать его в качестве кандидата на вербовку. В октябре 1959 года Поляков уже в звании полковника был вновь назначен в Нью-Йорк для проведения разведывательной работы под прикрытием секретаря советской делегации в ООН...

* * *

Узнав о появлении кандидата на вербовку, ФБР стало готовить оперативные условия под необходимую вербовочную ситуацию. Однако к осени 1961 года Поляков сам стал изыскивать возможности, чтобы предложить свои услуги ФБР. Вскоре он установил личный контакт с представителем американской контрразведки. Он принял его предложение о негласном сотрудничестве без всяких колебаний.

Бил Брэгиган, длительное время возглавлявший секцию ФБР по контрразведывательной деятельности против СССР, вспоминает, что Поляков был недоволен низкой зарплатой советских служащих в ООН и пошел на сотрудничество с американской спецслужбой скорее из корыстных соображений, нежели идеологических.

Том Мэнгоулд в книге «Беспощадный воитель» приводит слова Брэгигана о том, что Поляков был настырный в получении дорогих подарков и сувениров за свою предательскую деятельность. Автор отмечает такой эпизод:

«...он хотел получить от ФБР два дорогих охотничьих ружья, чтобы увезти в Москву. Мы сказали ему, что этого делать нельзя, потому что это может вызвать подозрение и он не сможет объяснить их появление у него. Но он настоял на своем, и в конце концов мы передали ему ружья».

В первый же год работы на американцев Поляков выдал ФБР четырех советских агентов, действовавших в вооруженных силах США в начале 60-х годов XX века. Одним из них был подполковник Уильям Х. Волен (Уолен) — советник по вопросам разведки в комитете начальников штабов министерства обороны США.

Этот агент работал довольно-таки активно и передал представителям советской военной разведки большое количество важных секретных документов по ядерному оружию Соединенных Штатов. Кроме того, от него шла постоянная информация по перемещению

войск, военно-стратегическим планам и оценкам, возможностям спутниковых систем, а также системам управления войсками и связи между подразделениями и частями американской армии и НАТО.

Его материалы докладывали высшему военному и политическому руководству Советского Союза. Уильям Волен являлся самым высокопоставленным офицером американской армии, который когда-либо был осужден за сотрудничество с советской разведывательной службой.

16 ноября 1961 года Поляков, находясь под прикрытием начальника секретариата Представительства СССР в Военно-штабном комитете (ВШК) ООН, обратился к руководству американской военной миссии при ВШК в лице генерала О' Нейли с просьбой организовать ему встречу с кем-либо из высокопоставленных сотрудников американской разведки для передачи более важных сведений.

Дней через двадцать на имя нашего военного атташе и Полякова пришли приглашения на прием, который устраивался на квартире американского генерала. По окончании мероприятия на улице Поляков был остановлен одним из присутствовавших на приеме. Назвав себя Джоном, он предложил советскому гражданину встретиться через полтора часа в городе на пересечении 6-й авеню и 60-й стрит.

Общение состоялась. Беседовали минут тридцать. Джон в разговоре заявил инициативнику, что считает его подставой органов госбезопасности и предложил для убедительности тут же пофамильно назвать шифровальщиков военной разведки, работающих под «крышей» Представительства СССР. Поляков, не колеблясь, выполнил это требование. 23 и 24 ноября состоялись еще две конспиративные встречи с Джоном, а через десять дней — еще одна. Она запомнилась Полякову надолго, так как проходила в гостинице под

интригующим названием «Троцкий» в номере на девятом этаже — конспиративной квартире ФБР.

На ней всестороннее обсуждались мотивы сотрудничества Полякова, его гарантии и надежность. В конце беседы произошло практическое закрепление вербовки. Написана подписка о сотрудничестве и по просьбе, скорее напоминавшей требование американца, Поляков назвал имена известных ему сотрудников советской военной разведки, работающих в Нью-Йорке.

* * *

Новые встречи завербованного агента проходили на конспиративной квартире в обеденные перерывы.

После того как Поляков в 1962 году был отозван в Москву, вездесущее ЦРУ, которому стало известно о работе советского офицера на американскую контрразведку, стало с нетерпением ждать его нового появления за границей, с тем чтобы возобновить прерванное на некоторое время сотрудничество. Предполагая, что агента вновь не направят в США, ФБР было предложено передать его на связь представителям ЦРУ. С этого периода «Топ Хэт» как бы перестал существовать. Он исчез из фэбээровской учетной документации. Поляков становится агентом ЦРУ, обретая новую кличку, как уже упоминалось, — «Бурбон». Не без помощи новых хозяев, как будет рассказано дальше, он дослужился до высокого звания генерал-майора...

Провал четырех ценных агентов ГРУ в середине 1960-х буквально потряс руководство советской военной разведки. Первым в лапы американской контрразведки по наводке

Полякова попал особо ценный агент ГРУ Д. Данлап, проходивший службу в должности штаб-сержанта

Агентства национальной безопасности. Почувствовав за собой слежку, Данлап понял, что его предали, и он принял решение покончить жизнь самоубийством, дабы не попасть в руки фэбээровцев.

Второй жертвой Полякова был тоже активный агент ГРУ — сотрудник министерства авиации Великобритании Ф. Боссард. За ним последовала сдача Нельсона Драммонда, служившего писарем (секретарем) в секретной части штаба ВМС США, а затем сержанта ВВС Герберта Бокенхаупта, работавшего с режимными материалами и секретной боевой техникой.

Чернокожий писарь военно-морского флота США Драммонд по кличке «Бульдог» был завербован сотрудником советской военной разведки в 1957 году в Лондоне. Он в течение пяти лет снабжал Генштаб ВС СССР крайне важной информацией, чем нанес такой материальный ущерб, что США потребовалось затратить несколько сотен миллионов долларов, чтобы восстановить то необходимое состояние боеготовности частей и подразделений ВМС, которое было до этого.

Специалист по связи, сержант военно-воздушных сил США Герберт Бокенхаупт инициативно установил связь с советскими представителями в Рабате в 1965 году и в течение года снабжал военную разведку СССР информацией о шифрах, кодах, криптографических системах Стратегического воздушного командования США.

В 1966 году он был арестован по наводке Полякова и осужден по вердикту суда на тридцать лет тюрьмы.

* * *

Военные контрразведчики тех лет активно включились в поиск «крота». Работали энергично и

всеохватно. Однако, к великому сожалению, по непонятным причинам Поляков в список подозреваемых почему-то не попал, продолжая жить и работать под личиной двуликого Януса.

Инструктируя Полякова перед отъездом из США, американцы советовали сразу же после прибытия на новое место службы вручить дорогостоящие подарки руководителям. Церэушники специально закупили агенту «сувениры его роста». Они же настоятельно рекомендовали ему принять все меры, чтобы попасть на выборную партийно-политическую должность, стать активным пропагандистом марксистско-ленинской идеологии, осесть в подразделении стратегической агентурной разведки с целью повышения гарантий будущих выездов за границу и получения «живой» информации.

Итак, американский агент заработал в ГРУ Генерального штаба. Его готовили за океаном для «большой и перспективной работы», именно в «десятке мишенной системы». Заиметь такого «оборотня» в стане противника для любой разведки — огромный успех. Тем более в годы, когда авторитет нашей страны еще сверкал в лучах недавней Победы, когда высокий патриотизм кадров существенно ограничивал возможности вербовочной базы ЦРУ среди офицерского корпуса. Органы военной контрразведки, хотя и были подточены очередным шельмованием хрущевского образца, работали, используя еще незабытый опыт противодействия гитлеровским спецслужбам — абверу, гестапо, СД и другим.

Подарки, шпионская экипировка, деньги — все было приготовлено для организации и проведения враждебной деятельности. Личные встречи и тайниковые операции, быстродействующая двусторонняя радиосвязь с применением приемно-передающего устройства и сигнализатора, прием

шифрованных донесений, «письма-прикрытия» и тайнопись — вот неполный перечень средств и методов из арсенала действий изощренного шпиона на протяжении многолетней работы на американцев.

* * *

О мотивах сотрудничества после разоблачения на судебном разбирательстве «оборотень»-генерал скажет:

«Моя вера в справедливость и демократизм социалистического общества пошатнулась. Я понимаю, что это стало возможным в результате определенного влияния буржуазной пропаганды... Мне противны были хрущевские бредни, его выходки, его бескультурье... Я решил принять личное участие в противодействии предпринимаемым советским руководством акциям на международной арене и, как следствие, решил обратиться к американцам с предложением своих услуг...

Я при этом отчетливо понимал, что мое сотрудничество с американцами нанесет... ущерб государственной безопасности и обороноспособности страны в целом...»

Однако анализ материалов следствия, показаний свидетелей и самого обвиняемого доказывал, что материальная сторона, корыстные соображения стояли у предателя на первом месте. Он буквально клянчил у хозяев дорогие сувениры: ювелирные изделия, охотничьи ружья, рыболовные снасти, фотоаппаратуру, радиотехнику, инструменты для домашнего хозяйства. В то же время строго из принципа самосохранения придерживался правила, чтобы общая сумма, получаемая от спецслужб противника, не превышала половины его месячного оклада.

После возвращения из США Поляков в сентябре 1962 года в парке им. Горького заложил первый тайник — непроявленную пленку в кассете, предварительно облепив ее пластилином и обваляв в кирпичной крошке. Это был тайник под кодовым названием «Гор».

При входе на территорию парка агент стал проверяться, внимательно всматриваясь в действия и поведение отдыхающих. Затем подошел к обозначенной в плане связи скамейке, сел на нее, развернул газету и в удобный момент положил контейнер со шпионской информацией за задней левой ножкой. Почитав немного газету, он поднялся и медленно двинулся к выходу. На одном из столбов ограждения парка поставил сигнал закладки тайника в виде полосы чернильных брызг фиолетового цвета из авторучки.

Однако на следующий день шпион не нашел в условленном месте сигнала от американцев об изъятии тайника и не на шутку перепугался. Животный страх за безопасность своей шкуры подогревало известие о разоблачении агента ЦРУ — бывшего полковника ГРУ Олега Пеньковского.

Но вскоре он успокоился — в газете «Нью-Йорк тайме» от 20 сентября 1962 года появилось зашифрованное сообщение в разделе объявлений, которое свидетельствовало о получении американцами информации из тайника под названием «Гор».

В августе 1963 года «Бурбон» провел вторую тайниковую операцию, заложив магнитный контейнер с секретной информацией за телефонной будкой по улице Листьева, дом № 12. До своего очередного отъезда в командировку в 1965 году в Бирму он передаст заокеанским хозяевам еще две шпионских закладки через тайники — «Молоко» и «Баня». Об изъятии американцами двух последних тайниковых вложений Поляков был поставлен в известность радиосигнализатором, оборудованном в настольных

электронных часах. Приемник работал так: тайник изъят — загорается чуть видимый святящийся зеленоватым цветом диод-индикатор. Такой сигнал был безопасен и действовал успокаивающе на шпиона. Кроме того, в этот период под обещание больших денег он обрабатывает еще два тайника — «Рыба» и «Береза».

* * *

Желание попасть в заграничную командировку ни на минуту не покидало Полякова, считавшего, что наиболее «плодотворные» и безопасные действия могут быть за пределами страны. Мечта сбылась 3 ноября 1965 года. В этот день он вылетает в Бирму в качестве военного атташе при посольстве СССР.

Вскоре от резидента ЦРУ в Рангуне полетела в ЦРУ шифротелеграмма начальнику отдела по Советскому Союзу Дэвиду Мерфи о том, что прибывший полковник Поляков проявляет необычно дружественное расположение к американским сотрудникам, занимающимся разведывательной работой. Взглянув на присланную фотографию советского офицера, Мерфи подпрыгнул в кресле и от обилия эмоций чуть было не вскрикнул: «Эврика!» Он понял, что наконец-то нашелся агент после почти годичного молчания.

Следует заметить, что Мэрфи являлся одним из тех сотрудников отдела, кому были известны установочные данные на Полякова, когда тот работал еще на ФБР в Нью-Йорке. Для организации предметной работы с агентом в Рангун вылетели два опытных сотрудника ЦРУ — Джим Флинт и Пол Диллон. Первый из них, понимая, что работа с «Бурбоном» может принести ему служебные дивиденды, добивается назначения на должность второго секретаря посольства США в Бирме.

По договоренности с американцами Поляков отправляет в ГРУ шифровку. В ней он сообщает о Флинте как о «вероятном кандидате на вербовку» и испрашивает разрешения на его «изучение». Таким образом открывалась возможность почти легальных контактов «Бурбона» со своим хозяином.

ГРУ не замедлило с ответом — дало добро на проведение операции по изучению кандидата на вербовку. В шифровке давался «зеленый свет» для общения, хотя и с небольшими оговорками о бдительности. Поляков после этого стал частенько бывать у «друга Джима», приурочивая время «деловых контактов» к началу вечерних киносеансов, которые демонстрировались в американском представительстве. В таком режиме американский разведчик провел тридцать (!!!) встреч со своим высокопоставленным агентом, по одной-две встречи в месяц.

* * *

В 1968 году Флинта руководство ЦРУ неожиданно отзывает в США — не рассеялось недоверие, и янки, с одной стороны, боялись перевербовки, а с другой, все тяжелее и сложнее было готовить дезинформацию для «Бурбона», которой он систематически кормил руководство ГРУ.

Вскоре предателя принял на связь прибывший из Штатов новый сотрудник ЦРУ Алвин Капуста, прошедший с ним шесть конспиративных встреч. Как правило, выезжая на машине, он подбирал агента в центре Рангуна...

После отъезда Полякова из Бирмы Капуста тоже вскоре покинул страну. А «Бурбон», прибыв в Москву, решил «отдохнуть» — много потрудился на ниве предательства. Нервы стали сдавать. Надо отметить,

что в последующем, вплоть до ареста, особой активности в работе с американцами на территории Советского Союза он не проявлял, так как боялся быть «засвеченным» военной контрразведкой. Перед его глазами все время стояла история с Пеньковским. Его неожиданный провал, а затем и позорище для офицера — суд, фрагменты которого демонстрировались по телевидению, а статьи тиражировались газетами и журналами.

И все же «дрыхнуть» долго американцы «оборотно» не дали. В июне 1972 года Полякова пригласил в кабинет начальник одного из управлений стратегической разведки ГРУ и вручил ему приглашение на прием в американское посольство в связи с приездом в Москву высокопоставленного военного чиновника полковника Меррита.

Поляков из-за соображений личной безопасности попытался отказаться от визита, однако начальство настояло на своем. Полякову пришлось пойти на эту встречу. Довод стандартный, «всепогодный» — интересы службы превыше всего! К тому же Поляков уже знал, что он может скоро уехать военным атташе в Индию. Эту информацию он сообщил Мерриту и во время приема заранее пригласил его на охоту в окрестности Дели.

— Непременно приеду. Слышал, слышал о вас как об опытном рыболове и охотнике. С таким профессионалом не страшно и на тигра идти, — слукавил американец.

— Вы останетесь довольны, уверяю вас. А приехать в такую живописную страну, как Индия, сам бог велел.

— Бог, может, и отпустит, да работа не всегда сговорчива — может, и попридержать.

— Это верно, у нас то же самое. Военные привязаны к рабочему месту крепчайшим канатом под названием служба...

Прием закончился. Гости стали расходиться. Вдруг неожиданно, как черт из табакерки, к Полякову подскочил сотрудник посольства — представитель ЦРУ и через словесный пароль «607 Мэдисон-авеню», который «оборотень» знал заранее, вложил при рукопожатии небольшой предмет. Советский полковник быстро его спрятал в карман...

Дома «Бурбон» тщательно рассмотрел «забугорную» передачу. Это был аппарат величиною с пятикопеечную монету, предназначенный для постановки и читки микроточек. К нему прилагалась инструкция с подробным описанием правил пользования, способов маскировки микроточек и перечень конспиративных адресов за границей.

Микроточки представляли собой кусочки пленки величиной с маковое зернышко, на которой, например, могли уместиться сфотографированные листы чертежей и других документов секретного характера. Их прятали под марки, в бумажные карманы, в расслоение открыток и т. д. Считывался текст с них при помощи спецтехники.

* * *

В начале 1973 года Поляков с семьей вылетел в Индию. В марте того же года на одном из представительских приемов в разговоре с военным атташе посольства США полковником Кингом Поляков без стеснения спросил:

— Господин Кинг, скажите, когда сотрудники ЦРУ восстановят со мной оперативную связь? У меня есть интересные материалы военно-стратегического характера. Я же ведь недавно из Москвы.

— Думаю, специалисты, о которых вы мне говорите, вас не забудут. Срочную информацию можете передать

мне.

— Лучше подожду представителей ЦРУ — моих коллег, — довольный, редко улыбающийся Поляков, широко растянул узкие губы.

Ждать долго не пришлось. В июле 1973 года в Дели прибыл первый секретарь посольства США — сотрудник ЦРУ Пауль Лео Диллон. Произошло так называемое «знакомство на людях». О новом «знакомом» Поляков рассказал сотрудникам, жене, сообщил в Центр и, как в предыдущей командировке, попросил санкции на изучение американца в качестве вероятности его приобщения к агентурной работе.

И на этот раз добро из Москвы было получено с припиской одного из руководителей ГРУ:

«Изучение Диллона санкционирую с целью выхода через него на других сотрудников посольства США».

В отчетах Диллон проходил под псевдонимом «Плед».

Первый рабочий контакт агента с разведчиком прошел на рыбалке, где «Бурбон» передал собранные еще в Москве сведения по центральным аппаратам ГРУ и Министерства обороны СССР. Затем серия встреч состоялась в делийских гостиницах «Оберой» и «Ашока».

И все же наиболее интенсивно использовались для конспиративных встреч выезды на природу, где член редколлегии советского журнала «Охота и охотничье хозяйство» Дмитрий Федорович Поляков демонстрировал не только теоретические знания, рассказывал увлекательные байки за шашлыками, но и показывал реальные навыки меткой стрельбы. Стрелял он действительно отлично, как снайпер, но, к сожалению, не только по тем, охотничьим, целям, но и по мишеням из советских документов секретного характера.

В 1974 году в целях создания видимости активной работы, а также для укрепления авторитета своего агента в глазах руководства ГРУ американцы подготовили ему «кандидата на вербовку». На этот раз им стал сержант Роберт Марциновский, работавший в аппарате военного атташе посольства США.

Обманутый Центр с удовольствием проглотил очередную подслащенную пилюлю. Авторитет Полякова стал стремительно расти. Изучаемого янки вскоре зарегистрировали в ГРУ под кличкой «Ринос». Самого же Роберта как подставу использовали «втемную». Он, естественно, не знал сути отношений между советским полковником и коллегами. С их стороны ему была дана установка, чтобы он «не отказывался» от просьб иностранного дипломата.

Только поэтому Марциновский искренне полагал, что выполняет какую-то очень важную задачу и участвует в хитроумной игре своей разведки, затеянной с русскими. Он надувал щеки и представлял себя чуть ли не персонажем из английских сериалов-триллеров, агентом 007 — Джеймсом Бондом.

«Бурбон» провел с «Риносом» всего четыре встречи, получив от него незначительную информацию. Отправленная же в Москву, она получила неожиданно для Полякова достаточно высокую оценку. Центр посчитал «Риноса» перспективным агентом и рекомендовал продолжить «разработку» американца.

Долго, однако, с «Риносом» работать не пришлось. То ли церэушников испугала возможность провала своего ценного «крота» из-за грубо сварганенной подставы, то ли иссякла фантазия лепить каждый раз новые «дезинформационные пироги», во всяком случае Марциновского быстренько переправили на родной материк.

В 1976 году Поляков покинул Индию — закончился срок командировки. Возвратившись домой, он ожидал очередного назначения. Волновался из-за затяжек с трудоустройством. Присматривался к переменам в центральном аппарате ГРУ, новым людям — рядовым и руководителям. Его грудь в очередной раз украсила высокая правительственная награда — орден Красной Звезды «за заслуги» перед Родиной.

Став начальником факультета Военно-дипломатической академии и получив звание генерал-майора, он несколько успокоился. Понимал, что «вторая работа» на территории всего Союза и, в частности Москвы, намного труднее и опаснее заграничной. Там он сам себе устанавливал порядок рабочего дня, здесь же приходилось тщательно планировать любую операцию по связи, ловчить и обманывать родственников и сослуживцев.

Линию поведения, рекомендуемую ему спецслужбами США, он неукоснительно претворял в жизнь. Все политические мероприятия Поляков активно поддерживал. На партийных собраниях гневно клеймил американский империализм, даже иногда отчитывая отдельных коммунистов за политическую слепоту и идеологический нигилизм.

Деловая активность новоиспеченного генерала скоро была замечена начальником политотдела. Полякову предложили перейти на партийную работу. Он отказывается, благодарит за проявленное к нему доверие, обещает и дальше на службе руководствоваться партийными установками, говорит, что в «шкуре секретаря первичной парторганизации» он уже побывал.

Играя сразу две роли в опасном спектакле, Поляков не заметил, как накопилась стрессовая усталость. Ее видели или догадывались о ней родственники и близкие, сослуживцы и знакомые по нервным срывам, быстрой утомляемости, набухшими мешками под глазами, раздражительности. Освоившись с должностью начальника факультета, он понял, что может до самой пенсии передавать опыт молодежи и делиться воспоминаниями о былом. И таким образом избежать возмездия.

«Нет, — однажды осенила его мысль, — надо потрянуть стариной. У меня же имеется прекрасная возможность заявить о себе. Показать хозяевам, что «Бурбон» еще чего-то стоит...».

* * *

В течение недели он выжидал удобное время для фотографирования списка личного состава факультета. И вот этот час наступил. Закрывшись в кабинете, он положил листы на стол. Штору окна задернул, словно прячась от яркого солнечного света. Тихо защелкал фотоаппарат... Таких «рабочих циклов» было несколько. Судьбы будущих военных разведчиков нескольких курсов его факультета отдавались в руки противника. Она, служебная карьера, этой офицерской элиты — будущих выпускников ВДА если не ломалась совсем, то существенно сжималась тисками широкой осведомленности американских спецслужб. А они ведь подобной информацией делились со своими союзниками по блоку НАТО.

В июне 1978 года «Бурбон» передал очередную информацию через тайник. Камуфляжем служил кирпич, имевший полую сердцевину, разделенную перегородками. Он вырубил их зубилом, вложил пять

катушек экспонированных фотопленок и забрызгал кирпич жидким цементным раствором, придав ему вид бывшего в употреблении. Этот контейнер положил, согласно требованиям последнего плана по связи, у основания столба № 81 на одной из магистралей столицы.

Ждать долго не пришлось. Утром, войдя на кухню, Поляков увидел загоревшуюся лампочку сигнализатора на часах и порадовался, что его затея сработала чисто. Сам он, как домушник-рецидивист, следов не оставлял — работал, как говорится, без помарок. Опыт военного разведчика-агента пригодился «Бурбону». Да и экипировка соответствовала, вооружен был по последнему слову шпионской техники. В любой современной спецслужбе позавидуют. Чего стоит одна аппаратура быстродействующей двусторонней радиосвязи с применением приемно-передающего устройства! Нажималась соответствующая кнопка — и определенный сигнал в считанные секунды запрограммированного времени фиксировался в одной из комнат посольства США в Москве. Это помещение принадлежало резидентуре ЦРУ.

Патологически боясь пеленгации, «Бурбон» практиковал довольно часто такую форму связи — «выстреливать» в течение секунды информацию непосредственно из автотранспорта или находясь напротив американского представительства на одной из автобусно-троллейбусных остановок.

Он провел в столице 25 таких сеансов двусторонней радиосвязи — информационных «выстрелов» по посольству. Принималась информация так же, только нажималась другая кнопка миниатюрного приемно-передающего устройства. Это устройство находилось в кармане верхней одежды.

Время, когда приходится чего-то или кого-то ждать, уже давно замечено, тянется бесконечно долго. В беспокойном ожидании команды-приказа выехать в очередную заграникомандировку Поляков находился каждый день. Даже ночами эти мысли не давали ему уснуть и породили глубокую бессонницу, не снимаемую никакими лекарствами. Надежда таяла — руководство молчало, не было никаких даже полунамеков. Вспомнились однажды слова Ницше о том, что верное средство рассердить людей и внушить им злые мысли — заставить их долго ждать. На длительное ожидание он ответил несколькими «радиовыстрелами» по посольству США.

С присущей ему энергией начал перестраивать дачу. Мастерить он любил. Знал толк в работе с деревом. Инструмент, в основном подаренный американцами, позволял работать качественно, быстро и с наслаждением. Поляков считал, что плотницкое и столярное дело особенно благотворно влияет на нервную систему и психику.

Заколачивая однажды бронзовые шляпки гвоздей, подаренных церэушниками еще в Бирме, в ошкуренную золотисто-соломенного цвета сосновую вагонку, он подумал:

«А что, разве я стар? Попаду если за границу, есть смысл не возвращаться. Заслуги перед США у меня приличные — гражданство янки обязательно дадут. Проблема только с сыновьями. Как их вытащить?»

В начале 1979 года Поляков от друзей узнал, что его кандидатура в числе других рассматривается в качестве военного атташе в Индии. Вскоре начальник управления кадров вызвал его в кабинет и, улыбаясь, поведал:

— Дмитрий Федорович, я предложил начальнику ГРУ генералу Ивашутину вашу кандидатуру на должность военного атташе в Дели. Он согласился со мной. Скоро пойдете на комиссию.

«Ишь как заливает, как поет соловушка! Болеет, оказывается, за меня. А почему? Сколько подарков ты получил?! Ни один отпуск, ни одна командировка не проходила, чтобы я тебе не занес «сувенирчик» ценой этак за сотни долларов. Ты отнекивался, но брал, брал, брал... Не ты, а я тебя купил, а посему и заказываю музыку, — мысленно бросал Поляков реплики начальнику управления кадров. — А брал потому, что такая практика в нашем ведомстве процветает. И такие, как ты, бывшие работники ЦК, повинны в насаждении подобных порочных традиций по всей стране».

— Коллектив в военном аппарате избалован, — продолжал кадровик. — Нетребовательность из-за мягкотелости бывшего начальника сделала свое дурное дело. Вам как опытному работнику придется немало потрудиться, чтобы переломить ситуацию, сколотить в целом дружный, работоспособный коллектив, с помощью которого и должны будете решать многочисленные задачи по этой непростой стране. Справитесь? — И, словно уловив на лице Полякова ухмылку, добавил:

— Вы к моим словам, сударь, отнеситесь серьезно. Только добра вам желаю.

«Твое добро ясно как день божий, зачищаешь контакты, чтобы снова порадовать тебя сувенирчиком. Не дожدهшься. У меня другие планы, — мысленно съязвил Поляков. — Остаток лет проведу в Америке. Я заслужил такой финал».

Не догадывался «оборотень», какой финал ему уготовила Мойра — богиня судьбы, но должен был знать...

* * *

Выездной комиссии при начальнике ГРУ он дал принципиальное согласие поработать «на благо Родины» в Индии. Как поется в песне, «были сборы не долги...». О задуманном побеге он не рассказывал пока ни жене, ни детям, понимая: чем сложнее и грандиознее план, тем больше шансов, что он провалится. Реализацию его намечал на третий, последний год службы за границей. И тут же он вспомнил слова Франклина Рузвельта о том, что единственной преградой осуществлению наших планов на завтра могут быть наши сегодняшние сомнения. Пока, к сожалению, эти сомнения у него жили в душе.

«Надо пожить три года за счет «родного государства», «подоить» его хорошенько, а там уже переходить на соц-обеспечение друзей», — так рассуждал «Бурбон», принимая решение о дальнейшем устройстве жизни.

В Индии американцы его уже ждали. Связь с агентом поддерживал кадровый разведчик Вольдемар Скатцко, работавший под посольской «крышей». С ним «Бурбону» было суждено провести только десять конспиративных встреч. Одиннадцатая не состоялась, так как в 1980 году Полякова под предлогом участия в важном совещании отозвали в Москву и он тут же был уволен...

* * *

Начальника 1-го отдела 3-го Главного управления КГБ с материалами дела оперативной разработки на «Дипломата» — Полякова Д.Ф. вызвал первый заместитель председателя Комитета государственной

безопасности, генерал армии — небольшого росточка человек с бритой круглой головой, как-то вяло держащейся на узких, почти мальчишеских плечах. Бывший профессиональный партийный чиновник был говорлив, достаточно образован, однако ему не хватало личного чекистского опыта, каким обладали другие руководители КГБ. В то же время ради справедливости надо отметить, что он прошел по времени достаточно длинную оперативную школу. Вскоре Цинев прервал доклад подчиненного и писклявым голосом произнес:

— Вот что я вам скажу, товарищ полковник. Если мы начнем арестовывать генералов, кто воевать-то будет? Защищать Отчизну... Вы подумали об авторитете разведки Генерального штаба, кстати, и военной контрразведки тоже? У вас в материалах дела нет никаких серьезных вещественных доказательств...

— Есть, товарищ генерал, и еще будут. Мы на пути к открытию момента истины. Результаты аналитической работы, проведенные оперативниками второго отделения отдела, говорят не только о том, что перед нами матерый шпион, но и позволяют определить места вероятного хранения главных уликовых материалов — шпионской экипировки.

— Ваш анализ следователям не нужен, дайте им вещественные доказательства — и дело закрутится, — проворчал маленький генерал с большими звездами на погонах.

— Они будут, потому что есть. Разрешите действовать согласно плану оперативных мероприятий.

— Действуйте, только без третьего и четвертого пунктов плана.

— Но ведь это же основные пункты, — еле успел проговорить оперативник.

— Вы свободны. Кстати, а то, что «Дипломат» тесно общался с военными атташе США в Бирме и Индии, ни о чем еще не говорит...

Прошло немало времени в тяжелейшей тяжбе с начальством, пока оперативники наконец-то убедили все инстанции — от председателя КГБ и до военного прокурора — о наличии оснований для задержания Полякова — «Дипломата».

За это время оперативный состав второго отделения основательно проработал материалы своих предшественников: поднимались архивные дела по расследованию фактов утечки секретных данных, проводился их дополнительный анализ, оценивались вновь поступавшие данные, выдвигались и перепроверялись очередные версии по вновь открывшимся обстоятельствам.

Год за годом, месяц за месяцем сужался круг подозреваемых лиц в возможной причастности офицеров ГРУ Генштаба к агентуре противника. А круг был велик — сначала в него входило более шестидесяти человек! Через год осталось 31, на следующий — 25, потом — 10. И наконец, пятеро... Последний год был самым активным, самым нервным. Наконец-то вычислили кандидата на задержание и проведения с ним соответствующей работы. Им был генерал-майор Поляков, чья причастность к вражеской агентуре была оперативно доказана. И вот санкция на конспиративное задержание Полякова была получена, обставленная немалым количеством письменных предупреждений страховочного плана, в том числе о наступлении тяжелых административно-правовых последствий в случае провала операции.

Риск, конечно, был: шпионскую экипировку, о которой военные контрразведчики знали, где она хранится, предатель мог уничтожить в любое время. Но оставалась надежда, выстроенная на солидной практике работников второго отделения, что уликовые материалы никуда не денутся — они под охраной. С другой стороны, чекисты догадывались оперативным

чутьем, что «Дипломат» их сохраняет для возобновления преступной деятельности. Такую уверенность могут проявлять и испытывать только профессионалы высокого класса. Серия проведенных оперативно-технических мероприятий подтвердила правильность разработки в направлении легализации уликовых материалов. Оперативным путем они были обнаружены в тайнике. Теперь у контрразведчиков были все основания заявить: перед ними — шпион.

* * *

7 июля 1986 года Поляков был задержан по поводу хранения незарегистрированного огнестрельного оружия и препровожден в Лефортово. Как и ожидалось, на поставленные вопросы контрразведывательного характера дал сразу же соответствующие пояснения.

— Я давно хотел вам все рассказать, но времени свободного не было... Хотя ждал, всегда ждал, что этот черный день для меня наступит, — проговорил шпион и стал добровольно перечислять сохранившиеся аксессуары шпионской экипировки и указывать места их хранения.

Не надо забывать, что это был агент ЦРУ с великим опытом, длиною в двадцать с лишним лет, прекрасно понимающий, что после задержания начнутся обыски и непременно будут найдены улики, а поэтому решил сыграть на получении смягчающих обстоятельств, — дескать, «чистосердечное» признание зачтется.

«Найдут ведь, все равно найдут, а может, уже знают, где эти «игрушки» находятся, и водят меня за нос. Тут есть шанс, и им надо воспользоваться, — рассуждал «оборотень», загнанный в клетку, — но надо четко заявить, что работал на ЦРУ только за границей, и то из-за неприятия реформ Хрущева. Действовал как

социал-демократ, чьи идеи мне всегда были ближе, чем коммунистические».

Об этой особой «любви» к социал-демократии, которая, как он посчитал, будет приветствоваться «архитекторами перестройки», он и скажет спустя некоторое время на суде. Разоблаченный шпион тонко почувствовал наступление анти-державных реформ горбачевской эпохи и хотел хоть какой-то гранью своего обвинения в чудовищном преступлении прислониться к кремлевским политикам. Надеялся — Горбачев разделит с ним эти мысли «борьбы с тоталитаризмом социал-демократическим оружием». Но и тут ошибся...

Оперативный состав второго отделения был удовлетворен результатами своего труда — этого трудового чекистского марафона. Каждый сотрудник подразделения внес свою конкретную лепту в разоблачение матерого шпиона, поставившего своеобразный рекорд преступного долголетия. Руководство военной контрразведки КГБ СССР особо отметило работу по этому делу таких опытных сотрудников, как А. Моляков, С. Безрученков, Н. Михайлюков, И. Хорьков, А. Бганцев, С. Цветкова и ряда других оперативных работников. Они все были отмечены ведомственными и правительственными наградами. Автор получил за участие в операциях по разоблачению шпиона знак «Почетный сотрудник госбезопасности». Это была высокая оценка труда военного контрразведчика...

Следствие неоспоримо доказало сотрудничество Полякова с американскими спецслужбами и представило вещественные улики. Среди них — инструкция «Бурбону» по связи с американскими разведцентрами как на территории США, так и стран Запада, закамуфлированная в подложку брелка для ключей; двадцать листов тайнописной копки,

замаскированной в книге американского издания; два кадра микроплёнки с текстом инструкции по радиосвязи и схемой постановки графического сигнала в районе Воробьевского шоссе, находившиеся внутри дюралевой трубки; специальное устройство для подзарядки аккумуляторов быстродействующего приемопередатчика, вмонтированного в бытовую радиотехнику.

Кроме того, следствие представило четыре контейнера для хранения и транспортировки шпионской экипировки, оборудованные в обложках книг и футляре для рыболовных принадлежностей, транзисторный приемник иностранного производства, предназначенный для приема односторонних радиопередач, и ряд других предметов шпионской экипировки.

Находясь в камере следственного изолятора КГБ, Поляков часто обращался к прошлому, анализируя свои действия. Сокамернику он говорил:

— О многом, что я делал, чекистам почему-то известно, словно из первых уст. Наверное, американцы меня заложили ради спасения более важной и молодой птицы. Где же верность долгу? Я же на них проработал столько лет, и вот такое свинское отношение. Никто из-за океана не поднял голос в мою защиту! Сволочи они все! Сколько из них на моей информации выросли, сделали себе карьеру?!

Здесь «Бурбон» был частично лишь прав. Карьеру они и ему делали за предательство. А что касается «забугорной» реакции, то она была. О нем все-таки вспомнили, но не правительственные, тем более не церээушные чиновники. Для них он был уже отработанным материалом. О Полякове вспомнил член Европарламента консерватор лорд Беттелл, который неоднократно, но безуспешно поднимал вопрос о

судьбе «Топ Хэта» в Комитете по правам человека этой международной организации.

13 сентября 1990 года лорд получил письмо от советского посла в Европейском сообществе Владимира Шемлатенкова, в котором говорилось:

«Я хотел бы проинформировать Вас о том, что, согласно официальному ответу из Верховного суда СССР, Поляков был приговорен к высшей мере наказания по обвинению в шпионаже и нарушении таможенного законодательства.

4.3.1988 года его просьба о помиловании была отклонена Президиумом Верховного Совета СССР.

Приговор приведен в исполнение 15 марта 1988 года».

Но это к слову о защите провалившегося ценнейшего агента его хозяевами. А пока, до суда, события разворачивались так...

Он в камере болтает с сокамерником о жизни, пролетевшей, как один миг. Уставившись в зарешеченное окошко, он ощутил вдруг прилив воспоминаний, подобных сновидениям. Такие чувства, замешанные со сгустками галлюцинаций, появляются у человека, как читал он когда-то в одном из американских журналов, перед уходом из жизни. В красочном калейдоскопе прошедших событий вдруг возникали пронзительно четкие, живые картинки. В голографическом трехмерном объемном измерении проплывали суровые реалии фронтового ада, веселой послевоенной службы, а затем безмятежные годы учебы. Промелькнули счастливые будни заграничной сытой жизни, растянувшиеся в совокупности цепочкой на целых пятнадцать лет...

На судебном процессе он попытался побороться за жизнь, смысл которой, по мере осознания содеянного, плавился, как воск на солнцепеке. На скамье подсудимых сидел постаревший сразу лет на десять и

осунувшийся до неузнаваемости человек. Трудно было узнать в нем еще недавно энергичного генерала, словоохотливого на охотничьи и рыбацкие побасенки.

На вопрос государственного обвинителя — военного прокурора, что его толкнуло на предательство, Поляков, позабыв о своих бессонных разоблачениях, заученно ответил: неприязнь к социалистическому строю и социал-демократическая ориентация. Зная, что в это время Горбачев уже заявлял о своей приверженности социал-демократии, становилось ясно, что предатель рассчитывал на снисхождение, дескать, смотрите, граждане судьи, я рассуждаю так же, как и генеральный секретарь.

Но материалы следственного дела объективно высветили совершенно иную картину: Поляков пошел на предательство в основном из-за материальных, корыстных соображений. Принимая дорогостоящие подарки, он прекрасно понимал, что это плата за преданных коллег и проданные секреты ГРУ и страны в целом.

«Бурбон» передал американцам все, что знал, и что мог узнать, используя свое высокое служебное положение. Вот лишь незначительная часть шпионского товара, полученного ЦРУ от своего агента:

- об организационной структуре Генштаба, ГРУ и других управлений МО СССР;

- о личном составе разведаппаратов ГРУ в США, Бирме и Индии;

- о наших разведчиках-нелегалах в США, методах их подготовки и способах поддержания с ними связи;

- о составе агентурных сетей разведаппаратов ГРУ в странах его пребывания;

- материалы оперативной переписки за период его нахождения в Бирме и Индии;

- учебники: «Стратегическая разведка», «Оперативная разведка» с гифом «Совершенно

секретно особой важности» и многое другое, о чем читатель уже знает.

«Оборотень» в генеральских погонах выдал 19 нелегалов-разведчиков, более 150 агентов из числа иностранных граждан, раскрыл принадлежность к советской военной и внешней разведке 1500 офицеров.

Неслучайно бывший шеф ЦРУ Д. Булей так отзывался о разоблаченном генерале:

«Из всех секретных агентов США, завербованных в ходе холодной войны, Поляков был драгоценным камнем в короне американской разведки».

Следует заметить, что в ходе следствия и судебного разбирательства то и дело возникала одна интрига. Военные контрразведчики считали, что Поляков не все выложил следователям и судьям. Они надеялись, что он сможет еще многое «вспомнить», что уберет от провалов некоторых агентов военной разведки и даст возможность с учетом показаний разоблаченного предателя организовать более продуктивную работу на каналах вероятного проникновения вражеской агентуры в подразделения ГРУ Генштаба.

Была подготовлена мотивированная записка на имя Генерального секретаря ЦК КПСС с просьбой не лишать Полякова жизни. Горбачев отказал в просьбе чекистам. Подобным образом поступил и Хрущев в отношении шпиона Пеньковского.

Суд воздал «оборотню» по заслугам. Хотя и с большим опозданием, но справедливое возмездие наступило. Опаснейшего «крота» в ГРУ Генштаба обезвредили военные контрразведчики во взаимодействии с другими подразделениями КГБ СССР.

Предатели предают прежде всего самих себя.

Послесловие

Нация — множество, народ-единство.

Владимир Микушевич

Кто бы что ни говорил о каких-то непониманиях и даже противоречиях между военной разведкой и военной контрразведкой, ясно одно — Великая Отечественная война сплотила их, как и весь советский народ, через единство цели — победить коричневое нашествие. А разве только эта страшная, горячая, священная война? Эти две спецслужбы постоянно на войне — тайной, незримой, коварной, не прекращающейся ни на минуту. Они и добывают секреты, и их защищают.

Единение, писал Л.Н. Толстой, возможно только в истине, а чтобы достигнуть истины, надо одно: искать ее постоянным, неперестающим духовным усилием.

В 2018 году воины незримого фронта отмечают ряд знаменательных дат — столетие со дня образования военной разведки 5 ноября и военной контрразведки 19 декабря, а также 75-летие Главного управления контрразведки Смерш НКО СССР, органа, просуществовавшего недолго, самое трагическое время для Советской России — с 1943 по 1946 год. «Смерть шпионам» так расшифровывалось короткое, хлесткое, как выстрел, новое не только по названию, но и по содержанию деятельности слово «Смерш». Именно советским военным контрразведчикам удалось воплотить этот лозунг в жизнь, уничтожив или нейтрализовав практически всю агентуру противника.

Говорят острословы, что «переиграть» сотрудников Смерша удалось лишь Джеймсу Бонду, да и только в

кино. В реальности же его коллегам из спецслужб Третьего рейха пришлось признать собственное поражение, сдаться на милость победителей и отправиться в сибирские лагеря или бежать на Запад, заразив его страхом перед советской военной контрразведкой.

Оскар Уайльд считал, что шпионы — вымирающая профессия. За них теперь все делают газеты, многие профессионалы могут с ним поспорить. Пример — друг Советского Союза, руководитель довольно эффективной разведки ГДР генерал-полковник Маркус Вольф считал, что шпионаж — это вечная ценность.

Военная разведка как добывающий орган информации о противнике существует на земле столько, сколько живет и воюет само беспокойное человечество. Лаконично выразил с глубоким смыслом понимания технологии добычи чужих тайн английский журналист К. Рисе, посвятивший себя многолетнему исследованию этой сферы деятельности людей, прикрытых тенью ведомственной и государственной тайны. Так Рисе дает следующее определение этой службы в своей книге «Тотальный шпионаж»:

Каждый может быть шпионом;

Каждый должен быть шпионом;

Нет тайны, которую нельзя было бы узнать.

Именно военная разведка, и тактическая, и стратегическая, зарекомендовала себя настоящими бойцами невидимых сражений, добывая планы противника как в мирные дни, так в периоды военных лихолетий. Если бы партийные бонзы и сам Сталин прислушивались и анализировали добытые военной разведкой секретные сведения о приготовлениях нацистского руководства к войне, не было бы тех трагических последствий, оплаченных людскими жизнями и большой кровью, накануне и в первые месяцы Великой Отечественной войны. Такие же

картины писались и в других локальных конфликтах, в которых довелось воевать Советскому Солдату. Кто предупрежден, тот вооружен.

История становления и развития государственности показывает, что все беды и в чужих странах, и в нашей державе шли и идут от некомпетентных шептунов вокруг князей, вождей, королей, генсеков, президентов, которые со временем становились и становятся заложниками «умных советов» блюдолизов.

В периоды тяжелых военных испытаний Армия, Разведка и Контрразведка цементируют многонациональное общество и превращают людей в народ, который и составляет то неодолимое единство, о который спотыкается любой агрессор. Там, где врага не доставала армия, особенно на оккупированных территориях, его били партизаны, костяком и организаторами которых часто становились командиры и офицеры военной разведки и сотрудники контрразведки.

В разведке и контрразведке оправдываются результаты!

Вот уж действительно: без разведки армия слепа, а без контрразведки — беззащитна!

Библиография

1. Дэвид Уайз. Охота на «кротов». — М.: Международные отношения, 1994.
2. Колпакиди А. и Прохоров Д. Империя ГРУ. т. 2. — М.: ОЛМА-ПРЕСС. 2000.
3. Александр Север и Александр Колпакиди. ГРУ. Уникальная энциклопедия. — М.: ЭКСМО ЯУЗА. 2009.
4. Матвеев А.А. 1418 дней и ночей Великой Отечественной войны. — М.: Ягуар. 2002.
5. Владимир Пещерский. Красная капелла. Советская разведка против абвера и гестапо. — М.: Центрополиграф. 2000.
6. Михаил Болтунов. Невидимое оружие ГРУ. — М.: ОЛМА-ПРЕСС. 2002.
7. Клим Дегтярев и Александр Колпакиди. СМЕРШ — «Смерть шпионам!» — М.: ЭКСМО-ЯУЗА. 2009.
8. Киселев А.В. Сталинский фаворит с Лубянки. С.-Петербург. — Издательский дом «Нева». 2003.
9. Анатолий Максимов. Главная тайна ГРУ. — М.: ЯУЗА-ЭКСМО. 2010.
10. Курт Рисе. Тотальный шпионаж. — М.: Воениздат НКО СССР. 1945.
11. Анатолий Уткин. Месть за победу — новая война.-М.: ЭКСМО- АЛГОРИТМ. 2005.
12. Александр Клинге. Гитлер без лжи. 10 мифов о фюрере. — М.: ЯУЗА-ПРЕСС. 2013.
13. Траудль Юнге. Воспоминания секретаря Гитлера. До последнего часа. — М.: АСТ. Астрель. 2005.
14. Вернер Хаупт. Сражение за Берлин. Штурм цитадели Гитлера. 1945. — М.: ЦЕНТРОПОЛИГРАФ. 2014.
15. Тобиас Книбе. Операция «Валькирия». — М.: АСТ. Астрель. 2009.

16. Леон Арбатский. Последняя тайна Третьего рейха. Гитлер капут? — М.: ЯУЗА. 2006.

17. Том Мэнголд. Цепной пес холодной войны. — М.: ЦЕНТРПОЛИГРАФ. 2001.

18. Ф. Эйджи и Л. Вулф. Грязная работа ЦРУ в Западной Европе. — М.: Воениздат МО СССР. 1982.

19. Непомнящий Н.Н. Из секретных архивов разведок мира». — М.: АСТ. ОЛИМП. 1998.

20. Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. — Изд. пятое. М.: ОГИЗ. Политиздат. 1947.

21. А. Жемчугов. Очерк «Ракетоносец». — М.: Газета «Совершенно секретно № 11.1998.